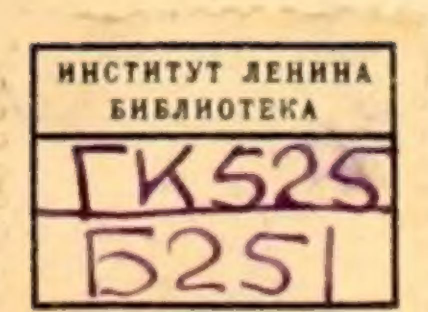
БОЙЦЫ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

1934

УРАЛГИЗ

Ш/
Б
ГК525 Х
Б 251

ОБЛИСТПАРТ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
СЕРИЯ: ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЕ

П. БАЖОВ

БОЙЦЫ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

К ИСТОРИИ ПОЛКА КРАСНЫХ ОРЛОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. С. МОИСЕЕВА

УРАЛЬСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК 1934

Бажов Павел Петрович „Бойцы первого призыва“

Книга П. Бажова ввиде отдельных очерков освещает начальный период организации и боевого пути в 1918 году на Уральском фронте Первого крестьянского коммунистического краснознаменного полка „Красных орлов“, образовавшегося, как и ряд других регулярных частей Красной армии, из отрядов местных красногвардейских и партизанских отрядов.

Автор — участник излагаемых в очерках событий до момента занятия белыми г. Перми.

Уралгиз. Свердловск, 1934. Редактор *Ф. Г. Колышева.* Технический редактор *Б. Н. Новиков* Корректор *И. Е. Маркова.* Сдано в набор 13 января 1934 г. Подписано к печати 5 мая 1934 г. Формат бум. 72×110/32. Бумага Акуловской фабрики. Бум. л.—2½. Изд. л.— 5. Зн. в бум. л. 140000. Инд. V— Эк—2 6. Уралгиз № 1034. Уполномоченный Свердоблита В—4. Тираж 5.160 экз. Типография Огиза. треста„ Полиграфкнига“ Заказ № 50. Свердловск, Банковский пер., 3

К читателям

У полка очень ответственное имя — Первый крестьянский коммунистический красных орлов.

К этому надо добавить, что полк является первым по СССР краснознаменным, что организовался он в то время, когда методы формирования Красной армии еще не были освоены.

Все это заставляет подходить к истории полка с особой внимательностью.

Собранный материал,— главным образом ввиде воспоминаний участников и выписок из документов,— далеко еще недостаточен, чтобы на основе только этого материала пытаться дать более или менее полную историю полка.

Из печатных источников по истории полка имеется лишь довольно большое количество статей в газетах (в шадринской — „Рабоче-крестьянская правда“ и «Путь к коммуне»).

Однако материалы газет имеют заметный уклон изобразить организацию полка как явление чисто местное — районное, в отрыве от областного и уездного партийного руководства и почти вне влияния рабочих центров.

В действительности дело обстояло вовсе не так. Ведущая роль здесь, разумется, принадлежала партийной оргаизации, которая, опираясь в первую очередь на рабочих депо станций Камышлов, Каменского и Талицкого заводов, сумела правильно развернуть работу с деревенской беднотой.

Воспоминания участников, представляя материал огромной ценности, освещают вопрос тоже довольно односторонне. Они сосредоточиваются на отдельных, наиболее красочных эпизодах боевой жизни, на вопросах тактики и стратегии, на заметных именах военного руководства, но почти совсем не отмечают то основное, что сделало полк наиболее крепкой боевой единицей Уральского фронта в 1918 году.

Вполне понятно, что героизм бойцов и правильное военно-оперативное руководство имели большое значение, но основным все-таки являлась партийная работа.

Только последовательное проведение ленинской политики в отношении к крестьянству дало возможность пролетариату найти должную поддержку со стороны бедняцких слоев деревни и частично,— в наиболее благоприятных условиях,— повести за собой и середняка.

Под этим углом автор и дает исторический материал ввиде отдельных очерков событий, как последние отложились в памяти современника и участника, работавшего в то время в уездном центре.

Всилу этого в книжку вводится многое, что до этого времени не связывалось с историей полка. В то же время отдельные моменты воспоминаний, представляющие собой повторение или подтверждение уже рассказанного, значительно сокращены или вовсе опущены.

В частности совсем опускается тот период, когда полк перешел полностью на положение регулярной части Красной армии с централизованным снабжением и определенным порядком комплектования. Из этой полосы дается лишь краткая сводка наиболее значительных событий.

Ни объем работы, ни собранные материалы не позволяли автору расширять рамки показа за пределы полка, как отдельной боевой единицы III армии Уральского фронта. Частично упоминаются соседние части и то лишь в случаях, когда их действия имели исключительное значение для операций полка. Это, разумеется, нельзя понимать как желание автора показать полк в отрыве от общей организованной борьбы рабочих за Урал.

Книжка ни в какой мере не претендует на полноту освещения первой стадии организации полка и первых шагов его славного боевого пути. Автор считал бы себя удовлетворенным, если бы его очерки подтолкнули кого-нибудь из историков-марксистов к более глубокому исследованию на этом историческом участке.

Автор.

В краю коренного землероба

„Обращает внимание, какою мерою Сталин измеряет кратчайшее оперативное направление. В гражданской войне простая арифметика бывает недостаточна и часто ошибочна. Путь от Царицына до Новороссийска может оказаться гораздо длиннее, потому что он проходит через враждебную классовую среду. И наоборот, путь от Тулы до Новороссийска может оказаться гораздо короче, потому что он идет через рабочий Харьков, через шахтерский Донбасс.

К. Ворошилов, „Сталин", стр. 59.

Бассейн рек сибирского ската: Исети, Пышмы и Ницы, в границах прежних уездов Шадринского, Ирбитского и Камышловского с населением свыше 500 тысяч человек издавна считался чисто земледельческим.

По сюсюкающему говору квасных патриотов здесь жил „подлинный мужик", «коренной землероб», труженик и опора земли русской".

Этот именно край выбрал Мамин-Сибиряк для своего большого полотна „Хлеб", где дана картина начала крупнокапиталистической эксплоатации крестьянского населения через банковскую систему торговли хлебом.

В этот же район Мамин-Сибиряк в другом своем полотне „Приваловские миллионы" перенес деятельность одного из самых наглых капиталистических хищников Маляхинского Пуцилло, наследники которого под их настоящей фамилией Поклевских-Козелл не мало пакостили пролетариату после Февральской революции. От Октябрьской они предусмотрительно смылись, оставив на 65 комнат своего дома в Талице одного, уже позеленевшего от старости, деда.

Не был забыт исетско-пышминский край и в полосу „хождения в народ". В делах охранки нередки документы вроде следующего:

„В Стриганской волости, Ирбитского уезда, арестован неизвестный человек без всяких документов, назвавшийся кузнецом Студеным, при нем были найдены книги „Христианство и социализм", сочинение Августа Бебеля и письмо, начинающееся словами: „Матвей, будь добр, спрячь мой ящик с книгами"[1].

На затухавшей волне 1905 года были здесь и крестьянские восстания, но немного и с запозданием,—в 1907 году. Наиболее заметно „Першинское дело" Стриганской волости, Ирбитского уезда. О значимости последнего можно судить по свирепому приговору военно-полевого суда. Из 75 арестованных 9 были приговорены к бессрочной каторге, дальше шла каторга от 15 до 20 лет и „самое мягкое"—для шестерых были исправительные роты от 2 до 3 лет.

Население Исетско-Пышминского района на первый взгляд казалось действительно довольно однородным крестьянским массивом, с общинным землепользованием.

Недаром скульптор Иванов-Шадр, получив задание разработать тип крестьянина времени начала революции, без большого раздумья поехал за натурой на родину—в Шадринский уезд. Там он слепил „червонного мужика" (фигура сеятеля на червонцах и облигациях первого крестьянского займа), там же изготовил и „марочного деда". Обоих по натуре из деревни Прыговой, бывшего Исетского района.

По этому поводу в журналах-еженидельниках 1925—1927 годов (из центральных—в „Прожекторе", „Красной ниве", из уральских—в „Колосе") не раз помещались очерки, где неизбежно отмечалось, что исетско-пышминский край исключительно крестьянский, никогда не знавший помещика.

Внешне это так и было. В одном лишь Ирбитском уезде помещичьи земли имели кой-какое значение. В остальных они представляли совсем ничтожную величину.

---

[1] Уралпартархив, дело № 7, стр 78.

В частности, например по Шадринскому уезду, положение с землей в 1917 году было таким[1].

Надельной крестьянской земли . . .	1.427.615	десятин
Казенной лесной и оброчных статей .	226.418	„
Частновладельческих земель	4.718	„
Церковных и монастырских	9.512	„
Городских	9.179	„
Всего	1.677.442	десятины

Таким образом всех частновладельческих с церковными и городскими было не выше $1^1/_2\%$ к общей земельной площади.

Еще ниже был процент частновладельческих земель по Камышловскому уезду (10 380 десятин частновладельческих, церковных и городских на 900 390 десятин надельных крестьянских).

В Ирбитском уезде положение было иное. Там частновладельческие земли составляли около 5,8% по отношению к крестьянским надельным. Но здесь надо иметь ввиду, что основную часть частновладельческих земель составляла дача Ирбитского завода, которая принадлежала по так называемому посессионному праву владельцам Алапаевского завода.

Во всех трех уездах были казенные земли, которые предоставляли дополнительный земельный фонд главным образом для сенокошения. Оброчные статьи сдавались с торгов, и, как правило, попадали в руки кулацкой верхушки деревни.

Самая большая цифра казенных земель была в Камышловском уезде — это дача казенного Каменского завода (608 тысяч десятин).

Если брать средние цифры последней дореволюционной подворной переписи, то обеспеченность пахотой, лошадьми, крупным рогатым и мелким скотом крестьянства трех смежных уездов мало чем отличалась друг от друга.

На крестьянский двор в среднем приходилось:

---

[1] Цифры взяты из статьи „К вопросу о точном учете земледелия в Шадринском уезде", газета „Народная мысль" за 24/IX 1917 года, № 12.

	Бывш. Ирбитский уезд	Бывш. Шадринский уезд	Бывш. Камышловский уезд
Лошадей	2,7	2,5	2,3
Крупного рогатого скота	почти 3	2,7	2,8
Овец	„ 6	5,5	4,8

Обеспеченность пахотной землей в Шадринском уезде была около двух десятин „на душу", в Ирбитском и Камышловском — по 1,6 десятины. Но эти средние цифры имели большой порок. Они не отражали действительного положения деревни, а его затушевывали, приукрашали, сбивали с пути своим уравнительным видом.

В действительности было совсем другое, и прежде всего в самом землевладении.

Хотя, как уже говорилось выше, земельным фондом распоряжалась община, это ни в какой мере не гарантировало правильности распределения земли.

В. И. Ленин в своей работе „Аграрный вопрос в России к концу XIX в." с исчерпывающей полнотой показал как раз на уральском примере — на анализе цифр Красноуфимского уезда, что несмотря на видимость уравнительности при общинном землевладении, получается положение, которое он так формулировал: „Чем самостоятельнее крестьянский двор, тем больше надельной земли приходится на одну душу населения".

Это положение имелось и здесь.

Всякому, кто помнит дореволюционную картину полей, известо, что лучшие „удворные земли", „от поскотинной жерди" неизбежно принадлежали владельцам лучших домов деревни. И эти земельные куски всегда оказались с каким-нибудь гаком против надельных норм. Об этих гаках все знали, но помалкивали — „уважали хорошему человеку". Иначе говоря, вынуждены были мириться с кулацким захватом и жульничеством. Наряду с таким захватом „на уважение"

широко практиковалась аренда земли у однообщественников, с оплатой натурой —„осьминничек с любого конца“. Сюда же надо отнести систему отработок, аренду земли у казны, а в Шадринском уезде, кроме того, еще так называемое пользование башкирскими землями.

В результате таких „внутренних поправок“, порой совсем не отражавшихся в цифрах, складывалось положение деревни вовсе не такое, каким оно казалось по средним цифрам.

Ярким показателем тяжелого положения деревенской бедноты может служить материал об отходничестве и кустарных промыслах.

Шадринский уезд, например, уже в довоенное время выделял ежегодно 18 000 отходников. Это значило, что каждый третий двор был не в состоянии прокормиться от земледельческих заработков и вынужден был отправлять одного из работоспособных членов двора куда-нибудь на сторону.

Положение с отходничеством в Камышловском уезде было, примерно, такое же, как в Шадринском, с той лишь разницей, что цифры здесь показывали уже не сезонную, а постоянную связь крестьянских хозяйств с предприятиями Урала (углежжение, строительные работы, добыча руды, разработка асбеста и т. д.).

В переводе на разговорный язык это значило, что часть крестьянских семей уже не удовлетворялась выделением работников на сезон, а нуждалась в постоянной связи с предприятиями, так как без этого нельзя было прокормиться.

Ирбитский уезд выделял лишь 14% отходников от общего числа дворов. Может быть, здесь сказывалась особенность северной части уезда, где крестьянская беднота в значительной части промышляла охотой. Несомненно, сказывалась и ярмарка, обслуживание которой занимало не мало крестьян в зимнее время, хотя это обслуживание пьяного купецкого торжища больше содействовало обогащению кулацкой части деревни.

Для примера можно привести цифры, характеризующие состояние одного из наиболее крупных „ямщицких“ сел — Ляпуновского.

Здесь по данным последней дореволюционной подворной переписки из 306 хозяйств 56 были безлошадными.

Зато в этом же селе 58 хозяйств имели свыше 4 лошадей. 42 хозяйства имели постоянную наемную рабочую силу[1].

Очень показательны для характеристики деревни Исетско-Пышминского края и существовавшие здесь кустарные промыслы.

Было еще можно понять, почему, например, в Смолинской и Будкинской волостях усиленно превращали дерево в щепу, вырезая снеговые лопаты „с загребом" чуть не из целых кряжей. Тут все-таки была близость и доступность сырья. Никто не считал бедой, что 90% работы уходило в щепу — на то и щепной товар называется.

Гораздо труднее понять, почему в такой забегаловке Шадринского уезда, как деревня Кукуевка, занимались выделкой гребней из коровьего рога.

Эта в высокой степени вредная для здоровья работа, очень сложная (до 20 процессов), с примитивным нарезанием зубьев вручную, свидетельствовала о таком положении „коренного землероба", по которому не только ему самому, но и всей его семье приходилось узнавать „почем сотня гребешков". Она — эта сотня — ценилась перекупщиками очень невысоко, зато вони от распаренного в чугунах рога на всех в избе хватало с избытком, роговой стружки от предварительной обработки выметалось каждый день из избы ведрами, а мельчайшая роговая пыль от шлифовки шла бесплатным приложением... для легких кустаря и его семьи.

К этому надо добавить, что заработок 6000 кустарей (щепников, гребенщиков, пимокатов, и т. д.) определялся по данным обследования 1903 года в 200 000 рублей).

По 33 рубля в год на человека.

Самая поразительная цифра все же не эта.

Вприисетском крае „народная мудрость" создала нравоучительную пословицу: „курица на седало — добрая жена за прясницу".

---

[1] Материалы по оценке земель Пермской губ., т. VI, вып. 2. стр. 51, 58, 59.

Это вот занятие „доброй жены“ как-то отразилось в цифрах обследования кустарных промыслов по Камышловскому уезду.

Было подсчитано, что за год (1903) изготовлено 692 000 аршин домотканного холста. Всего женского населения в уезде в то время было 131 000.

По уравнительным цифрам выходит, что на каждую женщину приходилось изготовить по 5 с половиной аршин холста. И оценен был этот женский труд в 24 500 рублей, по три с половиной копейки за аршин.

В итоге „добрая жена“ заработала 19 коп. в год. На каждую женскую душу!

В действительности, конечно, это было не совсем так. Не все пряли и ткали. Иные по ребячьему делу еще ревели в смрадной духоте избенок, другие, уже ослепшие, досиживали свой темный век на печи. Было не мало и таких, которые работу принимали: пасмы считали, браковали, принимая заказ, да готовые трубы холста в сундуки складывали дочерям и даже внучкам дочерей в „приданое“.

Работали, разумеется, женщины и подростки бедняцких и середняцких семей, часто не оправдывая даже расхода на керосин. Для женской учебы это зимнее прядение было прямой зарез. В Шадринском уезде, например, по всем 40 земским школам училось в то время лишь 578 девочек, или 0,3% к общему числу женского населения.

Из этих цифр и фактов можно сделать один вывод — положение деревенской бедноты в этом чисто земледельческом краю было не легким, хотя помещиков здесь и не было. Деревенский кулак умел крепко выжать соки. По отдельным селениям количество дворов, державших в своем распоряжении постоянную рабочую силу, почти совпадало с числом безлошадных дворов. Иначе говоря, кулак уже успел проглотить полностью по одному бедняцкому двору, и, мирно мурлыкая о равенстве, подбирался к остальной бедноте.

В наиболее отдаленных от железных дорог углах кулак старался занять бедноту домашними ремеслами: овчинным, пимокатным, канатным, вплоть до щепы и гребешков.

В части района, прилегающей к заводской полосе, деревенская беднота предпочитала уходить на „сторону".

Усиленному охотничеству из этой западной полосы исетско-пышминского края, кроме близости предприятий, в значительной степени содействовало и то обстоятельство, что земли этой части района были значительно хуже, а в некоторых волостях их было и недостаточно.

Насколько пестро было распределение земли, можно судить хотя бы по сводной таблице 1917 года по Камышловскому уезду. Тогда как раз производился подсчет земли по эсеровским меркам (по трудовым нормам). Оказалось, что из 38 волостей 10 имели определенный избыток — 92 843 десятины, в остальных 28 волостях недоставало до норм 121 400 десятин.

Не менее пестро было и качество земель.

Всилу этого и получилось, что в отдельных волостях недоставало хлеба, когда другие имели значительный избыток.

„В расчетных ведомостях" по Камышловскому уезду за 1913 год отмечен, например, недостаток хлеба и овса в волостях: Знаменской, Ирбитско-Вершинской, Каменской и Колчеданской.

Зато в таких волостях, как Рамыльская, Болаирская и Вновьюрмытская хлебных излишков было свыше миллиона пудов (1 291 468).

Понятно, почему именно эти волости оказывали особо упорное сопротивление советской власти, и здесь вспыхнули первые кулацкие восстания.

Вообще, сравнивая сводные таблицы обеспеченности землей и хлебом со сводкой по ноябрьским выборам в Учредительное собрание, можно заметить здесь некоторую связь. Многоземельные и хлебные волости в большинстве голосовали за эсеров, в малоземельных и бесхлебных волостях значительное количество голосов отдавалось большевикам.

Но это, конечно, далеко не всегда совпадало, и лучшим примером тому служит Катайская волость.

Эта волость, правда, отмечалась недостатком земли, но очень незначительным (285 десятин). По хлебной таблице

она значилась при среднем урожае 1913 года с избытком почти в полмиллиона пудов (436 456). Тем не менее эта волость по августовским выборам 1917 года дала больше большевикам голосов, чем эсерам (1813 большевики, 1610 эсеры). В то же время здесь в цифрах оказались заметны и кадеты (8%) и „народно-церковная группа" (5%).

Ясно, что здесь действовал целый ряд и других причин. В первую очередь, разумеется, влияла близость рабочего центра — Каменского завода, очевидно сказывалось в какой-то мере местоположение Катайска возле железной дороги, сильно действовал большой хлебный рынок, неизбежно обостряющий классовые противоречия. Несомненно имела место и разница в обеспеченности землей отдельных селений. Недаром беднота деревень Савино и Черемисской стала вооружаться первыми и даже одно время „отложились" от своего волостного центра, пока он был в руках эсеров, объявив, что подчиняются непосредственно Камышлову[1].

Говоря об экономике края, надо отметить и крайнюю распыленность землепользования. Одна деревня ездила пахать через ряд других, а у нее под боком пахали приезжие из-за десятка километров. Такой, с позволения сказать, „порядок" обездоливая бедноту, тяготил середняка, но был выгоден кулаку, который умело пользовался этой земельной неурядицей.

Поповские земли, составлявшие, как уже говорилось выше, не особенно большой процент, нарезались, как правило, в одном пласту, где-нибудь „на удворьи", вблизи селения. К тому же они часто обрабатывались помочами, что еще более раздражало население, так как в поповских помочах чувствовалась доля тех монастырских обработок, которые в свое время вызывали крестьянское движение, известное под названием „Дубинщины".

Неудивительно поэтому, что почти каждый вспоминающий о прошлом деревни, обязательно упоминает об этих поповских

---

[1] Воспоминания тов. Григорьева В., командира 3 батальона полка. Уралпартархив, папка материалов по истории полка Красных орлов.

наделах. Но никто почти не говорит ни об отрубах, ни о больших кулацких хозяйствах, которые маскировались отработкой, арендой у казны, однообщественников и порой даже у попов, когда те „сами не обрабатывали“.

Между тем отрубники, по данным той же статьи, из которой брались цифры по Шадринскому уезду, занимали почти такую же площадь, как и поповские наделы — 9132 десятины, но только более мелкими кусками.

Если в Камышловском уезде, где имелось всего два помещичьих имения, зарытых в лесной полосе (162 десятины Амбрашкевича и 52 десятины Щуки), еще можно было не всем крестьянам знать о них, то в Шадринском этого уже нельзя было не заметить. Особенно в югозападной части уезда, вблизи волостей Песковской, Верхтеченской и Петропавловской. Там был довольно заметный куст помещиков. Около одного высохшего озера Акчакуль (озеро денег) осело их пятеро. Наследники купца Иванова имели 553 десятины земли, Медведчиков — 300 десятин, другой Медведчиков — 110 десятин, третий Медведчиков — 91 десятину, купец Первушин — 200 десятин. Были помещики и в Усть-Караболке, Сушиной и около деревни Надыров мост.

Этот именно район оказался одним из первых, где возникло кулацкое движение, связанное непосредственно с дутовщиной.

Кроме помещиков в этом же углу было заметное гнездо монастырей: Долматовский мужской, Верхтеченский женский, Каменский мужской, Каменский женский, Колчеданская община. Все они имели и пахоту, и лес.

В этом же углу Исетско-Пышминского края особо остро стоял вопрос Башкирского землевладения. Была огромная разница в размере наделов башкир-вотчинников, башкир-припущенников, татар собственников, мещеряков-собственников, мещеряков-припущенников.

Этот необычайно пестрый узор землевладения югозападной части Шадринского уезда создавала часто громадную разницу обеспеченности землей между отдельными селами даже одной волости.

Какой-то поповский историк „картофельного бунта“[1] в Зауралье так говорил о Верхтече.

„Замечательно, что жители Верхтеченской слободы во все времена отличались готовностью к противлению властям, к возмущению, что особенно показали в 1773 году во время Пугачовского бунта. Они с особенным усердием, как хищные звери, устремились на разрушение тихой обители и здесь

Семья Авчуговых — отец и четыре добровольца сына (из села Верхтеченского).

---

[1] Из рукописи неизвестного автора. Дело партархива № 7, стр. 10, 11

употребили все усилия, чтобы завладать монастырем... Такое усердие было в 1756 году, во время бунта, известного под названием „дубинщины". Свое усердие показали они и в 1843 году".

Оказалось, что и в полосу гражданской войны эта „особенность" Верхтечи не исчезла. Эта волость оказала заметное содействие формированию частей Красной армии. Отряд Анчугова из этой волости был первым, державшим защиту Шадринска. Организованные на территории Верхтеченской, Петропавловской и Песковской волостей отряды составляли основную боевую силу Четвертого уральского полка, который по документам значится сформированным в Шадринске.

Вот объяснение революционной разницы отдельных селений.

„В деревне Борисовой, Зырянской волости, организовалась партия коммунистов-большевиков, в которую пока вошло 22 человека, считая в том числе и членов партии соседних селений. По примеру борисовцев начинается движение бедноты и в более отдаленных деревнях, исключая самого населенного пункта — села Зыряновского, где кулаки и мироеды свили теплое гнездо и чувствуют себя спокойно[1].

Неравномерность распределения земель в югозападной части Шадринского уезда и наличие заметных площадей помещичьих, поповских и монастырских земель — были тем экономическим фактором, который содействовал революционизированию деревенской бедноты этой части исетско-пышминского края.

В северозападной части, в волостях: Кочневской, Ирбитско-Вершинской, Знаменской, Новопышминской, Кашинской, Курьинской сильно действовали белики, неродимые земли (мергеля), а также близость промышленных предприятий.

В этой части велась разработка каолиновой глины, работали золотые прииски: на Икрянке (б. Малиновцева), на Безымянном логу (б. Подсосова — Стрижева), на Норке (б. Чернядьева); работали угольные копи „Клара и Лара" (в Ирбитско-Вершинской волости) и на Черемшанке; здесь же была писче-

---

[1] „Известия Камышловского совдепа" № 79, 25/V 1918 года.

бумажная фабрика (б. Ятес), велись работы по постройке цементного завода (в селе Сухой лог). К этому надо добавить, что под боком были Егоршинские каменноугольные копи и асбестовый рудник.

Крестьянская беднота этих волостей и частью середняки были постоянно связаны с предприятиями и составляли ту группу деревенского населения, которая обычно называлась промысловым крестьянством.

Эти волости близко подходили к Ирбитскому заводу б. Яковлева. Почти в центре полосы промыслового крестьянства находился Каменский металлургический завод с населением свыше 10 тысяч.

Каменский завод, как рабочий и экономический центр, неизбежно оказывал влияние на ряд смежных с ним волостей. В 1918 году здесь даже был организован районный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В протоколе съезда председателей волсоветов Камышловского уезда по этому поводу записано:

18169

„Председатель Каменского волсовета заявляет, что на съезде волостных комиссаров Травянской, Щербаковской, Шаблишской, Черемховской, Пироговской и Зыряновской волостей было высказано пожелание организовать каменский районный совет, мотивируя тем, что при Каменском заводе предполагается... открытие университета и по другим соображениям организационного характера.

Постановлено — объединению и организации каменского районного совета не препятствовать, а приветствовать“ [1].

В восточной половине исетско-пышминского края было тоже два рабочих пункта, оба в б. Камышловском уезде. Это „винный городок“ Поклевского в Талице с дрожжевым, пивоваренным и винокуренным заводом и Ертарский — стекольный, тоже Поклевского.

Оба завода были в плотном кольце многоземельных хлебных волостей, реакционность которых усиливалась еще тем,

[1] Протокол от 26|VI 1918 года, опубликован в „Известиях Камышловского совдепа“ № 84 от 31 мая.

что некоторые из них (Балаирская, Рамыльская) были почти сплошь старообрядческими. Деревенская беднота здесь не только была крепко зажата кулаками, но и с детства запугана толстенными книгами древней печати с хитрыми застежками, непонятными словами, из которых гладенькие „наставники" неизменно выводили одно: „всякое новшество — от антихриста".

Немногочисленному пролетариату Талицкого и Ертарского заводов в этих условиях трудно было вовлечь в революционное движение бедноту и раскачать середняка, зато этому пролетариату одному из первых в этом крае пришлось воочию убедиться в хитрости, ловкости и звериной злобе своего классового врага.

Административными центрами исетско-пышминского края были города: Шадринск, Камышлов и Ирбит.

Все эти города в основном мещанские, где незначительное количество рабочих тонуло в море мелких спекулянтов, перекупщиков, лавочников и просто обывателей, промышлявших чем придется: постоялым двором, извозом, конским барышничеством и т. д. Над всем этим мелкобуржуазным элементом главенствовали мукомолы, крупные хлеботорговцы и „сырьевики".

Заметная рабочая группа была лишь в Камышлове. Здесь издавна было железнодорожное депо, довольно большой по размерам того времени кожевенный алафузовсий завод с производительностью 500 пар обуви в сутки и несколько сельскохозяйственных мастерских, из которых одна, выпускавшая продукции (веялок, сортировок, молотилок и плугов) на 40 тысяч рублей, называлась уже фабрикой, с цехами: кузнечным, деревообделочным, механическим и даже своей микроскопической электростанцией.

В 1917 году, когда большевики взяли в свои руки городскую управу, в городе была проведена перепись. Получились такие цифры:

Рабочих (с взрослыми членами семей)	1032,	или	19	проц.
Служащих " " "	1701	"	31	"
Без определенных занятий (мещан)	2580	"	42	"
Крупной буржуазии и ее агентуры	415	"	8	"

Из 5537 человек взрослого населения половина — представители наемного труда и половина — мелкой и крупной буржуазии и ее агентуры.

Примерно такое же соотношение было и до революции.

Цифры переписи в известной мере объясняют, почему работа РСДРП(б), начатая в 1905 году, нашла в Камышлове благоприятную почву.

Тов. Чуцкаев в своих воспоминаниях о 1905 годе на Урале отмечает: „В сентябре — октябре установились прочные организационные связи с Надеждинском, Тюменью, Камышловом, Тагилом, Челябинском и многими заводами".

„Уфимский рабочий" в статье о росте РСДРП(б) по Уральскому округу писал в ноябре 1906 года:

„В настоящее время считаются достаточно окрепшими следующие организации округа: богословская, приуральская (рудники по реке Туре), режевская, михайловская, камышловская и сысертская. Всего же в округе считается до 20 организаций"[1].

Группа РСДРП(б), опиравшаяся главным образом на рабочих депо ст. Камышлов и торгово-промышленных предприятий Щербакова, была достаточно сильна. Она сумела организовать забастовку протеста против начавшейся реакции 1905 года. Эта забастовка — с 9 по 21 декабря 1905 года, — остановившая движение между Екатеринбургом и Тюменью, вырвала громкое судебное дело, которое разбиралось Казанской палатой под председательством сенатора Кривцова. Кончилось судебное дело крепостью для шестерых участников — организаторов забастовки.

Но работа РСДРП(б) продолжалась и после ареста привлеченных по делу забастовки. Тов. Чуакаев, тогда член областного комитета партии, жил в Камышлове (в 1906—1907 гг.).

Отражение революционных событий 1905 года в центре и на юге России пришло в Камышлов ввиде безыменной могилы матросов с броненосца „Потемкина".

История этой могилы несложена, но очень показательна.

---

[1] „Уфимский рабочий" № 6 от 22.XI 1906 года.

Осужденных матросов провозили в Сибирь. На станции Юшала, уже за Камышловом, семеро осужденных пытались бежать. Их поймали и расстреляли. Дальше началась обычная для самодержавия гнусность — „воздействие трупами". Расстрелянных привезли обратно в Камышлов и начали возню с похоронами.

В первую очередь вызвали деповских рабочих под предлогом „расковать мертвецов".

Старик-слесарь Орефков Н. О. так рассказывал об этом.

— По пяти рублей с кандалов обещал начальник выдать. Только никто из наших не согласился. Один, смелый такой парень, и сказал:

— С живых с превеликим удовольствием, без одной копейки, а с мертвых — ни за какие коврижки.— Как заорет начальник:— Я, говорит, покажу, вам, как живых преступников царя-отечества расковывать. Сами, видно, туда же смотрите.— Ну, все-таки, сколько ни кричал, ничего от нас не добился. Притащили какого-то кузнеца из деревни. Тому, видно, все равно, лишь бы деньги взять. Расковал, а денег ему не выдали. Обман и тут вышел. Потом народ согнали опознавать покойников, подвели такой предлог, чтобы узнать, кто из русских, кто из другой нации. Одного признали евреем и передали его тело погребать местным евреям. Всего-то их 5—6 семей в городе было. Остальные шесть трупов велели похоронить по церковному обряду на кладбище. Это недалеко от железнодорожного депо.

Сначала на могиле поставили большой деревянный крест, выкрашенный черной краской, но скоро убрали, так как на кресте стали появляться расклеенные прокламации. Но и после того как крест был убран, могила раскованных после смерти борцов за революцию служила своего рода местом смотра революционных сил города. Понадобилось даже выгородить ее из общей площади кладбища, чтобы „не слышали православные у святых родительских могилок неподобные речи".

Работа РСДРП(б), декабрьская забастовка железнодорожников, собрание около матросской могилы — все это не на

шутку испугало мещанина и встревожило представителей крупной буржуазии.

Испугом обывателя воспользовались ловкачи из кадетской партии. Они сумели доказать даже самым тупоголовым мещанам, что главная опасность для них — это объединение рабочих под руководством с.-д. партии, что поэтому надо противопоставить свой единый фронт, не растекаясь по разным архангельским, истинно-русским, двуглавым союзам и прочей черносотенной мелочи всевозможных оттенков. И мещанин это понял. С первых же выборов в Государственную думу он дружно действовал по кадетской указке. Обманный блеск слов: „Партия народной свободы" сбивал с пути и некоторых служащих, даже рабочих, из тех, кто недавно пришел в город и не осознал еще своих классовых интересов.

Этот, в основном мещанский, город оказался чуть ли не единственным в губернии, где кадеты по выборам в учредительное собрание в 1918 г. вышли на первое место.

Отмечая этот необычайный случай, „Уральский рабочий" писал: „Успех кадетов объяснить можно их усиленной агитацией, на которую они не жалели ни средств, ни времени"[1].

Это, конечно, верно. Была и агитация, были и темные махинации с повестками, но не это одно привело кадетов на первое место.

Успех кадетов в Камышлове явился, во-первых, своего рода отдачей на то наступление, которое вел здесь численно незначительный, но уже крепко спаянный и достаточно дисциплинированный пролетариат.

Во-вторых, кадетское руководство здесь имело за плечами годы работы, давно подчинив себе мелкобуржуазные элементы города.

При таком положении естественно, что город совсем не видел грубых, примитивных выступлений черной сотни, зато крепкие руки хотя и в мягких перчатках здесь чувствовались очень сильно и орудовали по-шулерски ловко.

Но при всей быстроте и ловкости рук кадеты не могли,

---

[1] „Уральский рабочий" от 10 XII 1917 года, № 57

конечно, остановить рост революционного движения среди рабочих.

Заглушенное в годы реакции, оно после ленского расстрела снова начало быстро развиваться. Только подпольные собрания велись теперь не так откровенно, как прежде — не у братской могилы матросов, а в здании депо и по закоулкам алафузовского завода...

К концу 1916 года в депо была уже довольно значительная группа „подходящих ребят", как их называет в своих воспоминаниях приехавший в то время из Калаты слесарь Осипов, В. П. (один из первых командиров отрядов Красной гвардии). К числу таких „подходящих" относились: слесарь Жуков, В. Д., токарь по металлу Лещев, Д. И., Куткин, Г. Е., Давыдов, Ф. Дышаев и другие. С этой группой революционно-настроенных рабочих держали связь приказчики Сысков, Т. И., Федоров, А. Е., которые уже в то время определились как большевики и поддерживали связь с областным комитетом РСДРП(б).

Подпорин, П. Н. работал в то время в обувной мастерской Козырицкого и был связан с рабочими алафузовского завода. Там же работал Удников, Н. А.

Все эти люди потом вошли в ячейку РСДРП(б) в Камышлове и принимали ближайшее участие в организации сначала отрядов Красной гвардии в городе, а затем боевых дружин из крестьянской бедноты уезда.

Большинство из названных имен крепко вошли в историю полка Красных орлов и часто встречаются в воспоминаниях. Реже упоминается тов. Федоров и совсем не отмечается тов. Сысков. Между тем значение работы этих двоих огромно, и их фамилии должны быть занесены в первую очередь в историю полка.

Оба эти товарища работали по организации в городе крепкого большевистского ядра, которое в конечном счете явилось силой, обеспечившей правильную работу с деревенской беднотой и середняком. А это в свою очередь привело к тому, что в районе действия именно этой партийной организации смогли организоваться крепкие боевые единицы,

которые известны в истории вооруженной борьбы пролетариата, и оформившаяся после революции партийная организация преимущественно из рабочих депо и алафузовского завода твердо сказала:

— Мы, большевики, социалдемократы... Без мягкого знака и без тех интернациональных занавесок, которыми прикрывается меньшевизм. Нам надо крепко и просто. Не мудрить, а делать. Чуть только размусоливать начнем, сейчас же эти ловкачи воспользуются и через кого-нибудь еще больше туману напустят.

Этот вывод о простой и крепкой работе и осуществлял уездный комитет партии, председателем которого был тов. Федоров Антип Евгеньевич, впоследствии политработник полка Красных орлов.

Тов. Сысков Т. И. тоже был политработником и погиб во время режевского восстания мобилизованных.

А винтовку в средину

В первые дни после Февральской революции Камышлов жил, вероятно, той же жизнью, как тысячи подобных ему городков.

Были крепко спресованные „общегражданские“ собрания, пахнувшие потом и сверкавшие беспричинными улыбками.

Редко кто тогда имел навык связно говорить, но желающих высказываться было без конца. Говорили, о чем кому вздумается... О революции и Государственной думе, о политической каторге и правительстве, о прогнившем царизме и Гришке Распутине, о борьбе с проституцией и бесхозяйственных дровах у мельницы.

Особенно истекал словами тот бесформенный слой населения, который спустя неделю стал называть и даже искренно считать себя „давнишними убежденными“ эсерами, энэсами, трудовиками, христианскими социалистами и т. д. Большинство этих мартовских революционеров еще не знало ни программ, ни лозунгов партии, но стихийно обнаруживало мечту о „спокойной революции“.

Строгая жизнь, однако, сразу оборвала эту болтовню и телячий восторг. На следующих же собраниях уже начались схватки представителей основных борющихся групп: труда и капитала.

Боем удалось вырвать рабочим места в президиуме и обеспечить себе вхождение в состав комитета общественной безопасности.

В работе комитета рабочие принимали деятельное участие лишь первые дни. Особенно энергично подошли к вопросу оружия. Разоружая царскую полицию, искали в то же время пулеметов, не безуспешно. Зато револьверов, правда в большинстве невысокого качества, слесарь железнодорожного депо тов. Жуков, входивший в состав комитета общественной безопасности, переправил в депо сотни две. Ушли в том числе и те, что хранились как „вещественные доказательства" того или другого дела в прошлом.

Захватив оружие, рабочие перестали интересоваться „безопасным комитетом".

— Пусть выболтаются пока,— резюмировал это Федоров.— Не до них теперь. Надо хорошенько организоваться, по-партийному. Разобраться в людях, чтобы крепко было.

В кинематографе „Чудо", который в захватном порядке стал штабом большевистской организации, кипела жизнь. Наряду с рабочими сюда ходили и солдаты 157 полка. Наиболее заметными из солдатской группы были тогда трое: Шашкин М. Е., из рабочих Ярославского завода, Садофьев Илья, рабочий-электрик, впоследствии один из первых пролетарских поэтов, и Егоров М. И., кажется с Нового Леснера. Сюда же ходили прапорщики Виноградов А. Д. и Каханов. Все они работали в ротных комитетах, но большинство там, как и в полковном комитете, было тогда за эсерами. Революционная перестройка полка только в том и выразилась, что вместо палача-полковника избрали командиром „более мягкого" капитана. „Мягкий" оказался ловкачом первой статьи. Он сумел поднять страсти около распределения сахара, порядка выдачи обмундирования и других хозяйственных вопросов, которыми почти полностью загрузил повестки собраний ротных

комитетов. Шуму получалось не мало, а дело по существу сводилось к перемене каптеров.

В уезде в изобилии появились „культурники чистого вида", которые занимали главным образом подростков, организуя чтения, драматические кружки. Наряду с этими культурниками, преимущественно из учителей и учительниц, появились „беспокойные люди", которые усиленно стали толковать о народном праве, с коротким и простым выводом: „что захотим, то и сделаем". Особенно выделился из этой группы мельник Старобский (бывший поп). Он разъезжал по деревням, собирал сходы и неизменно кричал: „чего смотрите? теперь наши права, крестьянские, наша большина. Видишь, что неладное, прекращай без разговору. Никто нам не указ".

Такое расколыхивание деревни к действию сначала многим казалось революционным, но результаты скоро показали, что поп орудовал с точным учетом состояния деревни того времени. Основная масса мужского рабочего возраста была на фронте, дома оставались лишь старики и подростки. Последние, как и деревенская женщина, тогда еще вовсе не имели навыков общественной жизни. Забитые и неграмотные старики из бедноты и батраков не могли и не смели поставить основных вопросов о земле и хлебе и легко пошли на поводу у кулаков, которые повели по известной дорожке: „мне май, а с меня не бери". Появились общественные приговоры вроде следующих: „разделить городскую лесную дачу на началах полной народной справедливости, т. е. по числу душ постоянных городских жителей и всего крестьянства ближних обществ"; „прекратить жалованье учителям за летнее время, как они то время отдыхают, когда труженик-крестьянин потом исходит".

Постановлений об отбирании земли у „легостаев" и „лентяков", как обычно кулачье называло бедноту, не было лишь потому, что в деревне остро чувствовался недостаток рабочей силы. Зато очень много стало разговоров о „справедливых ценах" на хлеб и мясо, поставлявшихся для армии. Приводились подсчеты, из которых всегда выходило, что „справедливые" это и есть те, по которым продают на базаре.

Зашевелился деревенский кооператор по организации Крестьянского союза, определенно противопоставляя его организации рабочих в городе.

— Там партии, советы, комитеты, то да се, а у нас все крестьяне заодно, в один союз.

— Тогда уж цену настоящую положим за хлебушко, — откровенно мечтали кулаки, хотя кооператоры, конечно, старались эту широко раскрытую кулацкую пасть стыдливо прикрыть разговорами о справедливости, об общенародном благе.

В Екатеринбурге на 22—23 марта было созвано совещание крестьян пяти уездов: Екатеринбургского, Камышловского, Ирбитского, Верхотурского и Красноуфимского. Это совещание, созванное кооператорами, шло под эсеровским влиянием. Оно избрало временный областной комитет крестьянского союза.

Это свидетельствовало о том, что эсеры начали работу по вовлечению под свое влияние широких крестьянских масс.

На одном из собраний камышловской большевистской партийной организации по докладу о недавнем съезде кооператоров в Екатеринбурге вышла острая перепалка по вопросу о расширении и усилении массовой работы в деревне.

Наряду с такими мерами, как посылка агитаторов, проведение массовых собраний в деревне, было предложено организовать общий Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Это предложение вызвало разногласие.

— Недопустимо растворять рабочих в крестьянской стихии, — говорили одни.

— Нельзя оставлять крестьян без руководства рабочих, — возражали другие.

Кончилось тем, что большинство собрания твердо заявило: „организуем тройственный“.

С этим на следующий день и пошли в полковой комитет, чтобы предварительно договориться на общем солдатском собрании.

И здесь было не мало сомнений и споров. Эсеры говорили, что везде организация идет отдельно: рабочие и солдатские

депутаты — это одно, а крестьянские — другое. Указывали на невозможность организовать правильное представительство в селах, где вовсе нет рабочих. Но большевики указывали на довольно многочисленных деревенских батраков и крестьян-бедняков.

Те из эсеров, которые отчетливо видели перспективу дальнейшей работы, оказывали сильное сопротивление. Но было среди эсеров того времени не мало солдат, сбитых с толку эсеровской фразой. Эти солдаты охотно поддерживали предложение большевиков об организации „тройственного совета".

— Так и следует! Рабочий, солдат и крестьянин вместе. Никакого крестьянского союза!

Тов. Сысков, съездивший в Екатеринбург за разъяснением, привез оттуда: „можно испытать но надо быть особо бдительными".

Зато областной эсеровский центр определенно протестовал по своей линии и настрого предложил кооператорам-эсерам организовать совет крестьянских депутатов отдельно.

Во время подготовки к первому съезду и во время самого съезда много волновался обыватель, добиваясь включения депутатов от „трудовой интеллигенции".

Когда прошел съезд и был выделен исполком совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, решено было специально послать в Ленинград делегата справиться, как должен строиться совет в условиях крестьянских уездов. Это было во второй половине апреля, когда буржуазные газеты захлебывались от бешеного лая по адресу приехавшего из эмиграции В. И. Ленина, когда „Правда" задерживалась и в пути и на месте.

Одновременно с организацией Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов значительно была усилена работа партии на местах.

Чуть не весь наличный состав был брошен в деревню, где производились осведомительные собрания, главным образом освещавшие необходимость совместной работы крестьян с рабочими. Попутно на этих деревенских собраниях проводились и выборы делегатов на I уездный съезд советов.

В дальнейшем эта массовая работа даже вызывала в городе необходимость организации специального отдела агитации и пропаганды, работающего главным образом в деревне.

Подтверждение

В промозглой сырости, которая расползалась в пространстве, что раньше звалось парадным залом женской гимназии, едва различишь серые фигуры.

Ярко освещен лишь стол, за которым сидит президиум. Седой клинышек бороды надоедливо мотается сбоку стола.

Клинышек принадлеижт бывшему директору бывшей гимназии, докладывающему о былых новгородских делах. Докладчик как-то хочет связать пыльную старину с тем новым, чего ждут и хотят люди, собравшиеся в этой серой промозглости. Но ничего не выходит. Сильней зудят рослые „полковые" блохи и чаще сверкают огненные точки вонючие цыгарок. Слышней ворчливые реплики:— Ишь прет, а ведь к тому выведет, чтоб войну продолжать.

— Без этого не могут, вон их сколько зацепилось в тылу-то. Никому неохота ехать, вот и придумывают, кого бы другого послать.

— Дураков не осталось. Пусть сами идут, как новгородцы-то эти.

После бывшего директора говорит хорошо одетый юноша. Командный голос и ласковые слова о солнце социализма, о братстве народов. Вывод, разумеется, тот же: надо защищать революцию, не дать затоптать ее немецким сапогам. Дальше кивок в сторону тех, кто помогает немцам в нашей стране. Имена не называются, но всем ясно, что идет разговор о Ленине и большевиках.

Неожиданно из глубины зала к президиуму направляется фигура. В светлом круге около стола появляется высокий черный, угрюмого вида, солдат.

Не дожидаясь конца речи, быстро говорит:

— Письмо, товарищи... Дозвольте прочитать... Из Питера, от нашего же солдата... Садофьева Ильи.. Во второй роте он... помните, недавно его от Совета послали...

В президиуме смятение. Пытаются остановить солдата.. Говорят о порядке выступлений.

Юноша-оратор обижен, докладчик — бывший директор накислился.

— Им о вече, о народном праве, а они поклоны читать будут. Вот и поговори с такими...

Но из зала дружно и настойчиво предлагают:

— Читай, читай. Подождет остальное-то... Потом договорят, если надо. Не к спеху ведь старые-то дела разбирать.

Читает солдат спотыкливо. Из президиума предлагают свои услуги, но он крепко держит письмо, как будто боится, что его вырвут.

Из зала одобрительно подсказывают:

— Сам читай... Разберешь помаленьку...

И тот разбирает... Доходит до заветных слов, которые должны встревожить собрание.

— Видел и слушал товарища Ленина...

— Ну? — настороженно откликнулся зал, и сразу почувствовалось, что напряжение дошло до пределов.

— Он здесь устраивает Советы рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов.

Последние слова сказаны с особой четкостью, но все же на них быстрый отклик.

— Как?

— И батрацких депутатов, — повторил чтец.

— У нас, значит, правильно сделали, — делает кто-то вывод.

— Правильно, да не совсем, — отзывается другой и сейчас же поясняет: — батраков-то деревенских забыли... а это самое и есть дело...

Люди от стола пытаются ослабить впечатление, начинают говорить об „измене“, о германских деньгах, о пломбированном вагоне. Но из солдатской массы выходят один за другим и говорят свое:

— Как же это? на немецкие деньги, а батраков ко власти? Путанка тут выходит. Не верю я, чтобы так-то было. Сплетня, видать, про вагон-то и прочее.

Другие определенно наступали.

— Кто вот из вас о батраках вспомнил? Мусолите тут о старинных драках да будущих временах. А теперь-то что делать — об этом ни гу-гу...

— Вам сказки для малых ребят сказывать, заместо старух. А он, Ленин-то, видишь, сразу за дело берется. Уж если батрака деревенского в совет, так видно, что ему такие совены нужны, в которых ни помещику, ни деревенскому богатею не бывать. Это и нам надо. Правильно, значит.

Выбежал к столу испитой, замызганный. Поспешно сбрасывает шинель и возбужденно кричит:

— За это, за самое понимаю я товарища Ленина как правильного нашего вождя. Никому не поверю... ежели кто напротив скажет... Хоть бы и рабочий день... и фабрики, чтобы под контроль... и земля трудящимся... Все это ведь надо взять... Взять надо... Не этими вон руками, — указал он на стол, — такое добывается... Тоже и про войну... Не написано там...

— Как не написано? — перебил читавший письмо. — У Ильи это очень даже хорошо рассказано.

— Так что же ты?

— Сам не даешь. Вишь, даже шинель снял, стараешься, а главного не дослушал, — улыбнулся чтец и снова принялся за письмо.

— Про войну товарищ Ленин сказал: „Большевики безусловно против империалистической войны вообще; против всех буржуазных правительств, ведущих ее, против нашего Временного правительства в том числе, безусловно против „революционного“ оборончества в России.

— Как это?

— А так вот — завоевывать нам другие страны не к чему — своей хватит... И оборонять своих буржуев тоже нет расчета. Пускай подыхают, либо сами воюют, а мы не пойдем.

— Это вот да. Правильней не скажешь, — дружно откликнулся зал.

От стола истошный крик:

— Не допустим. Долой большевистских агитаторов!

Из зала встречный гул:

— Молчать... Сиди тихо, пока не выгнали. Пускай Шашкин все договорит.

Солдат, снявший шинель, закончил:

— Что же тут договаривать? Лучше не скажешь, как написано. Я вот тоже раньше батраком был, а потом на заводе работал. Вот и говорю — мне такое устройство нужно, чтобы вовсе хозяев не было. А насчет войны думаю: воюй, кому есть за что, а я не согласен. А за батрацких умру, ежели с хозяином воевать.

Отчаянные звонки и крик от стола прерывают оратора, и он, улыбаясь, жалуется.

— Вишь рыпаются... За живое взяло.

В водворившейся на миг тишине черный солдат с письмом начинает неожиданно для всех разбирать.

— А еще был вопрос: полезно ли самоличное смещение начальства солдатами, так товарищ Ленин ответил:— „Полезно и необходимо во всех отношениях".

— Вот мы и сметем сейчас,— откликнулись в группе, окружившей стол.

— Какой это комитет, который нам сказки рассказывает. Предлагаю переизбрать, — обращается один из подошедших к столу солдат.

Из зала начинают предлагать кандидатов в полковой комитет. Бывший директор уже успел слинять, исчез куда-то и хорошо одетый юноша.

К столу подходят и уверенно садятся другие люди. Из коридора поспешно вбежал в сопровождении группы „надежных" командир полка, но он уже запоздал. Во главе полкового комитета встали — Егоров М. И., Шашкин М. Е. и — читавший письмо. Все большевики.

Фронтовики пришли

После бурных июльских дней, очистивших партийную организацию от колеблющегося и недостаточно стойкого элемента, наступило некоторое затишье. Эсеры и меньшевики усиленно налегали на отправку маршевых рот на фронт, а больше-

вики старались усилить и закрепить связь с основными революционными центрами: Каменским и Талицким заводами.

Значительно уменьшившаяся в числе, большевистская партийная организация сумела в августе неплохо провести первые выборы в городскую управу и фактически захватила этот участок в свои руки, хотя большинство думского собрания составляли эсеры и кадеты.

В уездном земстве положение было иное. Рабочий орган — управа была преимущественно из эсеров, но созыв уездных собраний был в руках большевиков. На одном из собраний, проходившем параллельно с уездным съездом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, удалось добиться постановления, чтобы съезды и совещания собирались председателем исполкома совдепа „во избежание неурядицы с посылкой делегатов, из которых многие были одновременно членами совета и гласными уездного земства".

Такое положение в известной мере развязывало руки большевикам, позволяя изолировать уездную управу от основной крестьянской массы, шедшей в то время в большинстве за эсерами.

Из железнодорожных рабочих стали организовываться вооруженные отряды, под предлогом охраны железнодорожных сооружений. Частично они стали употребляться на „мелкие караулы, чтобы не перегружать нарядами армейские части".

Была проведена проверка действием влияния городской партийной организации на массы — забастовка 1 сентября. Эта однодневная забастовка проходила тогда под лозунгами: „Скорейшее окончание войны, передача власти в руки советов, немедленная отмена смертной казни, арест всех явных контрреволюционеров, немедленное учреждение революционного контроля над торговлей и промышленностью". Забастовка, разумеется, встретила противодействие со стороны кадетских и земско-эсеровских групп, но была дружно поддержана рабочими железной дороги, кожевенного завода и сельскохозяйственных мастерских. Среди солдат забастовка тоже имела полную поддержку.

Первая телеграмма тов. Андроникова о захвате власти

была получена ночью в городской управе. Той же ночью было проведено партийное собрание в кинематографе „Чудо“ и на следующий день телеграмма обсуждалась на широком собрании рабочих и солдат гарнизона. Возражений против перехода власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не было, но чувствовалась какая-то растерянность и неопределенность, — что же все-таки делать с существовавшими учреждениями, как земство и городская управа. По уезду были направлены агитаторы со специальным заданием — провести подготовку по селам и деревням.

Довольно легко оказалось перестроить городскую управу, устранив из думского собрания кадетов и заменив их избранными от предприятий рабочими. Но с уездом было плохо. Земская управа под шумок привела в действие свой аппарат и из волостей, особенно восточной части уезда, начали поступать требования о созыве чрезвычайного уездного земского собрания. Особо здесь, как оказалось, постаралась инструкторская коллегия Уральского союза потребительских обществ, где тогда засела довольно сильная и активная группа контрреволюционно настроенных кооператоров.

В связи с тем противодействием, которое оказывал не сломанный еще аппарат старой государственной машины, информацию из областного центра приходиолсь добывать „оказией“, т. е. поездкой туда отдельных товарищей. Но и там не было четкости. Больше всего путал так называемый революционный комитет, назначение которого было достаточно неясно. Организовали все-таки такой же комитет в Камышлове и дали ему задание... бороться с мешочниками. Как работал этот ненужный никому комитет и когда он совсем отжил, так и забылось.

Положение усложнялось обилием всякого рода провокационных телеграмм и истерических воплей-воззваний комитетов: „Спасения родины и революции“, „Защиты Учредительного собрания“ „Общеармейского комитета“ и других новоявленных организаций. Правда, эта истерика твердо задерживалась председателем горсовета тов. Сысковым, но какая-то ее часть проскальзывала в город и уезд, будоражила массы.

В этом тумане получилось много несуразного со структурой власти.

Уездного комиссара Временного правительства убрали сейчас же, но рядом с Советом, даже в одном с ним здании, продолжала существовать земская управа, ставшая центром организации контрреволюционных сил.

Ко времени созыва уездного съезда советов в город приехали и те гласные земского собрания, которые не были членами Совета. Конфликт был разрешен организацией какого-то информационно-осведомительного бюро, в состав которого вошли 7 человек от совета, 3 — от земского собрания и 2 — от горсовета.

Земцы выдвигали этот забавный орган на роль центра власти в городе и уезде, но когда определился его состав: 9 большевиков и 3 эсера, то это желание заглохло. После избрания бюро большевики определили назначение этого органа следующим образом: контролировать действия управы, пока окончательно не определилось ее положение.

Родился этот уродец 22 декабря 1917 года и умер как-то совсем незаметно.

Положение в селе к этому времени стало заметно изменяться. В деревнях начали появляться фронтовики.

Были среди них и такие, которые, придя домой, сразу впивались в свое разрушенное хозяйство, но большинство видело гораздо дальше. Им на фронте успели открыть глаза, и, вернувшись в свои деревни, такие принимались в первую очередь за переустройство власти. Там, где были 2—3 таких фронтовика, положение в деревне быстро менялось. Старики из бедноты, а вместе с ними и бедняцкая молодежь чувствовали опору в пришедших и смелей начинали ставить волновавшие всех вопросы о войне, о продовольствии, о власти.

Многие из фронтовиков предварительно заходили в уездный город и первым делом спрашивали:

— Где тут комитет большевиков?

Обтрепанные, замызганные шинели окопников стали обычным явлением не только на партийных собраниях в кинематографе „Чудо“, но и на широких крестьянских.

Таких партийно определившихся на фронте, прошедших практическую подготовку в комитетах войсковых частей, участников разных съездов и политических выступлений шло тогда в деревню много. Некоторые из них принимали непосредственное участие в борьбе за власть, иные прошли краткосрочную политическую учебу.

Получая инструкции в областном, уездном или заводском партийных комитетах, эти возвращавшиеся с фронта большевики активизировали деревенскую бедноту; в отдельных случаях фронтовикам приходилось начинать заново партийную работу в селах и деревнях.

Вот короткое сообщение из дер. Малопульниковой:

„Со времени возникновения (апрель месяц) местной коммунистической ячейки, состоящей главным образом из прибывших со службы солдат, взгляд на большевиков значительно изменился".

„Коммунистическая ячейка начала энергичную борьбу, обложив местных кулаков единовременным налогом и взяла в свои руки инициативу объединения сельского пролетариата (батраков)".

Там, где деревенские ячейки уже были, приход большевиков-фронтовиков значительно усилил и укрепил эти ячейки не только количественно, но и организационно. Фронтовики сейчас же поставили перед ячейками ряд практических боевых задач и установили постоянную связь с ближайшими партийными центрами.

Тов. Лескин, например, так рассказывает о работе по возвращении в свою (Новопышминскую) волость.

— В Камышлове в партийном комитете мне сказали, — в первую очередь захватить власть, отстранив эсеровско-земское руководство.

На вопрос, с чего начинать — ответили: „Сам увидишь. Большевики там есть, с ними и договоришься".

Тов. Лескин не был новичком в революции. Он уже сидел на фронте в Минской военной тюрьме, был членом дивизионного комитета, участвовал в Ромашевском отряде Красной гвардии, работал по установлению советской власти в б. Игум-

2*

новском уезде, но все же задача захвата власти в Новопышминском волостном пункте оказалась нелегкой. Большевики здесь были, но они не имели должного влияния на массы, и в руководстве волости сидели эсеры, которые, прикрываясь революционными фразами, проводили кулацкую политику.

На собрании ячейки и было постановлено первым делом ввести большевиков под флагом представительства от демобилизованных в волостное земство и усилить практическую работу, которая бы привлекла широкие бедняцкие массы. Одновременно начали развертывать партийную работу по деревням. Это не замедлило сказаться в первую очередь на том, что при выборах нового состава волостного совета большевики стали руководить группой.

В тех волостях, где к приходу большевиков с фронта имелись уже крепкие партийные ячейки, опиравшиеся на батраков и бедноту, влияние прибывших фронтовиков все-таки неизменно сказывалось тем, что сейчас же усиливалось наступление на кулака. Так, в Ильинской волости с приходом фронтовиков было вынесено постановление:

„Видя упорное сопротивление отдельных членов совета постановлению общего собрания о налоге, обложить этих членов совета контрибуцией". („Известия Совдепа" № 83 от 30/V).

В других местах были случаи ареста комиссий по распределению налога.

Но главное — с приходом фронтовиков везде усилилась борьба за классовое проведение хлебозаготовок. Это не только давало возможность вывезти из уезда значительное количество хлебных излишков, задерживавшихся кулаками, но и укрепило положение деревенских ячеек, организовав вокруг них батраков и деревенскую бедноту.

Опираясь на рабочие центры, с помощью фронтовиков-большевиков в деревне, партийная организация сумела в феврале окончательно ликвидировать обломки земства в городе и уезде. В марте стало известно, что в Камышлов едет на расформирование 6-й сибирский корпус.

Эта новость вначале встревожила: корпус представлялся ввиде тех беспорядочных эшелонов, которые ежедневно про-

ходили в Сибирь. В действительности тревога оказалась напрасной. Никакого корпуса по существу уж тогда не было. В город приехала лишь его революционная головка, прибыла часть военного имущества и снаряжения.

При ближайшем ознакомлении оказалось, что в лице этой военной группы камышловская партийная организация получала крепкую поддержку. Военная группа имела четкость в постановке вопросов и военно-организационные навыки.

Расплывчатый тон всевозможных распоряжений с марта сменился стилем военного приказа.

Другой заслугой военной группы большевиков, особенно т. Васильева М. В., признать, что только с момента их появления в городе, было обращено должное внимание на инвалидов империалистической войны.

Инвалиды, которых во многих местах, как известно, использовали контрреволюционеры, здесь, получив поддержку и почувствовав заботу советской власти, в подавляющем большинстве стали сторонниками этой власти. Многие, не потерявшие боеспособности, влились потом в ряды Красной армии и участвовали в боях.

Был разбит и вредный взгляд на военспецов. Несмотря на целый ряд директив и разъяснений, военспецов огулом считали активными контрреволюционерами и определенно отстраняли их от работы.

Здесь был сначала прямо бой с левым загибом.

— Ведь мы вот тоже, между прочим, военспецы,— говорил тов. Васильев.— А нам верят, в партии мы... Как же так?

— Вы,— другое дело... Проверены революцией,— отвечали спецееды.

— Вот и нам надо проверять. Смотреть в оба, а к делу допускать по-настоящему. Почему, между прочим, думаешь, что какой-нибудь фельдфебель из крестьян, выслужившийся в прапорщики, не будет нам служить по-совести? Не все, между прочим, на одну колодку. А смотреть надо. Об этом никто не спорит.

— Они, между прочим, наполовину слепые. Ты и покажи им дорогу. Увидишь измену — тогда дело другое. К стенке

поставить недолго. Только сперва испытать. Знания военные нам, между прочим, очень нужны.

Крестьянин Псковской губернии т. Васильев прошел тяжелую школу жизни. Работал чернорабочим на пароходном заводе, потом отметчиком, урывками получал образование. Дальше работал на Русско-балтийском вагоностроительном заводе. Во время отбывания военной службы был в учебной команде. С начала империалистической войны был призван из запаса и в 1915 году командирован в школу прапорщиков. По окончании школы командовал ротой в 53 сибирском стрелковом полку.

В партии до революции не состоял, но был близок к партийным группам, работая членом больничной кассы Русско-балтийского завода. Естественно поэтому, что с начала Февральской революции он включился в активную революционную работу. Как человека прямого и твердого, его быстро заметили. Работая председателем полкового комитета, он был арестован кадровиками-офицерами, но по настоянию солдат освобожден. В мае 1917 года новый арест за протест против объявленного Керенским наступления и призыв к гражданской войне. Полк освободил его и на этот раз. Во время Октябрьской революции т. Васильев был председателем военно-революционного комитета 53 стрелкового полка и потом на корпусном съезде заочно был избран командиром корпуса. Это заочное избрание, конечно,— показатель большой популярности, если припомнить, что 6 сибирский корпус, куда кроме 14, 18 и 136 дивизией входила еще 5 квалерийская, представлял огромную махину, раскинутую на значительной територии.

Понятно, что человек, прошедший такой революционный путь, был находкой для Камышлова, и с первых же дней стал работать военным комиссаром.

Как партиец-рабочий, т. Васильев прекрасно понимал ведущую силу партии. У него не было той военной ограниченности, которая тогда довольно сильно была заметна у других военных работников. Это помогло поставить военную работу на правильные рельсы.

Продовольственная диктатура

— Петр Лазаревич Войков[1], — назвал председатель совета вновь прибывшего из области товарища,— приехал к нам по самому трудному делу — по хлебу...

По первому взгляду приехавший кажется мало подходящим для такого дела, по которому приехал. Отложной широкий воротник рубахи, чулки вместо сапог, и весь акуратный вид так не похож на общую для того времени засаленную, обмызганную смесь военно-штатской одежонки советского работника, что невольно думается,— как он в таком виде с крестьянами разговаривать будет.

Но стоило ему заговорить, и первое впечатление сразу сгасло. Почувствовалась большая внутренняя сила этого, молодого еще тогда человека, четкость мыслей и отчетливое знание дела.

— Вы, товарищи, тут под боком проглядели черное гнездо. По волостям у вас там и здесь выносят контрреволюционные постановления и все на один образец, даже слова одинаковые. Есть, значит, где-то центр, который заправляет делом. Где он? Думали об этом?

Потом, выждав момент, спросил:

— Какой состав у вас инструкторской коллегии Уральского союза потребительских обществ?

В ответ начали вяло припоминать фамилии, но Войков сам быстро подбил итог.

— Итак, три бывших попа, один председатель земской управы, остальные неопределенного вида кооператоры, а заправляет всей этой публикой кадет, умеющий орудовать фиговым листочком. Помните, ведь с кем он шел в Думу.

Получился большой конфуз для исполкома, действительно не смотревшего на этот участок.

Положение с хлебом было тогда исключительно тяжелое.

---

[1] Комиссар снабжения армии, впоследствии представитель СССР в Польше, убит 7 июля 1927 года белогвардейцем Кавердой на Варшавском вокзале.

Декрет о продовольственной диктатуре не вошел еще полностью в жизнь. Настроение в деревнях было пестрое. Там, где беднота сумела крепко организоваться и вооружиться, нажим на кулака был достаточно силен, и хлебные излишки сдавались. Но такие села и волости считались единицами, да они к тому же не имели больших излишков. В хлебных волостях положение было иное. Оттуда прежде всего шел вой: „Хлеба нет, чем сеять станем". А когда уличали, что это неправда, начинались разговоры: „Может и есть у кого, только как он повезет, коли ни ситца, ни железа не дают".

Эта товарробменная установка имела своих сторонников и в уездном совдепе, особенно в отделах продовольствия и земледелия, где все еще держались „сих дел мастера"— эсеры, хоть и левые.

Разбить эту установку, дать хлебосдаче широкий размах и прибыл товарищ Войков. И надо сказать, он сделал это необычайно быстро и ловко, показав большевистский стиль работы.

Его „некрестьянский вид" не помешал ему сделать довольно широкий объезд уезда, преимущественно восточной части. Жуков и другие товарищи, ездившие с ним по уезду, качались от усталости и походя засыпали, а он, все такой же подобранный, делал доклад на собранном за эти дни уездном съезде советов.

Сначала это была агитация, описание тяжелого продовольственного положения городов и рабочих центров. Потом, когда с места затянули обычную голосянку: „Хлеба нет, как его достанешь, если не дать мануфактуры", тов. Войков резко изменил позицию. Целым рядом фактов он доказал, что хлеб злостно задерживается, что добыть его по вольным ценам можно в огромном количестве. Поэтому надо подходить к хлебодержателям не с разговорами, а с твердым требованием по декрету от 13 мая.

— Не для того объявлена продовольственная диктатура, чтобы ее обсуждать. Надо ее исполнять. Только тот, кто это понимает полностью и без оговорок,— советский гражданин. Все остальные — враги или их прислужники.

Такая постановка вопроса резко расколола крестьянскую часть съезда. Левые эсеры по обычаю начали было сглаживать острые углы, доказывая, что хлебная диктатура должна применяться со всей беспощадностью, но...

Общий вывод из этих выступлений сделал Жуков, закончивший свой рассказ о поездке предложением:

— Надо действовать без левоэсеровского ноканья, а с обыкновенной трехлинейной винтовкой.

Крепко поддерживали рабочих делегаты Каменского, Талицкого заводов и северозападных волостей: Знаменской, Ирбитско-Вершинской, Кочневской и Квашнинской.

Делегаты хлебных волостей продолжали доказывать, что хлеба недостаточно, что есть опасность — нехватит на семена и продовольствие внутри волости. Но уж тон значительно понизили. Некоторые называли даже какую-нибудь пустяковую цифру хлеба, которую можно заготовить в волости. Только делегаты 4 волостей решили „воздержаться" от голосования по внесенной тов. Войковым резолюции, которая сформулирована была не особенно длинно, но вполне решительно.

„Советы на местах приступают немедленно к учету всего имеющегося хлеба и к подвозу его на ссыпные пункты. Неисполнившие это постановление советы предаются военно-революционному суду. Лица, зарывающие или уничтожающ е свой хлеб, расстреливаются на местах, весь запас хлеба у них отбирается бесплатно. Всякий, кто продает хлеб выше твердой цены, предается революционному суду с заключением в тюрьму на срок не менее одного года. Хлеб у него отбирается бесплатно. Постановление это вводится немедленно". (Из протокола съезда от 26/V 1918 г.).

Тогда же было вынесено и другое постановление:

„Оружие выдавать только истинно коммунистическим советам, за которые поручится камышловская партийная организация (из того же протокола).

Об инструкторской коллегии, которая исподтишка орудовала против хлебосдачи, было опубликовано в газете:

„Областной комиссар снабжения тов. Войков, признавая деятельность камышловского отделения Уральского союза

потребительских обществ, идущей вразрез с постановлениями советской власти как в политическом, так и в экономическом отношении, постановил: распустить инструкторскую коллегию камышловского отделения. Все инструктора в составе 10 человек обязаны в трехдневный срок выехать из Камышлова („Известия совдепа“ № 84 31/V 1918 г.).

Этот „войковский съезд“, как его называли в Камышлове, был переломным моментом в борьбе за хлеб.

Если до того деревенская беднота производила на местах контрибуции, то там дело шло только о малозначительных уже в то время денежных знаках. Теперь бедноте приходилось подходить к самому чувствительному месту — к хлебному амбару. Вопрос об оружии встал во весь рост, а с ним и другой — кому давать. Необходимость четкого классового расслоения вытекла отсюда со всей неизбежностью.

В известной мере съезд оказался предшественником декрета от 1 июня об организации и работе комбедов. Организация деревенской бедноты для содействия продовольственным органам в изъятии хлебных излишков и правильного распределения хлеба на местах и была конечным результатом съезда.

Соглашательские разговоры левых эсеров, открытое и скрытое противодействие отдельных делегатов съезда были сигналом, что с составом советов на местах далеко не благополучно. Поэтому решено было провести подготовку и в ближайшее время созвать новый съезд для переизбрания уездного исполкома.

Клятвенный съезд

Этот съезд подготовлялся старательнее, чем предыдущие. Из города наряду с агитаторами были направлены в восточную часть уезда отряды тт. Жукова и Подпорина для усиления хлебозаготовок и, конечно, для проверки и исправления классового состава сельсоветов. Западная часть еще на предыдущем съезде была выделена в самостоятельный район и подчинена Каменскому заводу. Оттуда же направлены были

работники и рабочие отряды в волости, смежные с башкирскими землями, где наиболее сильно чувствовалась кулацкая рука. Катайская волость и северозападная часть уезда считались уже тогда достаточно укрепленными, и там подготовка велась исключительно местными работниками.

Усиленно работали и левые эсеры. Они хотели добиться переизбрания исполкома, из которого уже к этому времени были почти вытеснены.

Норма представительства была определена от 1 до 3 делегатов, в зависимости от разряда волости, и по одному представителю от фабрично-заводских комитетов, а где их нет — от делового совета, причем в таблицу разрядов волостей были внесены поправки „не столько по населенности, сколько по хлебосдаче, как главному признаку настоящей советской волости".

Съехались 131 делегат. Из них 77 коммунистов, 42 левых эсера, 1 анархист. Остальные 11 назвались беспартийными, но их „беспартийность" была вскоре обнаружена. На другой день съезда перед входом в зал делегатам предлагался листочек, на котором значилось:

„Я, член камышловского уездного съезда советов (от такой-то волости или предприятия, такой-то) даю настоящую подписку в том, что я как представитель беднейшего крестьянства и пролетариата Всероссийской советской федеративной республики, отдаю все свои силы, труды, имущество и знания на защиту революции от всех контрреволюционных попыток и сил, стремящихся низвергнуть ее и ослабить советскую власть как извне, так и внутри, и обязуюсь по первому зову советских организаций встать для вооруженного сопротивления врагам пролетариата и беднейшего крестьянства. В случае невыполнения данной подписки я объявляюсь вне закона" [1].

Подпишешь листочек — проходи, не подпишешь — нет тебе места на съезде.

---

[1] Цитаты в этой главе взяты из „Известий совдепа" № 102—104 от 22/VI 1918 года.

Одиннадцать делегатов не решились перешагнуть этот порог, и председатель, открывая заседание, отметил под общие аплодисменты:

— Мы уже одержали одну победу на внутреннем фронте, — выгнали отсюда кулаков и заказали им путь на будущее время. И тут же предупредил: „Подписками нас тоже не проведешь. Мы настороже, смотрим по делам“.

Под знаком классового размежевания и шел весь этот съезд. В выступлениях говорилось: „Уезд зажиточный. Северозападная и западная часть более бедны, но восточная и юговосточная, где есть наделы до 20 десятин — кулацкие. Беднота там зажата, середняк несознательно идет за кулаком.

„Кулаки боятся уравнения земли в пользу других волостей“.

„Путем подпольной агитации объединили Тамакульскую и Зырянскую волости и послали делегатов к чехам, зовут их к себе“.

По отчету исполкома ставилось в вину, что он не делал различия межу беднейшими и кулацкими волостями (в области просвещения, здравоохранения и пр.) и рекомендовалось:

„В будущей деятельности необходимо изолировать эти саботирующие кулацкие волости и в области товарооборота, и в области просвещения. Нужно сломить их упорство, вскрыть этот кулацкий гнойник. В тысячу раз хуже промедление, шатание, неуверенность. Мы даем кулакам организоваться, а когда они сорганизуются, то окажут еще более сильное сопротивление“.

Под этим же углом был поставлен и вопрос о распределении присланной в уезд мануфактуры, железа, соли.

„Мы должны дать все это только бедноте. Мы будем распределять через советы, где они составлены из бедноты, через потребиловки под контролем партии, через особых инструкторов с вооруженной силой“.

„Снабдить сейчас же мануфактурой те волости, которые, не имея своих излишков, помогут бедноте соседних кулацких

волостей произвести конфискацию хлеба у кулаков. „Кулакам и саботажникам ни одного аршина, ни одного фунта“...

Левые эсеры пытались свести вопросы классовой борьбы к критике отдельных неудачных распоряжений работников исполкома, но таким выступлениям сразу был дан резкий отпор.

Эсеры, как водится, „обиделись“ и отказались совсем от участия в работе исполкома.

— Коза с воза — возу легче,— резюмировал это Подпорин, вызвав беглый смех за столом президиума, где остались только большевики. В новый состав исполкома вошли только члены коммунистической партии, в президиум было выделено четверо товарищей, прошедших военную школу.

Избрание в головку исполкома военных людей было вполне понятно: очень сильно чувствовалось приближение гражданской войны. Об этом говорил не только давно начавшийся фронт против Дутова, куда ушла часть рабочих депо и Каменского завода, но и вспыхивавшие в разных концах области кулацкие и офицерские восстания.

Председателем был избран Васильев М. В. Он и был основным руководителем формирующихся частей, а потом начдивом 29 уральской дивизии.

Товарищем председателя был избран Брюханов Н. Н. из крестьян Знаменской волости, где он был председателем волсовета. На Брюханова только что было покушение со стороны озлобленных конфискацией хлеба кулаков. В избу была брошена бомба, взрывом которой тов. Брюханов был оглушен, а жена и дети сильно ранены. В фронтовую полосу работал как комбат и потом — командир Камышловского полка.

Второй товарищ председателя Хорьков В. Н., по внешности очень скромный и мало разговорчивый человек, был тоже крепкой классовой закалки. Крестьянин Ирбитско-Вершинской волости, он смолоду работал в шахтах на асбесте, был на Ленских приисках, работал на заводе. Семена большевизма, посеянные в армии, легли здесь на подготовленную почву и дали несгибаемого борца.

Запомнился случай. Ночное дежурство в исполкоме. Прибежали трое из Шадринска, через Тамакул. Обвешаны оружием доотказу, но вид до крайности уставших людей. Рассказали о сдаче города, и сейчас же поставили вопрос: „У вас как?“

Василий Николаевич, спокойно ответил: „Завтра узнаешь, а пока складывай бомбы, снимай оружие и давай документы“. В ответ на протесты и уговоры вынул револьвер и пояснил: „Положение военное, разговоров не полагается“. Когда беглецы разоружились и положили на стол документы, тов. Хорьков свел их вниз, запер в приспособленной для такого случая комнате и поставил караул. Возвратившись, он дал оценку событий. „Я бы таких расстреливал без всякой жалости. Самый вредный народишко! Сто верст продрал, сколько лишнего разговору по деревням из-за них пойдет“.

Внимательно просмотрев документы, он сказал:

— Двое левых эсеров а у этого ничего нет: беспартийный. Его еще можно оставить, а тех двоих обязательно в расход. Так завтра и буду говорить. Какие это союзники! Это враги, которым мы зачем-то оружие даем. Вон сколько на себе таскают, а для чего?

Сам Хорьков оружия много не носил, но умел им работать. Когда наши части уже отступали от Егоршина, он, тогда комиссар снабжения воинских частей, орудуя своим кольтом и ручной гранатой, сумел еще вырвать у покровских кулаков эшелон хлеба. Погрузить второй не удалось. Кулаки, пользуясь прикрытием хлебных кладей, издали расстреляли его и долго потом издевались над трупом ненавистного им комиссара.

Закованный председатель

Воз был запакован старательно, но в деревне уже многие знали, что везет председатель Новопышминского волсовета тов. Лескин.

Беднядкая молодежь деревни Спасской не удержалась, проговорилась на одном из волостных собраний.

— Погоди вот, добудем оружие — по-другому поговорим с вашим братом, которые хлеб прячут и от налогов лытают.

— Вот, граждане, слыхали, как люди похваляются. Оборужиться собрались. Мыслимое это дело в крестьянстве один против другого пойдет? — подхватили было кулацкие подголоски. Но успокоил какой-то старик:

— Кто-то им даст. До солдатчины еще не дошли, а тоже оружие. В бабки им играть, а не про это разговаривать.

Но все-таки с той поры на „спасских ребят" стали смотреть с опаской.

— Кто их знает, может, и не зря похвалялись. Вон и в волости пошло не так, как раньше. Управу сместили, фронтовиков поставили — совет называют. Что-то он, совет этот, хробостко берется за богатых. Через коленку переломить желает, а не так, чтобы добром человека усовестить.

Такие разговоры шли в средняцких семьях. Кулак, конечно, лучше понимал обстановку и старался использовать политическую слепоту деревни. Он усиленно подзуживал: „Вот дождемся. Придут к тебе с винтовками и отберут что вздумается. Всех и выровняют — не то что без хлеба, без штанов оставят. Допусти только. Вон он Лескин-то Володька, что поговаривает: „Вези, говорит, хлеба сто пудов по твердой цене". Без этого, дескать, рабочие не могут прожить. А того не скажет, за что я их кормить должен? Что они мне дают? Нет, вот пусть привезут железка, да ситчиков, да других разных товаров, тогда с нашим удовольствием хоть двести пудов получи — не жалко. Хозяин ведь я хлебу-то, хочу — продам, хочу — нет".

На слабый протест середняка: „Война ведь, разор всем вышел. Надо в положение входить", — кулак неизменно отвечал:

— Разор, не спорю. Потому и надо работать, чтобы из-под ногтя кровь пошла, а не так, чтобы с ружьем хлеб отбирать. Это куда годится? Сегодня ко мне придут, завтра к тебе. Отберут до зерна, а дальше как? Чем сеять будем, чем питаться?

И видя, что его слова оказывают действие, шептал: „За Лескиным-то посматривать надо. Он, верно говорят, в

город собирается за оружием. Привезет, так отобрать надо, а то весь хлеб отберут, да увезут, а нас голодом оставят".

Кулацкая агитация действовала, и за Лескиным следили сотни глаз. Со сдачей хлеба стало совсем туго. На все призывы совета слышался ответ: „Хлеба нет, самим нехватит обсеяться".

Для волсовета и партийной ячейки стало ясно — без оружия и решительных мер не сломить сопротивления кулака, и Лескин поехал в город.

Вернулся он на другой день вечером, заехав сначала в деревню Спасскую. Там уж его ждали, и он из 30 привезенных винтовок половину роздал в этой деревне, где была наиболее сильная ячейка, главным образом из бедняцкой молодежи.

Когда Лескин приехал в Новопышминск, там уж точно знали, сколько привезено винтовок и кому они розданы в Спасской, но внешне все казалось спокойно. Беспрепятственно Лескин заехал в широкий пустой двор волсовета и выгрузил оставшиеся винтовки и патроны. Пять винтовок он роздал членам Новопышминской ячейки, поговорил о делах и вскоре ушел спать. В жизни села не заметил ничего особенного. Между тем кулаки под руководством Колегова усиленно работали.

По всем деревням волости были разосланы кулацкие агенты с призывом отобрать у волсовета оружие и судить председателя.

В деревне Спасской как раз большинство молодежи, получившей винтовки, было в тот вечер на партийном собрании в школе. Местные кулаки этим воспользовались и пошли по домам искать винтовки. Когда захватили несколько штук, то приперли выходы из школы бревнами, поставили людей с ружьями против окон и объявили ячейку арестованной.

Феклушин Сергей, потом убитый в бою под Ирбитскими Вершинами, один только не был на этом собрании и смог скрыться. Сначала бросился за поддержкой в Новопышминское, но там оказалось не лучше, чем в Спасской. Тогда он метнулся на ближайшую станцию Богданович, чтобы оттуда добраться до Камышлова.

Между тем в Новопышминское уже пробралось много приезжих деревенских кулаков. Одиннадцать человек — четверо с винтовками, остальные со стягами — вели председателя волсовета „на суд“. Захватили его сонного.

Перед волсоветом густая толпа народа. Седобородый Лев Колегов даже трясется от злости.

— Вот он где вредный человечишко! Что на него смотреть? Бей!

Но в толпе, где не мало середняков, — колебание.

— Разобрать, поди, надо.

— Чего тут разбирать, коли он винтовки привез? На кого эти винтовки? На тебя ведь. А ты — разобрать!

— Вот и пусть скажет, зачем оружие привез. Тогда и решим.

— Муссоль языком-то! Убить сукина сына, и дело с концом!

Высокий голос Гани — сапожника покрывает все другие.

— Приговором надо. Кто решает убить, пусть подпишутся, чтобы другим за него не пострадать.

Начинается спор. Эти слова сапожника напоминали середнякам об ответственности, и они более настойчиво стали говорить о необходимости „разобрать дело“, „оставить до утра“.

— Он у тебя к утру-то сбежит, пожалуй.

— Зачем сбежит, — стражу поставим.

— Заковать надо, — предлагает один из кулаков и напоминает: — в совете-то у них кандалы на стенке висят. Вот его и заковать. В самый раз пригодятся.

Кто-то услужливый быстро побежал в волсовет и притащил кандалы, которые висели как памятка о прошлом режиме. Деревенский кузнец Степан Тимухин долго возится с непривычной работой, но заковывает „на-совесть“, так, что следы остаются на руках и ногах на десяток лет.

Закованного председателя уводят в кутузку, а толпа продолжает шуметь. Из деревни все прибывают и прибывают. Струя сомнения, — ладно ли это, — становится сильнее, но кулаки, завладевши оружием, начинают уж грозить. Все-таки решение „обсудить дело“ преобладает. Выбрали даже „председателя всенародного суда“ — Даровских [illegible].

Майская ночь (дело было 9 мая) не особенно длинна, и толпа шумела до рассвета. Вдруг крикнули: — Из города приехали. Отряд!

Вдали за поскотиной двигались цепью какие-то люди.

Кулачье с винтовками пыталось ободрить толпу. — Пусть попробуют, сдачи получат. — Но большинство стало разбегаться по домам.

Откуда-то прилетел тревожный слух: „С пулеметом". И площадь после этого быстро опустела.

Сунувшиеся наутек по другим деревням быстро вернулись и стали прятаться по огородам и гумнам Новопышминского, так как большинство дворов уж оказалось крепко запертыми.

Феклушин хорошо сделал свое дело. На станции Богданович он встретил Головинский[1] отряд и рассказал о событии. Отряд быстро направился в Новопышминское, а Феклушину предложили ехать все-таки в Камышлов и то же сообщить там. Из железнодорожного депо направился второй отряд с пулеметом, человек в тридцать. Численность обоих отрядов была незначительной, но они явились во-время, когда еще кулаки не сумели подчинить своему влиянию колеблющихся, и кулацкое восстание было предупреждено, главари арестованы.

При этом выяснилось, что остальные члены волсовета не были арестованы, хотя двое из них преспокойно оставались дома.

В уездном комитете партии из этого дела сделали нужные выводы. Антип Федоров, обычно сдержанный, на этот раз кричал на своего большого личного друга Подпорина.

— Безответственно выдаешь винтовки. Не проверяешь на месте, кому их передадут. А теперь кричишь, — расстрелять гадов.

— Смотреть, что ли, их привезли? Любоваться?

— Не смотреть, а разобрать надо: кто гад, кто подгадок, а кто чурбак с глазами. Ведь по-настоящему сами мы виноваты. Выдали винтовки неопытным ребятам, да малостойким людям. Ребят захватили, а остальные в кусты. Не расстре-

[1] Головин В. Ф., ныне председатель свердлоблисполкома.

лами такое дело поправишь. Надо смотреть, в какие руки винтовку даешь. С расстрелами тоже осторожно надо. Кроме вожаков тут ведь есть и такие, которые по глупости да по темноте полезли. Одного такого расстреляешь — сотни других тебя бояться будут, за тобой не пойдут, советской власти чураться станут. Разве это допустимо, когда они не кулаки?

В приговоре Революционного трибунала это было учтено. Объявлен вне закона один главный вдохновитель восстания Лев Колегов. Приговорены к общественным работам от 3 до 10 лет четверо, к выселению и денежному штрафу — трое. Кузнец, заковывавший тов. Лескина — к 5 месяцам общественных работ при волости. „Остальных обвиняемых, как невольных участников преступления, от наказания освободить“.

Выдачу оружия в деревне стал с этого времени производить уездный комитет партии непосредственно.

К Подпорину в гости

— Федя, тебя в сборню звали... спрячься... убить собираются,— говорила старуха-мать, встретив в воротах возвратившегося из Катайска сына „советчика“, который вкатывал в ворота велосипед.

— Кто убьет? Руки не выросли,— самоуверенно говорит одетый в военную форму человек и с ласковой улыбкой добавляет: „Слезу зря не пролей“.

Отец, стоявший под навесом с топором около верстака — доски, хмуро сказал:

— Ты, Федор, не шути. Третий уж раз за тобой прибегали. Кричат, матерятся. Мы, говорит, им покажем, как оружие друг на друга подымать. Без оружия ребра выломаем. Пьяные говорят. Остерегись. Мать-то правду говорит — уехать бы поскорее, либо схорониться где при доме. Верно, убить могут.

— Не испугался,— все так же уверенно отозвался сын, ставя велосипед около стенки амбара.— Пусть попробуют.— И он, старательно одернув гимнастерку, вытащил из широкой трещины бревна засунутую туда тряпку, обтер запыленные

сапоги. Потом вынул из кармана наган, повернул барабан, проверил патроны. Еще раз обдернул гимнастерку и, почему-то смутившись, как в детстве, сказал:

— Ну, так я пошел...

Мать заплакала, отец неодобрительно буркнул:

— Как знаешь. Умные стали... Стариков не слушаетесь.

Смущение сразу исчезло. Ответил со злобой:

— Что ж мне в солому прятаться? Не на то я в большевики записывался, чтобы кулаков ваших бояться. Никогда этому не бывать.

Поспешно направился к воротам, бросив нахоту: „Не плачь, мама, не бойся. Ничего не будет. Пошумят только...“

Но было жутковато. С уверенностью можно положиться в деревне человек на десять, только дома ли они? А остальные... Они туда и сюда... Некоторые, правда, в хлебозаготовках помогали, своих излишков не таили, но кто их знает.

Такие мысли ворочались в голове тов. Григорьева Ф. В., члена катайского волисполкома, когда он шел по своей деревне Черемисской.

Из-за угла навстречу уж шли человек пять односельчан и с угрозой приветствовали: „Иди-ка, иди. Расскажи обществу, кого тут вы убивать собрались с ячеешными своими.—Посмотрим еще, кто убит будет...“

Деревенская сборня забита доотказу. Несусветный галдеж, из которого можно уловить только основные линии спора: „Убить без разговору“ „Обсудить по правилам“.

По каким „правилам“, этого, конечно, никто не смог бы объяснить, но криками о „правилах“ прикрывали желание выручить „советчиков“— Григорьева и Полуяхтова. Поддержка была понятна, так как на собрании была и беднота. Здесь повторилась та же история, что и в Новопышминске. Ночью кулаки обошли по деревне и отобрали у бедноты полученное из Камышлова оружие.

Учтя эту разноголосицу собравшихся, Григорьев и Полуяхтов потребовали: „Пропусти к столу,—тогда расскажем“.

Толпа раздалась, и оба оказались у стола президиума, состоявшего на этот раз из особо авторитетных середняков

Сами организаторы ночного налета на бедноту стояли в стороне, подогревая своим ревом настроение собрачия. Председательствовал солдат старой службы Buштухин, выставив свою бороду-лопату и поблескивая четырьмя георгиевскими крестами и таким же числом медалей.

Когда Григорьев встал перед толпой и попросил слова, кулачье заорало:

— Какого ему слова! Наговорился — будет. Бей его!

Но беднота кричала: Пусть говорит. Надо выслушать. Виноват ли он в чем?

— Убить всегда успеете,— говорил со своей стороны Григорьев:— разберемся сначала, за что и кого бить.

— Не заговаривай зубы,— неслось в ответ со стороны кулаков.

Председатель Буштухин, позвякивая медальками, кричал свое: „Тише, граждана, тише, граждана".

Когда в сборне на миг установилась тишина, Григорьев начал говорить. Установку взял такую:— Можно ли было не слушаться, если из уезда приказали раздавать оружие? К этому короткий вывод:— Вы что, против советской власти? Кого судить собрались? За что?

Это произвело свое действие на основную массу собрания — на середняков. Бедняцкая часть собрания получила таким образом заметное подкрепление.

— Кто говорит не слушаться? Разве мы против? Это вон они наговорили, что бить будто собираетесь нас всех. На то и ружья привезли. Кулаки, однако, не унимались: Кричали:

— Врет... дураков ищет... сами они придумали ячейкой своей, чтобы междоусобность сделать. Убить без разговору!

— Ну-ка попробуй,— навстречу кулацкому вою кричал глухой, но очень сильный крестьянин Пиньженин — дядя Григорьева;— я те покажу убить. Рыло сворочу, а не дам в обиду.— И для убедительности совал в сторону противника свой мощный кулак.— Сунься на это место!

Это заскорузлое, похожее на добрую гирю „место" никого, однако, не привлекало сунуться. Все знали, что смолоду Пиньженина, этого тихого, угрюмого человека, возили за

десятки верст „в башкиры“ на борьбу, и не было случая, чтобы он когда погнулся под руками отборных борцов. И крики несколько стихли.

Григорьев, воспользовавшись этим, предложил

— Вы пошлите к тов. Подпорину делегацию. Проверьте Тогда и говорить будем. Не убежим ведь мы никуда.

— Это, пожалуй, правильно, поддержали Григорьева.

Кулаки протестовали, но их уж было незначительное количество.

— Этих вот в первую очередь арестовать надо,— подумал Григорьев и вслух спросил:

— Теперь идти можно?

— Как, граждане? Увольнить их?— спросил председател .

— Пусть идут. Зря вызывали,— откликнулась беднота. Кулаки ворчали, но налететь при выходе не посмели.

Съездить в Камышлов, „разузнать обстоятельства“ поручили президиуму.

Григорьев с Полуяхтовым тоже приняли меры — послали товарища предупредить Подпорина, что это за делегация.

Посланный в ночь уехал в город, а делегаты отправились лишь на следующий день.

Пробыли они в Камышлове недолго. Приехали через два дня. Поспешно вызывали всю бедноту и выдавали ей оружие, которое хранилось в сборне. При выдаче настойчиво предлагали: „Распишись, что получил в 8 часов“.

Как видно, Подпорин нагнал холоду и дал жесткий срок выполнения. С той поры в Черемисской даже поговорка такая появилась:

— Может, к Подпорину в гости послать, сговорчивее будешь,— говорили наиболее упорным держателям хлебных излишков.

Случай этот, как новопышминский, имел и другие последствия. Он помог деревенским ячейкам проверить стойкость своих членов и в наглядном примере показал бедноте настоящее лицо кулаков. В значительной мере это заставило и середняка подумать, с кем же ему идти. В столкновении двух сил он увидел, что их примирить нельзя.

Руки врага

(Эпизоды кулацких восстаний)

В деревню Рыбникову приехал солдат из расформировавшегося в Камышлове Ладиопольского полка. Дело самое обыкновенное для тех дней, когда в деревню шли и ехали демобилизованные. Но этот солдат Алексей (фамилия так и забылась) обратил на себя особое внимание. Приехал он верхом на лошади, сидя вместе со своей женой, которая по-русски знала лишь несколько слов.— Из Финляндии была. Дома приехавший справился: — Есть ли тут большевики? И по деревне пошло:

— Алешка-то, слышь, с заграничной бабой приехал. Лошадь ему большевики выдали. Ничего, лошадь хорошая... буланый мерин. Добрая лошадь... С такой хозяйство подымать можно.

Потому и выдали, что продался, вставляли кулаки и добавляли:— Жениться на немке заставили, чтобы шпионства больше из нашей стороны было. Теперь она всяко место шпионить станет, да по-заграничному описывать. Ты и не поймешь ни черта, а хлебушко-то ей подай.

— Это ты верно, Кузьма Провович, жрать-то все охочи. Подожди еще... Вот придут в деревню другие большевики, да каждый привезет по жене-немке .. Взвоешь тогда, как их всех кормить придется.

— Неужели все на немках женются?

— Порядок такой, чтобы все языки смешать... Так и говорится, что международная революция. Она и есть, коли чужестранных в свою деревню привозят.

Кончились эти разговоры тем, что солдата и его жену зверски убили. Убили пьяные на какой-то деревенской свадьбе. Но когда стали распутывать этот узел темной дичи, то оказалось, что ниточки ползли от достаточно грамотных людей: бывшего гласного земской управы, еще дореволюционного периода, и местного попа.

Поп, сокрушаясь об Алехиных грехах и распутстве,

вооружал против солдата и его ни в чем неповинной жены, главным образом, женскую часть населения. Земец с своей стороны, пользуясь темнотой, выдвигал устрашающие перспективы перенаселения деревни „чужестранными“. Изображал этот редкий брак обычным для большевиков. Убийство солдата, в котором принимали участие под пьяным угаром очень многие, задумывалось, очевидно, как своего рода база для более широкого контрреволюционного выступления.

Это сказалось, когда в деревню в конце января ночью приехал отряд из камышловских и каменских рабочих — человек сорок — пятьдесят под командой бывшего командира Ладиопольского полка тов. Яковлева.

Как только отряд вышел на церковную площадь, на колокольне ударили в набат. Командир приказал остановить этот неурочный звон, но церковные двери оказались крепко запертыми. Сторож изнутри дергал веревку набатного колокола. Тогда решили перебить веревку пулями, хотя это было явно невозможно в ночной темноте даже для первоклассных стрелков, каких тогда у нас было очень мало.

Стрельба была большой ошибкой, так как показала, что в деревне отряд, и местное население не выразило своего отношения к набату. Так и „проспала“ деревня под набатный звон и стрельбу. Никто не поинтересовался, что, где горит и кто стреляет. Даже огонечка нигде не показалось, кроме школы. В школе отряд и расположился до утра.

Утром „хорошо выспавшийся“ поп по вызову начальника отряда явился в школу и „любезно“ согласился прекратить набатный звон. Пришел даже в ужас от глупости церковного сторожа.

— Вот, старый дурак! Что только придумают по темноте своей. Чистое наказанье с ними. А я-то сплю...

Этим он, конечно, выдал себя с концом. Земец оказался умнее,— ночью сумел удрать.

На общем собрании в школе сначала долго шло „запирательство всем миром“.

— Все пьяные были. Алеха сам полез, выскочил в сенки, кого-то стукнул... Ну и пошла потасовка. Жена-то, видно,

хотела вытаскивать из драки, ее и истоптали по пьяному делу. Самое даже обыкновенное и никаких тут классов нету. Все дрались. При этом для убедительности показывали синяки и кровоподтеки. Когда же бедняк, сообщивший об убийстве в Рыбниковой, назвал двух главных виновников убийства, узелок сразу стал распутываться. Перекоряясь один с другим, открыли, что все происходило по предварительному сговору. Открыли и вдохновителей убийства. Оказалось, что вскоре после убийства солдата была сходка, на которой грозились, что также убьют всякого, кто проболтается. Тогда же условились, что по звону набата выбегут как на пожар с ломами, топорами, чтобы „отбиться от суда“, если такой приедет.

Вскоре произошло контрреволюционное выступление в Ертарке, где был стекольный завод, принадлежавший Поклевскому-Козелл.

Место глухое. Завод небольшой,— на две печи. Рабочие завода в большинстве приезжие из Белоруссии, где у Поклевского было имение. Жили рабочие в бараках, вблизи печей.

По подвозке песку, извести, сульфита, по транспортированию готовой продукции (бутылки для Талицкого пивоваренного и винокуренного завода) работает местное население из села Ертарки. В большинстве зажиточные. У стекольного завода есть свой небольшой обоз.

Здесь же, около Ертарки, производились лесоразработки и был лесопильный трехрамный завод. От него и оттолкнулись кулаки, чтобы завоевать на свою сторону бедняка и середняка.

— Скоeffль он жрет лесу-то. Год — два пройдет — полешка не увидишь. За сто верст поезжай.

— Земля — народу, земля — народу... Вот те и народу... Тебя и не спрашивают, знай сводят лесок-то. Денежку загоняют за наш счет. До какой поры это будет? По-хорошему если — так отобрать у них лошадей и раздать беднейшему населению бесплатно. Вот революция бы была, а не разговор.

— Тоже и на стекольном — сколько лошадей стоит без пользы. Ни пахать, ни боронить, бутылки возить. Бедняк какой на этой лошаденке поработал бы, десятинку — другую

взодрал... Можно бы тогда и бутылку свезти, как время посвободнее.

Этим кулацким разговорам сначала противодействовали рабочие, но кулакам удалось отбить часть из них, соблазнив „своей лошадкой“. Сопротивлялся и сельсовет, но слабо. Собственнические стремления в конце концов победили, и нерешительный совет был переизбран. Во главу поставили „очень смелого человека“, который до революции тут же урядником был, и дело пошло гладко. Обоз стекольного завода и лесничества в количестве 179 лошадей отобрали и распределили по обществу. Дали по лошаденке некоторым „самостоятельным“ беднякам. Подкинули по лошадке серядняку и дали той части несознательных рабочих, которые поддерживали дележку. У лесничего отобрали все имущество и тоже распределили „по самой дешевой цене“, а самого лесничего выселили. И надо сказать, что сами инициаторы — руководители этой дележки не проявили личной жадности, стараясь как можно больше „ввязать в дело“ середняка.

Посланный туда для исправления положения тов. Куткин встретил упорное сопротивление со стороны большинства.

В протоколе уездного совдепа от 14/IV по докладу тов. Куткина записано: „Лесопильный завод немедленно пустить, вернуть всех конфискованных лошадей, все распроданные за бесценок вещи лесничего отобрать у купивших, совет ертарский распустить и избрать новый. Для установления порядка командировать на место товарища Василевского с отрядом. Всех виновных предать суду“.

Как и в Рыбниковой, здесь также упорно укрывали инициаторов дележки. Относительно легко удалось изъять лишь „смелого человека“ — урядника. Его видимо не щадили, как „несусветного пьянчугу“ и даже старались свалить на него всю вину. „Несусветный“ тогда перестал изображать из себя героя, который „добро народу хотел сделать“ и откровенно сознался.

— Каюсь, деньги взял, чтобы эту самую дележку устроить, вот у них, — и показал суду тех, кто его на это подбивал.

Там, где беднота сумела уже более крепко организоваться

и выделила своих стойких работников, кулацкие выступления направлялись главным образом против этих выделившихся представителей бедноты.

Довольно часто практиковались нападения из-за угла. Так было в Знаменке, где неизвестно кем была брошена бомба в избу председателя волсовета тов. Брюханова. В Катайском районе предательским выстрелом из соседней комнаты был убит спавший тов. Ведерников, один из первых организаторов боевых отрядов, из которых сформировался „полк Красных орлов“.

Иногда, если это казалось безопасным, организаторы нападений старались подчеркнуть политическое значение этих выступлений. Например, на дорогу близ станции Ощепково были вытащены два трупа посланных в этот район агитаторами солдат. Одни из них по фамилии Манченко, фамилия другого неизвестна. При трупах записка: „Пропали собаки, похороните, кому они родня“.

Можно было установить, что один убит сзади каким-то тяжелым орудием. У другого прострелена грудь и нога; убит он был в другом месте.

Довольно часто эти нападения на советских работников в деревне организовывались так, чтобы вовлечь в это дело середняка. Легче всего это достигалось под прикрытием самогонных паров в праздничные дни. Пьяных под каким-нибудь предлогом собирали и начинали накаливать против кого-нибудь из советских работников с неизменным выводом „ребра выломать надо“.

После этого устраивали вызов.

Комиссара по управлению Кочневской волости Семена Бекетова вызвали по случаю пьяной драки в противоположном конце деревни. В одном месте на дороге оказалась толпа около человека на запряженной в ходке лошади. Когда Бекетов поравнялся с толпой, человек на лошади поехал в том же направлении, куда он шел. От толпы отделился пьяный и пошел тоже к Бекетову. Тот сказал: „Не подходи“ и сделал предупреждающий выстрел. Человек на лошади в это время встал поперек улицы, а сзади выскочили вооружен-

ные стягами, и Бекетов оказался окруженным. Тогда он стал стрелять уже всерьез. Ранил нападавшего на него пьяного и убил наповал человека на лошади. Только таким путем ему удалось проскочить в волисполком, откуда он и начал отстреливаться. Толпа окружила здание, но на выстрелы со всех концов деревни выбежали дружинники с винтовками, и главари были арестованы.

Чем ближе подходило время к чехословацкому выступлению, тем чаще вспыхивали огоньки кулацких восстаний, причем заметно изменилось их направление: уже не только против отдельных партийно-советских работников, но и против бедноты вообще, так как беднота становилась уже оформившейся группой внутри деревни. Даже из таких волостей, где кулацкое влияние было особенно сильно, шли сообщения: „Кулаки постоянно внушали деревенской бедноте о вреде большевизма. Так продолжалось до передела земли. Когда же начался последний, тогда и самым несознательным гражданам стало ясно, насколько противоположны интересы кулака-буржуя и крестьянина-землероба". („Известия совдепа" № 78, 24/V).

Огромное значение в деле организации бедноты имело проведение в жизнь постановления уездисполкома об обсеменении полей весной 1918 года.

В этом постановлении волостные и сельские советы под угрозой ответственности перед революционным судом обязывались „стать посредниками по распределению семян, лошадей, инвентаря и пр. между бедными и богатыми, привлекая последних к помощи беднякам трудом, лошадьми и семенами, при этом волостные и сельские советы могут по своему усмотрению давать вознаграждение после сбора хлеба, если будет урожай" („Известия совдепа № 70, от 14/V).

При таком направлении кулаков на группы бедноты естественно происходил отбор борцов за революцию при всех кулацких выступлениях.

Например, в селе Тамакуле увезли волостную кассу. Это уже в то время, когда Шадринск был занят и везде шел разговор о близости чехов.

Около кассы разгорелась борьба. Кулаки, разумеется, противились, но сделать это открыто не посмели. Зато, когда кассу увезли и в направлении на Камышлов ушел отряд, сейчас же началась расправа с оставшимися бедняками. Их избили, некоторых дополусмерти, и заперли под караул.

Между тем отступавший с кассой отряд встретился с другим, шедшим из Камышлова. После соединения решили направиться обратно на Тамакул, отправив с кассой несколько человек.

При таком обороте дела бедняки, захваченные кулаками, были быстро освобождены.

Уже после этого они больше не колебались, не раздумывали, не боялись уйти от поспевающего хлеба.

Все влились в отряд, который с 37 человек вырос до трех сот с лишком человек.

О такой же, примерно, расправе кулаков с бедняками было известно и по другим волостям.

Так, в селе Ильинском волостным военным комиссаром оказался не очень стойкий человек, хотя и бедняк.

Когда отступал отряд, то его предупреждали, что он может оказаться в плохом положении, если не пойдет с большевиками до конца. Но тот, как видно, понадеялся на близость свою с военспецом, работавшим в волости по обучению мобилизованных.

Так и сказал отрядникам: — Вы — товарищи и те — друзья, не разберешь, кто ближе.

Такая политика волостного комиссара оказала действие и на других бедняков. Некоторые из них понадеялись тоже на „друзей" и остались.

Результаты сказались быстро.

Волостному комиссару бедняку, надеявшемуся на колчаковских друзей, прежде всего выстрелили из дробовика в глаза, и уж потом долго таскали его по улицам села. Запрягутся в ноги и волочат головой по земле. Давно уж человек умер, а забава все продолжается. Не менее жестоко начали расправляться и с другими, оставшимися в селе. Зато те, кому удалось укрыться в коноплянниках и в других укром-

ных уголках, постарались пробраться к отступающим отрядам и дрались они в полку Красных орлов с беззаветной храбростью, окончательно став за советскую власть.

В котле

Катайск — большой хлебный центр. Сюда, к линии железной дороги, свозился хлеб и другие продукты сельского хозяйства из окружающих волостей: Шутинской, Никитинской, Петропавловской и других.

При таком положении естественно, что здесь образовалась довольно сильная группа капиталистов-хлеботорговцев, и рядом с ними выросли не менее значительные предприятия. Был большой простор и мелкому хищнику-спекулянту, который торговал лошадьми, занимался перекупкой и всяким другим путем добывал себе кусок пожирнее за счет крестьянина.

Некоторые из катайской буржуазии имели „липкую руку" к земле. Вначале уж отмечалось, что здесь разными путями (арендой, покупкой у башкир, скупкой отрубных участков) начали сколачиваться довольно значительные земельные куски, которые уже назывались, побольше — имениями, поменьше — заимками.

Все это, разумеется, могло идти не иначе как за счет разорения деревенской бедноты и вызывало соответствующее сопротивление.

Партийная работа здесь имела благоприятную обстановку в среде беднейших слоев населения. Но с другой стороны здесь были условия для роста и других партий. Недаром Катайский район в избирательных списках к учредительному собранию выдвигал даже своего кандидата, который был принят энэсовской группой по губернии (список № 11). Здесь же, что вообще редко для сельских местностей, имела некоторое значение и кадетская группа. Поэтому классовая борьба развернулась в Катайске и остро определилась раньше, чем в других сельскохозяйственных районах.

Уже при выборах в учредительное собрание Катайск, как отмечалось выше, удивил тем, что по этому району боль-

шевики получили в единственном сельскохозяйственном районе губернии голосов больше, чем эсеры. Разница в количестве голосов, однако, была не особенно значительна, и это позволяло эсерам уездного центра рассчитывать здесь на определенную поддержку.

Когда уездная управа была ликвидирована в Камышлове, аппарат управы через своих агентов обратился в Катайский район за поддержкой. В волостном земском собрании председатель огласил эту просьбу камышловской уездной земской управы, где говорилось о необходимости созыва чрезвычайного собрания для решений вопроса о том, как относиться к „захвату власти большевиками".

Постановление получилось не в пользу аппарата управы. В резолюции, напечатанной в „Уральском рабочем", от 19/XII 1917 года, № 54 сказано:

„Революционный народ теперь, и история в будущем по справедливости оценят поступок лакеев буржуазии — испуганной интеллигенции, позволяющих себе бунтовать против народа и его революцию называть захватом

Мы приветствуем правительство рабочих и крестьян, как завоеванное кровью наших сынов и братьев, и окажем ему всемерную поддержку в его борьбе с врагами народа и в установлении нового справедливого строя Республики советов:

Вся власть — советам крестьянских, рабочих, солдатских депутатов.

Учредительное собрание будет ценно для нас лишь тогда, когда оно явится выражением наших желаний о земле, воле и мире, а не будет оправдывать грехи проклятой коалиции и сколачивать новую, для чего и требуем исключения из списков учредительного собрания кадетов".

Эта резолюция, на которой сильно ожглись рассчитывавшие на поддержку в Катайске эсеры из уездного центра, показывает в то же время, что соотношение борющихся сил было почти одинаково. В резолюции отмечено, что она принята 20 голосами против 18, при одном воздержавшемся.

С января, когда в Катайский район стали группами возвращаться демобилизованные, неся с собой зарядку с фронта,

положение значительно изменилось. И прежде всего в тех деревнях, которые наиболее были обворозаны в земельном отношении. Первой из таких оказалась деревня Савина, где душевой надел по сравнению с другими селениями был значительно ниже.

Эта деревня и „отложилась" от волсовета, как это уже отмечалось выше. Беднота деревни связалась с уездом, постаралась добиться оружия и начала проводить ряд мероприятий по конфискации, контрибуции и хлебозаготовкам.

Другой очень заметной в революционном движении Катайского района оказалась деревня Черемисская, где появилась сразу довольно сильная группа возвратившихся с фронта солдат-большевиков. Один из них Ведерников Поликарп даже получил некоторую политическую подготовку на курсах.

Примерно такие же революционно настроенные люди появились и в других деревнях волости.

Только после этого начался сильный нажим на „пестрый" волсовет. Ликвидация волостной управы состоялась лишь в марте.

Любопытная деталь. Когда после собрания выходили в коридор, то четверо незнакомых раньше друг с другом людей пожали друг другу руки и решили сейчас же где-нибудь поговорить. Сблизило их выступление на том собрании, где решено было упразднить земство и избрать новый состав волсовета.

Эти четверо (Ковригин М. Д., Кобяков А. И., Григорьев Ф. В. и Зеленин Е.),— в военной форме — оказались большевики.

Эта группа по существу и была организующим началом создания боевых отрядов в пределах Катайского района.

Толчком для усиления этого рода работы послужило кулацкое движение на башкирских землях, которое началось в полосу дутовщины.

Из Камышлова было предложено всем коммунистам мобилизоваться и принять непосредственное участие в борьбе. Мобилизационным пунктом назначен был Каменский завод, где происходило формирование отрядов, направляемых против Дутова.

Работники Катайского района, к тому времени уже успевшие сколотить довольно значительную партийную организацию и даже провести волостную конференцию, выделили на этот фронт 42 человека. Этот отряд под командой Григорьева вечером был отправлен в Каменск. Вместе с отрядом ушли в полном составе все работники волисполкома и волостного комитета партии.

В Каменске, конечно, не допустили такого оголения партийного фронта Катайского района, и большинство товарищей возвратилось в район с заданием продолжать мобилизацию, вовлекая в отряды беспартийную бедноту.

Вооруженные группы разделились и начали работать в разных волостях.

Григорьев направился на Долматов, на село Верхтечу, село Никитинское, Зырянское, Колчеданское, Шутиху, Петропавловское и Песковское.

Второй отряд был под командой Кобякова А. И.

Третий — под командой Тарских сформировался из старых фронтовиков села Шутинского и главным образом деревни Озеро-Вавилово. Оперировал он в районе Шутинской и Тамакульской волостей.

Четвертый отряд Ослоповского И. А. сформировался из фронтовиков Песковской и Петропавловской волостей, где и оперировал сначала.

Все эти отряды не имели централизованного управления, действовали вразброд. Продовольствие получали за счет местного населения. Человек пять прикреплялось к определенным хозяйствам, которые и должны были готовить обед, ужин по числу людей. Уплата производилась командирами отрядов из сумм, поступавших от конфискации и контрибуции.

Такое положение, разумеется, не могло долго продолжаться. Тем более, что приближавшийся со стороны Башкирии, а также с восточной стороны фронт заставлял серьезно подумывать о правильном комплектовании отрядов, об их снабжении оружием и амуницией в более или менее плановом порядке.

Появление в Мясниковском селе на подавлении кулацкого

восстания товарища Подпорина с отрядом камышловских рабочих ускорило это дело.

Подпорин принял все меры к тому, чтобы эти разрозненные отряды как можно скорей объединить в более крупное войсковое соединение.

Это и было началом организации полка Красных орлов.

Над приказами по полку

В большом доме купца Петрова разместился штаб формирующихся отрядов. Шум. Беспокойная беготня. Отдельные выкрики и тут же храп с присвистом. Измученные бессонными ночами люди сваливались, где приходилось.

Человек в синей рубахе, засаленный, грязный, с впавшими от длительной бессонницы глазами, сидит у стола с бумагами. На столе маузер, справа английская граната. Пишет.

— У, гадюка, не то слово... Все не то слово.

Это начальник отряда Подпорин.

Унтерофицер старой армии, Подпорин был разжалован за столкновение на улице с каким-то важным барином из бывших офицеров. Отбыв наказание, он с несколькими крестьянами пошел громить усадьбу этого барина и, как солдат, оказался в дисциплинарном батальоне в Ташкенте. После дисциплинарки возвратиться на родину в Сумский уезд, Харьковской губернии, он не мог, так как въезд в европейскую часть России — за Урал ему был запрещен. До солдатчины Подпорин был рабочим обувного производства; частично по этой же отрасли работал в мастерских дисциплинарки. Эта профессия определила и выбор Подпориным для житья Камышлова, где при наличии довольно большого по масштабам того времени алафузовского кожевенного завода, имелись обувные мастерские с машинным оборудованием (конечно, кустарного типа).

Камышловская буржуазия потом усердно подчеркивала профессию Подпорина: „Член исполкома — сапожник Подпорин, комиссар управления — сапожник Подпорин“. Видимо, это казалось особо язвительным, остроумным.

Когда же пора шуток сменилась суровыми действиями контрибуций и изъятий, тогда судейская глиста добыла из Харькова и широко пустила по городу документы о судимости Подпорина. В этих документах нападение на помещичью усадьбу квалифицировалось как покушение на „священную собственность“, как попытка открытого грабежа. Считая доку-

Первый командир полка Красных орлов Подпорин Петр Никитич

мент правильным, его даже открыто представили в уездный исполком совдепа. Но там о нем давно знали. При вступлении в партию РСДРП (большевиков) Подпорин сам представил этот документ, и документы, подтверждающие связь его с революционными организациями Харькова, а также переписку с товарищами, отбывавшими наказание в дисциплинарке.

Подпорин был массовик, энтузиаст классовой борьбы, у которого чувство не всегда подчинялось рассудку. Он едва ли мог предварительно взвешивать обстоятельства, но зато умел передать свой порыв, свое настроение широким массам. Как большинство подобных людей, Подпорин легко переходил из одного состояния в другое. Открытый раскатистый смех и ласковый разговор легко сменялись свирепыми криками. Даже на лице у него можно было видеть какой-то постоянный спор.

Глубокие складки на лбу и энергично выраженные надбровные дуги были в прямом противоречии с мягкими очертаниям губ и подбородка. К добродушному „по-рассейски“ носу мало подходили свислые „по-казачьи“ усы.

Отрицательной чертой Подпорина была его излишняя доверчивость, из-за которой он нередко ошибался в выборе людей.

За всем тем Подпорин был преданнейший делу революции и партии человек.

С начала Февральской революции Подпорин находился на самых разнообразных постах, всегда очень ответственных и опасных. В местной печати того времени часто мелькает его фамилия, порой отражаясь и в областной.

Подпорин — организатор боевых дружин по селам и деревням, общественный обвинитель при разборе дел о саботаже, на съезде уездных комиссаров управлении в Перми он коротко подводит итоги своей работы.

Дальше начинается военная работа в связи с кулацким сопротивлением хлебозаготовкам. Отряд Подпорина, являясь достаточно крепкой и хорошо вооруженной группой, несомненно активизировал имевшиеся на местах боевые дружины и содействовал оформлению их в более крупные воинские

части. Подпорин обычно сам писал приказы, обращения и воззвания.

Своим приказистом он определенно был недоволен.— Надо так писать, чтобы за живое брало. А то вот все распоряжения, да распоряжения, а объяснить не можем. Тут объяснить надо, и Подпорин пытался объяснить, но сам был недоволен той смесью агитации и делового распорядка, какой у него получался, часто жаловался:

— Грамоты вот нехватает. Можно ведь так написать, чтобы действительно человека взять. Говоришь как будто и ладно, а напишешь — не то, не так.

Эх, грамоты нехватает! А военные люди они норовят по-старинке. Назначается такой-то, снимается с довольствия другой. Неправильно это. Тут все надо разъяснить. Но разъяснять было просто некогда, и приказы писались обычным стилем.

Сельские мерщики

Праздничный майский день. На бревнах, недалеко от школы группа молодежи. Смех, шутки, повизгивание, песня. Все, как полагается. Но вот из школы выбежал кругленький, подсадистый подросток и закричал, размахивая газетой.

— Ребята, кто хочет в город ехать учиться?

— Чему учиться-то,— равнодушно отозвался парень с гармошкой и добавил: — И без того все произошли, друг на на друга, как собаки кидаются. Выучились.

— Не тебя спрашивают,— отмахнулся выбежавший из школы.

— А я, вишь, отзываюсь: потому, не гордый. Наш дом богатый считается, а я с вами тут якшаюсь. Правда ведь, Дуняша, не гордый я?— спросил он сидевшую недалеко от него девушку и пояснил свой вопрос так, что Дуняша покраснела до слез, а часть парней захохотала, но другая часть сейчас же дала отпор.

— Ну ты, придержи погань-то у себя во рту. Дай человеку доброе сказать.

— Супротив моего не скажешь,— пытался задержаться на своей шутовской позиции парень с гармошкой,— от его-то слов, может, голова заболит, а от моего разговору люди зубы моют да брюха растирают. Верно ведь?

Но подбадривающего ответа не было, и парень, прикрывая отступление, широко развел меха своей щеголеватой венской гармошки с колокольчиками. Потом медленно поднялся и проговорил:

— Айда, девки, плясать. На кругу-то, поди, сколько уж народу собралось, а мы тут сидеть будем, да умников слушать.— И он пошел под веселый перебеор гармошки. Поднялись еще две пары.

— Этак-то лучше,— напутствовал его круглоголовый подросток и, обратившись к оставшимся, спросил:

— Зачем он к нам прилипать стал? Раньше-то этого не было... своей кампании держался, а тут, на поди,— все к нам прется.

— Не все равно, в который конец ходить. Ты лучше скажи, куда учиться зовешь?

— А вот,— и парень начал читать объявление.

„С 8 мая открываются курсы сельских мерщиков. На курсы принимаются молодые люди из беднейших слоев населения, командированные волостными советами, с подготовкой городских училищ и не менее двухклассных школ, имеющие 16 лет от роду...“[1]

— А больше ежели?— живо спросил один из слушателей.

— Не знаю,— уныло ответил читавший объявление, потом добавил.— Можно, я думаю. Как же без этого набрать людей с образованием из беднейшего слою. Немного ведь из нас училось хотя и в двухклассной школе. Про городское не говоря.

— Что хоть там делать-то будут? Мерять-то что?—спросила одна из девушек.

— Тут так сказано: „Преподавание практическое.— Это,

[1]) „Известия Камышловского совдепа“ № 64, 1 мая 1918 г.

значит, на деле, а не по книжкам только,— пояснил парень. „Имеет целью подготовить землемеров исполнителей".

— Землемеров? Из нашего брата, из крестьян?— недоверчиво проговорил один из слушателей.

— Ну, а как ты думаешь, бар, что ли, выписывать? — перебил его другой.

— Так и должно быть при советской власти, чтоб крестьяне сами землю распределили без обиды. Вон раньше то.. слыхал от стариков, что делали землемеры? За взятки землю обрезали. Потому у нас и несправедливость такая, что в одной деревне больше земли на двор, в другой меньше. Кто задарил землемера, тот и пользуется.

— Ведь это здорово важно, ребята,— вмешался еще один.— Только сомнение у меня,— не попасть на эти курсы крестьянину. Грамоты нехватит. Городские, поди, набьются.

— Здесь и об этом говорится, — отозвался парень с газетой:— „Кроме командированных волостными советами, никто из посторонних приниматься не будет".

— Вот это хорошо,— обрадовался тот, что боялся конкуренции городских.— Так и надо. Только кого все-таки посылать-то? Шестнадцати лет, двухклассная школа и беднейшего слоя. Кто у нас подойдет?

Начали перебирать имена и сразу наметилось разногласие. Бедняки больше налегали на слой, а середняцкая молодежь на возраст и образованность.

Из сидевших на бревнах подходили только двое и то не совсем. Петруха, тот, что читал газету, и Санко Пинженин. Но первый был старше 16 лет, а про второго сильно сомневались: — Отец-то у тебя по осеням скотом поторговывает. К бедняцкому слою отнести нельзя..

Санко доказывал, что это было только раз — бабушка попросила телушку свою продать, да овец пару, как ей лишние.

— То и есть, что у ней лишние, а туда надо беднейшего населения, у которых сроду лишних не бывало. В том и разница.

Петруху зато ободряли.— Ты у нас маленький. Скажи — шестнадцать, мол, и вся недолга. Поверят.

— Бумажку ведь потребуют,— возражали из середняцкой молодежи.— Откроется обман, и ступай домой.

— Никакого тут обману,— горячились Петрухины сторонники,— виноват разве он, что годом раньше родился.

Сам Петруха стоял на прежней позиции.

— Я думаю, на это сильно обращать внимание не будут. Лишь бы не меньше шестнадцати, а семнадцати либо восемнадцати, это не повредит.

— Тогда бы так и написали...

Решили посоветоваться с председателем волисполкома. Тот заметно обрадовался, когда ребята стали говорить о подборе на курсы сельских мерщиков.

— Самое то дело, о котором сейчас думал: кого, дескать, послать? А вы и пришли. В самый раз. Касательно возрасту, так полагаю, что не велика беда, если постарше окажутся. Шестнадцати-то, по-моему, сильно молодые. Не сгодятся, поди, для такого сурьезного дела. Постарше лучше.

Совместно с молодежью председатель стал делать наметку кандидатов на курсы. Некоторым из молодежи пришлось потом сходить или съездить в другие деревни, чтобы побеседовать там с ребятами и выяснить вопрос об отдельных кандидатах.

Затем молодые инициаторы отбора обсуждали список вместе с волостной ячейкой и к 8 мая в Камышлов поехало пять человек вместо намеченной от каждой волости тройки. Это была наиболее грамотная молодежь из деревенской бедноты. Возраст от 16 до 18 лет.

Напутствуя уезжающих, председатель волсовета говорил:

— Не забывай, ребята, что вы есть молодой цветок бедноты. Теперь вам полный уход дается. Только при советской власти так могло сделаться. Дорожи этой властью больше, чем своей головой. Понятно?

— Не беспокойсь, Василь Степанович, не качнемся, не забудем бедняцкое положение.

В таком, примерно, виде пришло в деревню начало объединения бедняцкой молодежи.

В городах и заводских центрах к началу гражданской войны уже существовала организация „Союза социалистической молодежи“, но она еще не имела не только большого, а кой-где и вовсе никакого влияния в деревне. В лучшем случае там работали при школах разные кружки. Преобладающим направлением кружков была учеба и культурный отдых.

В этих условиях проведение отбора на курсы сельских мерщиков имело огромное значение для организации деревенской молодежи. Это мероприятие не только дало нужные кадры в город, но оно приблизило остальную бедняцкую молодежь к повседневной работе деревенских партийных ячеек. Те из подростков бедняков, которые показали себя активными по отбору мерщиков, оказались первыми помощниками ячеек и в остальных видах работ. Нередко таких, еще совсем юных бедняков, можно было видеть и в рядах партии.

Самим сельским мерщикам пришлось не мало-таки земли измерять, только не с цепью, а с винтовкой.

Камышловская, например, группа едва ли смогла прозаниматься даже месяц, так как близость гражданской войны ярко чувствовалась уже с июня. Молодежь, классово отобранная, горячо включилась в работу по подавлению контрреволюции и саботажа. Дальше уж ее видишь в войсковых частях, в роли разведчиков, связистов, пулеметчиков, саперов.

Тоже и в Шадринской группе. В воспоминаниях отдельных товарищей встречаются: „Нашу группу мерщиков направили на защиту моста“... Дальше начинается перечень боев Уральского и Сибирского фронта, Гуляй-Поле, Сиваш. И еще отметка: „С этого времени началась моя служба в Красной армии, так как призван мой год“.

Как отдельные группы, сельские мерщики выступали разве в самом начале гражданской войны, потом они разбрелись по разным родам оружия; иные ушли на политработу, большинство из них стали комсомольцами, вступили в партию.

Началом их революционного пути было классовое проведение в жизнь положения о сельских мерщиках.

Оно же дало тот отбор бедняцкой молодежи, которая дорожила советской властью больше, чем своей головой.

Под Долматовом

Сильно пахнет полынью. Этот пряный запах будоражит, волнует.

— Того и гляди, рожь поспеет, а тут война эта объявилась,— вздыхает бородатый дядя.— Сиди вот в кумовом огороде с винтовкой.

— Тебе бы, дядя Калистрат, все на сопках Манчжурии? Как в японскую?

— Там, брат, война настоящая была, а тут смехота одна... Посидим, посидим в огородах да и айда дальше... Говорят, обошли... Кто обошел, откуда,— ни лешего не разберешь... Стрелять если начнут, так сразу со всех сторон... Какая это война... По-нашему, по-солдатски, не так надо...

— Ну-ка, скажи, как?

— А вышел, например, так уж держись до краю... На смерть вышли, а не по огородам сидеть... Пробегаем этак до осени,— весь хлеб ссыплется... жалко ведь поди.

Чудак ты, Калистрат, тут дело большое, а он про хлеб...

— Я разве говорю — маленькое? Если от страды пошел, значит понимаю. Не про то я. Про другое. Что вот все отступаем без боя. Разве это война? В лоб надо бить,— чья возьмет. Тогда дело сразу определится.

— Войско-то у нас пестрое. Тут тебе и старики, и мальчики. Совсем пестрое войско...

— Это как сказать,— возразил Калистрат.— Годы разные, а нутро одно — бедняцкое. Нет, войско у нас совсем наоборот даже... Правильное войско... Начальники только наши, видать, плохо в деле разбираются. Наладили одно — фланги подтягивать. Только и слышишь — с правого флангу обошли, с левого обошли. Тот оттянуть, тот выправить, а вот Шадринск-от и отдали, к Долматову подкатили.

— Сила ведь у них, Калистрат, у чехов-то. В Шадринске отряд анархистов был из Питера... С броневыми машинами... Ничего сделать не могли.

— Видал я анархистов этих... которые в Шадринске были...

Так это... не то офицеры какие бывшие, не то интеллигенция. В брючках, в туфельках похаживают, а бомбами обвешены. И матрос с ними из таких, который в брючине ширь пущает и орет для задору. Нет, не настоящий солдат... По базару таким разгуливать, да бабами разговоры разводить. Не сурьезный мне показался народ... То и учесали, и машину с собой уперли.

— По распоряжению из области, говорят, ушли.

— Да уж подведут, коли туго пришлось.

Такой разговор вполголоса шел, примерно, в километре от станции Долматово около изгороди, за которой начинались хлебные поля. Часов в 12 секрет, выдвинутый вперед, передал: „Идут. Много". —

— Командир отряда приказал: „Отступать к станции".

— Опять отступать,— ворчит Калистрат.— От Замзреза отступали, надоело. Когда остановка будет? Когда наступать начнем?

Отступали тихо, стараясь не выдать себя противнику. На станции все было в боевом порядке.

На рассвете в югозападной части началась перестрелка. По направлению к кладбищу, вдоль изгороди которого расположился взвод, видна была перебежка противника. Уже близко. Наши открывают ружейный и пулеметный огонь. Противник однако продолжает наступать. По отчаянной матерщине можно догадаться, что наступают пьяные. Пулемет строчит без перебоев. На изгороди повисли тела убитых, но это не останавливает пьяного противника. Один из пулеметов перестал работать — разогрелся. Стрелки дрогнули. Командир кричит:—„Не волнуйтесь, товарищи! Товарищи, не волнуйтесь!"

В это время подошел наш блиндированный поезд и открыл огонь по противнику.

— Это вот так, — одобрил Калистрат. — На бой походит.— И ойкнул.

— Хватило меня,— пояснил он: — пойти перевязаться.— И пошел на станцию.

Блиндированный поезд продержался недолго, так как в тылу у него появился противник, пытавшийся разобрать рельсы.

Станция оказалась занятой противником, а там наши раненые.

И Калистрат с ними.

Отряд поспешно отступает в лощину. Но не успел отойти четверти километра, как блиндированный поезд опять подкатил к станции и начал поливать.

Командир отряда кричит: — „Вали, ребята, занимай станцию. Ура!" И взвод, воодушевленный примером командира, бросившегося в сторону станции, с ружьями наперевес бежит туда же. Противник беспорядочно отступает, усердно провожаемый нашими пулями. Раненого Калистрата не удалось выручить. Труп его был исколот штыками. По показанию другого раненого, которому удалось спастись, дело произошло так.

Когда станция была занята противником, вошла группа офицеров и один из них с усмешкой проговорил:

— Ну вот. Шадринск взял и Долматов взял. Не велика...

Дальше ему говорить не пришлось. Калистрат из-за мешков в углу выстрелил и убил хвастуна наповал. Сделал еще несколько выстрелов, одного ранил, после чего его самого убили.

При осмотре убитых и раненых оказалось, что среди них было не мало чехов.

Вечером, часов около 10 получен был приказ отступать к Катайску. Бойцы, ободренные дневной удачей, делают это неохотно.

— Жив бы был Калистрат, опять бы матерился,— говорит кто-то.

— Это, товарищи, нельзя так рассуждать. Ведь не в одиночку воюем. Надо согласовывать действия частей,— объясняет командир.— Калистрат, конечно, твердый боец и герой, а все-таки он этого не понимает. Не понимал то-есть,— поправился командир.

— Изуродовали его,— сказал один из отрядников и погрозился:— Подожди, гады, рассчитаемся.

Это был первый бой около станции Долматово 11 июля 1918 года.

По церковным оградам

От Долматова до Богдановича отступление велось без больших боев. Мелкие стычки с контрреволюционными отрядами местного населения были, однако, довольно часты. Все время приходилось быть начеку.

Обычным местом остановок по селам были тогда церковные ограды. Во-первых, они давали собою прикрытие, во-вторых, противник лишался возможности пользоваться сигнализацией — колокольным звоном, что тогда было в большом ходу. На главном направлении, откуда ожидался противник, выставляли пулемет, на второстепенные проходные пути высылали заставы, и отряд располагался на ночлег.

Дисциплина тогда еще не установилась. Много было необстрелянной, не привыкшей к боевой обстановке молодежи. Мешало и то, что война велась в непривычных условиях, приходилось искать врагов среди своих знакомых и родни. Всилу этого, первые шаги боевой жизни полка были порой забавны, но чаще всего тяжелы.

Вот коротенькое описание тов. Антропова об остановке в селе Травяном, в 6 километрах от Каменского завода.

В селе какой-то церковый праздник большого калибра, т. е. с поголовным пьянством. Успели и кой-кому из красноармейцев „подсунуть стакашик", а еще больше того насовали всяких слухов и разговоров о приближении казаков.

— Не устоять нам, ребята. Изрубят в куски. Вон их, говорят, какая сила идет. И к войне привычные. Известно, казак, не наше крестьянское дело. Он, брат, саблей махать с пеленок учился. Где же устоять?

Полупьяный ординарец храбрится, говорит много хвастливых слов, а потом приносит в отряд унылое настроение.

— Говорят, казаки со всех сторон. Как бы нас не окружили.

Командир отряда сделал ординарцу строгий выговор, пообещав на следующий раз применять к нему закон военного времени за пьянство и за распространение контреволюционных слухов.

Ординарец не такой уж плохой парень. Ему обидно, что командир его назвал трусом и даже чуть не врагом советской республики.

— Ежели я с знакомыми выпил маленько, так уж и враг. Я вот докажу завтра, почему я выпивал. Может, я их к нам перейти уговаривал. Вот те и враг. Завтра увидите.

Но до завтра в Травяном не пришлось оставаться. Был получен приказ занять ближайший железнодорожный разъезд, и отряд стал готовиться к выступлению.

Полупьяный ординарец, чтобы не оказаться брехунцом, решил „сбегать за ребятами", а когда те отказались, вступил с ними в словесную перепалку. Кончилась она выстрелами.

Выступивший в темноте отряд вообразил, что наступает противник и, укрывшись опять в церковной ограде, открыл огонь в сторону выстрелов. Только уж на рассвете положение выяснилось окончательно, но боевое задание выполнить запоздали. Разъезд был занят противником, а труп ординарца лежал около изгороди.

Тяжело было положение отрядов в эту полосу и с вооружением.

Трехлинейка была далеко не у всех. В ходу была и „Гра" и берданы и даже дробовики. Еще хуже обстояло дело с пулеметом. Их было очень мало, а там, где удавалось раздобыть пулемет, не всегда были пулеметчики. Тот же тов. Антропов рассказывает, как ему пришлось обслуживать пулемет системы „Кольта".

Антропов умел наводить и стрелять. Другой товарищ Нетунаев мог разобрать и собрать пулемет. Их двух назначили к пулемету. В качестве обслуживающего прибавили татарина Камиллина. Эта тройка и была первым пулеметчиком отряда. Один без другого не ходили, не обедали, если голодовать приходилось, то тоже всем вместе. В бою двое устанавливали, наводили и стреляли, а третий подавал. Так и звались в отряде „наша пулеметная тройка". Был у отряда этой полосы и свой бронепоезд. Этим громким именем назывался состав из четырех товарных вагонов и пяти площадок. На „бронепоезде" помещалась одна трехдюймовая пушка без

прицела и передков. Брони на самом деле никакой не было. На площадках были мешки с песком, а в вагонах земляная прокладка между двойными стенками.

Прощальный привет Колчедану

— Муторно, это, товарищи, от своих-то мест отступать.

— Еще что скажешь? За сердце берет, как подумаешь, а он: „Муторно отступать“. Не знают без тебя?

Красноармеец, начавший разговор, вздохнул, помолчал минуту, неторопливо свернул цыгарку, прикурил у ворчливого соседа и тем же тоном продолжал.

— Что теперь у нас в Катайске делается?

— Заладил. Известно что: на церквах колокола брякают, а по улицам людей убивают. Тут думать нечего. Как на ладошке, видно.

— Кто у них за того попа будет, который звон ночью-то поднял? Которого расстреляли тогда....

— Тебе не все равно, какой водолаз объявится? Осталось их довольно. Из других местностей поналезут. Пожива ведь. Поди, молебны служат день и ночь кулаки-то, которые в живых остались.

— Это ты, Евстигней, зря говоришь. На богомольство они, слова нет, люты, только... ярманку, либо торжок никогда из-за обедни не пропустят. Понимают, когда им молиться. Теперь не до этого. От всех печеней стараются: бедноту, которая осталась, бьют, да армию свою ублаготворяют.

— А вы, слыхали, товарищи, как они к встрече чужими руками готовятся? — спросил рыжеватый парень в шинели „на двоих таких“. Не дожидаясь ответа на свой вопрос, парень стал рассказывать.

— В Верхнем Яру это было. Мне из Григорьевского отряду рассказывал один товарищ. Забыл фамилию. Около пулемету он у них.

— Антропов?

— Он и есть. Высокий такой, сухощавый. Так вот, в разведку их Григорьев послал в Вехний Яр. Человек пять.

Пришли и видят — по улице старичонка на лошади едет, лошаденка худая, у самого зипунишко от дедушки, видно, в наследство достался. По всему видать — бедняк. Ходит по подокошкам, говорит там что-то, ему и выносят, кто хлеба кто огурцов, яиц тоже... Подошли, спрашивают.

— Попу, дед, собираешь?

— Нет, говорит, на армию. В Долматовом, слышь, добрая армия объявилась, так мне и велели по деревне объехать.

— Кто велел?

— А Трофим Степаныч... Старостой у насране-то служил... много годов... Как он у нас всех богаче, шибко самостоятельный мужик, в том вон дому живет.

— Так ведь сброшенный он. Почему его слушаешь?

— Должок у меня ему. То и слушаю, а то с чего бы поехал. Сын-от у меня опять с красными ушел... Вот и разберись тут.

Завернули, конечно, разведчики лошадь и весь хлеб увезли к нашим. Старик теперь около Григорьевского отряда в обозе. А этого, который его послал, не могли найти. Спрятался, либо убежал куда.

— Вот и пойми, как кулаки действуют. Сами, небось, в сторонке, а заставляют которых без сознания, — закончил свой рассказ рыжеватый парень.

— Это как придется, — вмешался командир взвода Устюжанин.

— В Никитиной у нас как раз наоборот вышло. Там, знаешь, председатель совета Отеческих. Парень решительный. Вот ему понадобилось куда-то ехать с начальником дружины, а лошадей нет. По праздничному дню в поле выгнали. Отеческих и послал к попу, чтобы предоставил лошадь с работником. Поп говорит, что у него богомолье объявлено. Отеческих, конечно, попа туды-растуды. Какое, говорит, нам до этого дело. Подавай лошадь и вся. Смотрят, — сам поп под'ехал, во всем своем обмундировании, волосы распустил, на козлах сидит кучером и говорит, будто кто его за горло давит: „Пожалуйте, товарищи". Нашим ребятам смешно показалось, что поп в полной амуниции, однако сели. „Езжай,

говорит, батя, на Бурмину". Поп и повез, не говоря худого слова, а дорога мимо церкви. Подъезжают, а там богомольцев порядком собралось, сотни две либо три. Остановили... Поп им смирненько так: „Не приходится, православные... Рад бы душой, да вот товарищи велят ехать по государственному делу".

— Вот гад!

— А ты думал нет? Наши оружьем пригрозили. Не подействовало... Вытащили богомольцы их из коробка и давай мутузить. В каталажку посадили. Потом уж отряд их выручил, а поп тоже сбежал со всей семьей. Успел-таки, холера его задави.

— То и говорю,— хитры очень. Пустяками заниматься не станут,— богомольями-то разными. Это на другой раз оставят, а сами, небось, наших захваченных мучат, да добровольцев выискивают в свою-то армию. Самим неохота идти, вот и подводят, чтобы другие шли.

— Чокнуть бы их сейчас. С броневика бы,— мечтательно сказал красноармеец, начавший разговор.

— Чокнуть и собираются,— отозвался Устюжанин и пояснил:— Говорил давеча Александр Иваныч, что с Подпориным об этом разговор был.

— Чем сидеть-то тут под заводом. Рабочих вон сколько записалось. Можно и наступление сделать, пока те в силу не вошли. Своих бы высвободили, которые захвачены...

В это время со стороны Каменска показались двое верховых на рысях.

— Кобяков будто,— сказал один из красноуфимцев,— с ординарцем.

— Торопятся что-то. Видно, важное дело,— насторожилась рота.

— На Колчедан пойдем, товарищи,— крикнул Кобяков и, обратившись к Устюжанину добавил: — Приготовь роту. — Сам он поспешно ушел в здание станции.

На путях вскоре зашевелились, и через полчаса самодельный блиндированный поезд был готов. Быстро разместилась по вагонам рота. Шли медленно, посылая разведки

по деревням вблизи железнодорожной линии. Когда вышли на линию села Колчедан, из леса выбежал человек в шинели и закричал издали:

— Белые там. Едва утек.

В выбежавшем из лесу узнали своего отставшего красноармейца и стали расспрашивать. Толком объяснить о числе белогвардейцев он не смог, и командир роты резко сказал:

— Какой ты советской власти защитник, ежели глаза на сторону, уши за спину и дерешь по-заячьи, не видишь, не слышишь.

— Не одному же мне против их выходить,— оправдывался красноармеец, но Кобяков оборвал.

— Осмелел, как к своим-то выскочил. Заразговаривал! Брякнуть вот в лоб, чтоб другим не повадно было.

— Дядиньки, тамо стреляют, дядиньки, тамо стреляют!

Это кричала девочка лет 7, которая бежала по дороге к станции. Из расспросов узнали, что это Шура Рогачевских. Она убежала из дому, когда отца и мать увели занявшие Колчедан белые. Белых, по ее словам, много: „Всю улицу запрудили, с ружьями все... и одно ружье на колесках возят.“

— Вон, видишь, даром, что малолеток, больше твоего увидела, —еще раз укорил красноармейца Кобяков.

— Наступать будем,— решил он и, приказав роте расположиться вдоль железнодорожной линии, поехал сам с разведкой к селу Колчедан. Команду передал Устюжаничу.

Только что уехал Кобяков, Устюжанину передают с правого фланга: „Около железнодорожного моста появились люди, не подчиняются нашим сигналам“. Устюжанин побежал узнать. Видит — вдали несколько человек с винтовками, кричит:

— Кто вы?

— Колчеданские коммунисты, — кричат оттуда.

— Что мало? Собирайте остальных и в первый взвод,— крикнул Устюжанин и пошел обратно. Навстречу бежит председатель волостной партийной организации Тагильцев.

— Растерял своих-то, — укорил его Устюжанин. — Как тараканы, расползлись в разные стороны. Нет того, чтобы

кучкой отступить. Иди вон туда. Там — твои-то. Остальных подождите, а то под нашу пулю могут попасть. Ведь не знаем их.

Тагильцев побежал в указанном направлении, но скоро прибежал обратно, раненый в руку.

— Белые там вовсе. Мост заняли.

Началась стрельба. Командир роты Кобяков, услышав вы-

Четвертый командир полка Красных орлов Кобяков Александр Иванович.

стрелы, вернулся из разведки и помчался к месту боя с криком „ура“. Красноармейцы едва успели задержать лошадь и стащить с седла своего горячего командира. Перестрелка продолжалась около часа, и белые отступили, потеряв офицера и двух солдат. После занятия железнодорожного моста, был занят и Колчедан, но автомашины белых успели уйти.

— Проворснили, куричье племя, — ругался Кобяков — Пошли бы на ура-то — наши бы были машины:

— Расстреляли бы тебя только и всего, — возражали красноармейцы.

— Хоть бы и расстреляли. Не в этом сила. Машины бы, говорю, наши были, а это теперь дорого стоит. Заскочили бы к белякам подальше, сколько бедноты выручить можно. За пяток-десяток убитых советская власть сотни бы бойцов получила. Да и не всякая пуля убивает.

В Колчедане продержались три дня, высылая конные разведки по деревням в направлении к Катайску. Сообщения получали одинаковые: „Неприятель скопляется большими группами“. Одна из разведок наткнулась на засаду и потеряла двух убитыми, в том числе председателя шутинского волостного совета. На четвертый день противник повел наступление большими силами по железнодорожной линии и по тракту. Наступал второй степной полк и отряд шадринских добровольцев под командой капитана Кнутарева.

Начальник блиндированного поезда, опасаясь взрыва моста в тылу, передвинул поезд от станции, и одна из застав под деревней Камышевкой осталась отрезанной.

Застава, однако, не растерялась и бросилась в атаку на цепь белых. Этот неожиданный удар четырнадцати решительных людей привел в замешательство белых, которые с пулеметом отступили в направлении своих главных сил.

Роте, конечно, невозможно было сдержать натиск полка противника, и она, получив приказ о соединении с первой ротой в селе Травяном, стала готовиться к отходу, стянувшись к блиндированному поезду. Не было лишь командира роты Кобякова.

— Где он?

Помощник командира, зная его пылкий характер, побежал под пулями к Колчедану, где недавно видели Кобякова.

Кобяков действительно оказался там. Стоял на открытом пригорке и по-своему прощался с белогвардейцами.

— Стреляй, свора! Возвратимся мы, возвратимся! Нас не убьешь. Из одного десяток вырастет. А вас мы возьмем к ногтю, сволочей. Помните это!

Таков был командир второй роты Александр Иванович Кобяков, крестьянин-середняк Троицко-Катайского села, унтерофицер старой царской армии.

Ни стратегом, ни тактиком тов. Кобяков не был, но его исключительная храбрость и преданность делу революции, его острая ненависть к классовому врагу, решительность в действиях вскоре выдвинули его в старший командный состав полка.

После боев под селом Покровским в сентябре 1918 года он — уже командир батальона, в ноябре, после боев под Кушвой — помощник командира полка, а с 18 июля 1919 года — командир полка (приказ по дивизии № 198).

С Кобяковым полк ходил в Сибирь, с ним отправился и на юг.

Ранения не раз выводили тов. Кобякова из строя, но он опять возвращался в полк.

Смерть от молниеносной холеры, вырвавшая из всего полка только этого, правда, изрешеченного пулями, но все еще железного бойца, казалась невероятной. Среди красноармейцев даже создалась версия об отраве (воспоминания тов. Ковригина, Черноскутова и Сенокосова).

На пути к Александровску в деревне Мокрой 10 июля 1920 года похоронен тов. Кобяков.

В Каменском заводе

„Среди населения Каменского завода идут сильные волнения ввиду расклеенных большевиками плакатов за подписью председателя совета рабочих депутатов Каменского завода Я. П. Прокопьева. В приказах ясно говорится: „Долой Времен-

ное правительство, отдать власть в руки совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов".

„Не имея инструкции, как в данном случае поступить и не желая быть подвергнутым за бездействие под суд, прошу вашего по данному вопросу распоряжения".

Такой любопытный документ начала ноября 1917 года сохранился в бумагах губернского комиссара Временного правительства.

Растерянный начальник милиции Каменского участка, просил у своего начальства специальных инструкций... на случай Октябрьской революции.

Этот документ достаточно ясно показывает, как и когда рабочие Каменского завода поставили вопрос о власти.

Они сделали это одними из первых. Подготовка к этому по существу дела произошла еще с начала корниловского восстания, поэтому вывод оказался столь решительным и быстрым, что начальник милиции даже не предполагает ничего подобного.

Что ответило растерявшемуся начальнику его начальство, — неизвестно, а каменские раобчие арестовали его в первую очередь.

Ведущая роль заводского центра в Камышловском уезде и в частности в его западной части была вполне понятна.

По сути дела это был наиболее крупный в уезде рабочий центр, из которого шло и революционизирование деревни.

Один из старейших металлургических заводов Урала Каменск имеет свою революционную историю, которая уходит в глубокую даль, когда еще завод был „железинским подворьем Долматовского монастыря". Тогда еще каменские „работные люди" принимали деятельное участие в восстании, известном под именем „дубинщины". Дальше — участие в Пугачовском движении и в „картофельном бунте" XIX столетия. Участие каменских рабочих, под руководством РСДРП(б), в революционном движении 1905 года имеет свою историю:

Историческая особенность Каменского завода, который когда-то находился в монастырской кабале, сказалась в известной мере даже во время Октябрьской революции.

Поповщина, опираясь на имевшийся в заводе монастырь, пыталась организовать открытое выступление против советов.

Поводом служило требование возвратить из создепа отобранные у церквей метрические книги. Но эта попытка встретила такой отпор со стороны вооруженных рабочих, что больше попам уже не приходилось думать об открытом выступлении. В ответ на избиение толпой работника совдепа Давыдова отрядом рабочих был открыт огонь по колокольне, на которой производился набатный звон. Организатор избиения поп Карелин был немедленно изъят и расстрелян. Были расстреляны вскоре и несколько других попов, принимавших участие в контрреволюционном выступлении.

Другой особенностью Каменского завода была его принадлежность казне и работа на оборону. Всилу этого технически-чиновная группа на заводе была довольно значительна, и она пыталась сначала организовать здесь совместную работу большевиков с с.-д. интернационалистами в таком составе, где группа интернационалистов количественно была больше. Но рабочие завода, при помощи старой большевички Долговой, сейчас же разобрались, чем это грозит, и твердо стали на позицию большевиков, связавшись с Екатеринбургом. Туда стали платить взносы, туда же ездили на конференции и за инструктажем.

Эсеровская группа в условиях заводского населения, не имела большой силы даже в полосу наибольшего подъема эсеровского движения. Кадеты во главе с Нечаевым и Соколовским, а также меньшевики во главе с Коровиным, пытались сначала также развернуть широкую работу, но не нашли нужных им кадров. Совместные их усилия направлялись к тому, чтобы всячески запугать несознательных рабочих расслоением деревни и развертыванием классовой борьбы, которые, дескать, только повредят государственному хозяйству.

Кадетский лидер Соколовский в первую полосу революции - до Октября - чуть не каждое свое выступление на общегражданских собраниях начинал неизбежной цитатой из басни Крылова: „Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет“.

Вот и надо, чтобы не было таких разношерстных товарищей. Если ты идешь с купцами, так с ними и иди, а нам, рабочим, надо особо идти. Вот тогда и не потянем врозь, — кричали ему из рабочих рядов.

К Октябрю в Каменске уже был крепкий партийный коллектив и вооруженные отряды рабочих. Этот коллектив вел работу и в ближайших деревнях, связавшись с деревенской беднотой. Здесь легко использовывались и те связи, которые крестьянство этого района имело с заводским предприятием. Многие из деревень работали в заводе, лично знали многих рабочих.

В случае каких-нибудь осложнений или прямых выступлений деревенского кулачества, беднота обращалась за поддержкой в Каменск и оттуда, как правило, направлялся вооруженный отряд, который и разбирал дело, укрепляя советскую власть в волостях.

С начала дутовского восстания каменские рабочие направили одни из первых свой отряд на фронт. Вскоре после этого для них открылись многочисленные фронты кулацких восстаний гораздо ближе. Чувствовался недостаток вооружения и бывали случаи, как в Зырянке, что отряд оказывался в этом отношении в очень тяжелом положении. Всилу этого каменцы ближе сомкнулись со своим уездным центром — Камышловом и в тех случаях, когда ожидалось сильное сопротивление, выступали совместно.

Таковая была, например, поездка каменцов и деповских рабочих Камышлова на фронт кулацкого восстания за пределами уезда в Багарякском районе. Тогда этот отряд вынужден был вести настоящий бой с пулеметной стрельбой в деревне Тулята, где местные кулаки обезоружили и арестовали бедноту. После перестрелки отряд пошел в атаку и выбил из деревни казаков, приехавших на поддержку местному кулачью.

Когда в Каменск прибыл формирующийся полк Подпорина, который тогда назывался Крестьянским коммунистическим, рабочие Каменского завода со своей стороны полностью включились в дело организации этого полка.

К четырем ротам, имевшимся тогда в Каменске, присо-

единилось еще четыре. Кроме того здесь была проведена мобилизация пяти возрастов, которые были направлены сразу на учебу в глубокий тыл. Все это могло происходить лишь потому, что к организованным уже крестьянским отрядам в заводе присоединились организованные рабочие дружины и твердо повели линию на расширение и укрепление Крестьянского полка.

Вначале предполагалось в Каменске сделать длительную остановку и организовать сопротивление главным образом по направлению на Шадринск. Но сдача Екатеринбурга и угроза захвата узловой станции Богданович поставила командный состав перед необходимостью ускорить эвакуацию Каменска.

На Богдановиче

Военный комиссар Катайской волости, он же этапный комендант, назначен комендантом станции Синарская—Богданович и фронт. Пробует отказываться: „Не умею я по железнодорожному делу“. Это не действует. „Должен эвакуировать все оборудование Каменского завода. Вот тебе сказ“.

С 22 до 28 июля у тов. Истомина К. С.—страда.

Партийная организация Каменска, разумеется, ему помогает, бросив на этот участок все лучшие силы. Разборка машин, станков и оборудования, а также погрузка в вагоны производится под руководством товарища Цикарева М. А. Военный комиссар Каменской волости в это время проводит мобилизацию трех молодых возрастов. Партийная организация призывает коммунистов и сочувствующих из рабочих завода в ряды войск.

Всю эту массу груза и людей надо как-то увезти в направлении на Егоршино. Туда же надо протолкнуть составы, оставшиеся на путях от Екатеринбурга и от Камышлова. Тут же еще путаются всевозможные подозрительные типы, которые пробираются в этот участок.

22-го был захвачен известный катайский купец, кадет Дураков. Утром на следующий день поймали двух чехов.

Спать не приходится. Некогда, да и нельзя спать по другой причине. Вон Мальцев, помощник коменданта, заснул у телеграфного аппарата и получил сонный пулю в висок.

Как бы то ни было и Синарская, и Богданович были очищены полностью. В ночь на 29 июля уходит последний блиндированный поезд, эвакуируется околоток, и в 4 часа с отрядом Григорьева уходит с Богдановича последний советский состав.

Волвоенком тов. Истомин выполнил свою задачу полностью.

Егоршинская точка

В Перми со сдачей эвакуированных из Камышлова ценностей пришлось задержаться.

Даже не такое, казалось, простое дело, как передача изъятых банковских бумаг миллионов на восемь, двух — трех сотен золотой валюты и нескольких ящиков с серебряной и медной монетой, потребовалось два дня.

Тогдашний комиссар финансов Урала тов. Сыромолотов настаивал на исключительной тщательности и соблюдении всех формальностей.

-- Чтоб никакого повода для разговоров.

Приученные долгими годами работы к „строгому обращению с копеечкой“, счетчики контрольной палаты (она тогда еще существовала) пересчитывали медяки, полуистертые марки, переписывали номера и серии всех этих облигаций и займов, которые в простоте уездного понимания чуть не были уничтожены на месте, в Камышлове.

Только через два дня выдали, наконец, тов. Голомилзину И. Т. разбухший на несколько листов акт с полным перечнем и общим выводом о том, что сдача точно совпадает с документами казначейства и отделением Русско-Азиатского, Волжско-Камского и Городского общественного банка.

Восточный фронт в пермских газетах рисовался преувеличенно. Сообщалось о действиях целых армий с нашей стороны. Председатель камышловского исполкома тов. Васильев,

руководивший действиями отрядов, в одной из газет назывался „командующим армиями Восточного фронта".

Преувеличение понятно. На деле, как нам было известно, положение было совсем не такое.

Когда добрались до Алапаевска, там предупредили:

— Держись, ребята, начеку. Каждую минуту под обстрел справа и слева попасть можно.

Руководящий состав Егоршинской группы. Первый ряд: Лещев Д. И. Федоров А. Е., Куткин Г. Е Второй ряд: Василевский Л. В., Окулов С. Т Васильев М. В., Акулов Ф. Е.

Ехали в теплушках с земляными насыпями. Около станции Самоцвет были уж наши части (Липкинского отряда).

Уверенный и спокойный, как всегда, недавний председатель уездного исполкома, а теперь командующий еще не оформившейся частью не то дивизии, не то бригады М. В. Васильев, с коротким смешком объяснял:

— В эту сторону — до Боярки (нынешняя станция Талый ключ), в эту — до Антрацита, сюда — до Режа, а там с уверенностью только до Самоцвета. Круг, между прочим. С радиусом... Честь, честью... хоть вычерчивай... А все-таки их держим. Да вот, гляди, попрем еще.

В центре круга — станция Егоршино. Народу не так-то много. Состав из шести классных вагонов, где размещаются и штаб и снабжение, стоит сегодня у водокачки. Как оказалось потом, место стоянки довольно часто меняется. Зависит это от направления белогвардейских снарядов.

Если близко начнут ложиться, состав перегоняется в противоположный конец — к пакгаузу. Начнут пристреливаться туда — опять к водокачке. Иногда остановка делается и против станционных зданий.

Надо сказать, что стрельба все-таки редка (чаще по утрам), и в большинстве никудышная. За все время егоршинского сидения убиты были вблизи штаба лишь несколько лошадей, контужен ординарец, да раз снаряд воткнулся под стенку вокзального здания, как раз против окна комнаты, где производилось распределение газет для фронта.

По этому поводу красноармейцы шутили:

— Вишь, соскучилась по газетам. Посыльного направили. Давай побольше чешских-то. Переправим как-нибудь. Пусть не беспокоятся.

Переправа наших газет при колеблющейся линии фронта между четырьмя основными пунктами проводилась довольно широко. Наши, отступая к какой-нибудь позиции, обычно оставляли пачки газет, в том числе на чешском, латышском и мадьярском языках. И не было случая, чтобы эти газеты находили даже тогда, когда позиция занималась вновь через самый короткий срок.

На Боярском направлении пришлось видеть, как из внутренних карманов телогреек убитых вынули — у одного „Правду“, у другого латышскую газету „Борьба“... По внешнему виду оба убитые были типичные русские. Тот, что умер с „Борьбой,“ по документам значился крестьянином Тюменского уезда. Хранить газету для курева как будто не было смысла, так как у него в кармане оказался полуозесный кисет с табаком и пачка курительной бумаги. Красноармейцы даже позавидовали.

— Удобство это с табачком-то воевать! И бумажка с запасцем.

Случай этот, кстати сказать, послужил толчком к организации своей газеты.

— Надо, между прочим, организовать. Езжай в Алапаевск... Там у нас, между прочим, типография Шаравьевой загнана. Так вот нельзя ли, между прочим, наладить газету... Чтобы, знаешь, близкие места были и тут же общая информация, — оживленно говорил командир дивизии, пересыпая речь своим любимым „между прочим“.

Мысль оказалась встречной. Заведующий политотделом дивизии Мумин В. М. в двух американских грузовых вагонах уже разместил типографию, разыскал человек шесть типографских рабочих и добыл целый вагон бумаги.

На предложение ответил обрадованно:

— Вот и хорошо. Приблизим поближе к огню и начнем выпускать. Связь установим. Тут же при редакции будет информационный отдел дивизии.

Так рождалась „Окопная правда“, которая стала органом 29-й дивизии.

Выпускать первые номера в Егоршине все-таки не решились. Уж очень ненадежной стала алапаевская рельсовая нитка.

Но Егоршинская точка продолжала держаться, сдерживая бешеный натиск офицерских рот со стороны Ирбита, заграждая путь со стороны Екатеринбурга и даже развивая наступательные действия в сторону Богдановича.

Окончательно оформилась 1-я бригада, когда на Егоршино вышел отряд тов. Жукова, пришли отряды из Томакула.

Последние были влиты в 4-й уральский полк, а отряд Жукова был сформирован, как 3-й батальон Крестьянского коммунистического полка, с назначением Жукова командиром этого батальона.

Командный состав полка определился в таком виде:

Командир полка **Акулов, Ф. Е.**; его помощник — **Окулов, С. Т.** адъютант — **Дудин, Л. А.**; командир I батальона — **Осколков;** II батальона — **Ослоповский, И. А.** III батальона — **Жуков, В. Д.**; командир 1-й роты — **Григорьев, Ф. В.**; 2-й роты — **Кобякова, А. И.**; 3-й роты — **Ватагин, В. К.**; 4-й роты — **Маслаков;** 5-й роты **Полуяхтов, А. А.**; 6-й роты — **Сенокосов, Н. И.**; 7-й роты — **Басов;** 8-й роты — **Прокин** 9-й роты — **Маркелов.**; казначей полка — **Лещев, Д И.**; заведующий оружием — **Куткин, Т. Е.**; квартирмейстер — **Зуев Иван**; командир нестроевой роты — **Дубовин Ф.**

Бригаду от Подпорина, уехавшего на южный фронт, принял бывший председатель камышловского уездисполкома тов. Васильев М. В.

В бригаду входили тогда: Крестьянский коммунистический полк: IV уральский полк; 1 камышловский полк; 1 горный полк.

Сюда же входил отдельный кавалерийский дивизион под командой товарища Карякина и кавалерийские отряды, сформировавшиеся в районе Кочневской волости.

В распоряжении бригады была одна артиллерийская батарея.

Кроме того имелся один бронепоезд, выведенный с тюменского направления, и самодельный блиндированный поезд, приведенный с шадринского направления.

Крепкая почва

В районе станции Егоршино держались больше чем полутора месяца (с начала августа по 25 сентября), несмотря на усиленное наседание с трех сторон.

— Почва тут у нас к Богдановичу крепкая, — шутил тов. Васильев.

— Это тебе не рамыльские пухлые пашни. Стоять тут твердо, хоть и пахано. Только вот мокренько маленько.

В этой шутке была правильная оценка плацдарма между Егоршино и Богдановичем с классовой стороны. Здесь как раз приходился кусок наиболее обездоленных в земельном отношении волостей Камышловского уезда. Тут среди болот и лесов не легко было добывать хлеб на каменистых и беликовых пригорках. Большинство не только бедняков, но и середняков было связано с каким-нибудь производством. Работали на приисках, добывали уголь, белую глину, работали на постройке цементного завода, на писчебумажной фабрике.

Словом, было больше связи с рабочими и меньше зависимости от деревенского кулака, чем в других волостях.

Группа красноармейцев полка. Среди них помвоенкома Цеховский, А. И (в бурке), рядом с ним сестра Быстрова, М. И., в третьем ряду (×) бывш. председатель камышловской партийной организации Федоров, А .Е

Для характеристики крестьянской бедноты этой волости можно указать хотя бы на то, что такие, например, праздники, как 1 Мая, проводились совместно с рабочими.

Егоршинские железнодорожники приезжали в эти деревни. А из Ирбитских Вершин в свою очередь манифестация ходила на копи „Клара и Лара".

Отсюда довольно много поступило добровольцев в полк Красных орлов.

Чехам и белогвардейцам в районе станции Егоршино приходилось действовать в лучшем случае в нейтральной среде, а это сильно облегчало положение наших частей, гарантируя их от всякого рода вредительства или шпионажа.

Пользуясь этим, наши части, заняв ст. Антрацит (нынешний Алтынай), Ирбитские Вершины и деревню Елкино, начали развертывать наступление на Сухой лог и Знаменку.

Противник бросал сюда отборные части, но все усилия кончались полным провалом. Сколько военных хитростей ни применяли, пытаясь взять врасплох, оглушить неожиданным ударом, ничего не выходило.

На рассвете, в густых еще не сжатых хлебах, какое-то необычное колыхание, а наш наблюдатель уже сообщает: „Наступают. По хлебу прямо ползут".

— Выдержка, товарищи, выдержка. Без команды не стрелять,— говорит командир роты.— Пусть подползут поближе, тогда уж не зевать.

И когда цепи противника совсем близко, с опушки леса, где залегала рота,— дружный ружейный и пулеметный огонь. Наступающие поспешно отходят, теряя почти половину своего состава. Захвачены пленные.

— Не понравилось,— говорят красноармейцы, а комроты предлагает переменить позицию. Недоумевают,— зачем это.

— А вот увидишь,— загадочно отвечает командир и отводит роту шагов на 300 в глубь леса.

Белые не заставили себя долго ждать. В ту же ночь повели наступление под прикрытием бронепоезда, который сосредоточил ураганный огонь на том участке, где была раньше наша рота.

— Пусть позабавится, если у него снаряды лишние, — с торжеством говорит командир роты.

Лес обратили в щепу, а продвинуться дальше не смогли.

Другой раз белые пытались подобраться ночью по лесной поскотине. Чтобы отвлечь внимание, подходили с боталами, с какими обычно отпускают лошадей в ночную пастьбу.

Чуткий слух красноармейца-крестьянина уловил в этом привычном для него звуке позванивания какую-то особенность. Вовремя насторожились, и опять белые понесли не малый урон. Зато с нашей стороны даже „кухня воевала".

На рассвете как-то, когда еще глаз плохо различает предметы, повара по оплошке отпустили лошадей и походную кухню. Лошади, испугавшись какого-то неожиданного выстрела, бросились от позиций через поскотину прямо к тому месту, где была неприятельская застава с пулеметом.

Командир полка Окулов кричит:

— Гони, ребята, поворачивай лошадей обратно, а то без каши останетесь.

Желающих, однако, нет. Все знают, что место находится под обстрелом противника.

Видя колебание, командир сам садится на лошадь и бросает на ходу:

— Разведчики, тоже! Таким разведчикам только знаешь где разведывать? — И поясняет так, что остальные красноармейцы хохочут. Когда командир поскакал за кухней, вслед за ним бросилась сконфуженная команда разведчиков. Доскакала вплоть до того места, где была застава белых и поворотила лошадей.

Оказалась, что застава, приняв, очевидно, кухню за батарею, без выстрела бросила свои позиции и утекла.

„Шанго контрами"

Из лесу, со стороны Ирбитских Вершин показались два человека. Какой-то своей особенностью они сразу привлекли внимание всего взвода, расположившегося по линии, пересекавшей дорогу на Рудянку. Рота была в резерве, скучала,

прислушиваясь к редкой перестрелке. Появление неизвестных людей было развлечением, и сейчас же начался разговор.

— Кто это? Видать, не мужики... Ишь гоголем идут, ровно скользят...

— Да, легко идут... Не по-крестьянски...

— И не по-солдатски тоже...

— Сроду не угадаешь, по-каковски они ходят, — откликнулся один из ирбитсковершинских красноармейцев, — хоть год думай, ничего не выйдет. А я знаю...

— Ну, хлопай, если ты такой грамотный...

— Мне хлопать нечего, когда я с ними на копях вместе робил. Китайцы это.

— Китайцы... Зачем они сюда прутся?

— Вот подойдут, так спросишь. Они мало-мало по-нашему маракуют. Обрусели уж. Одного-то зовут Вася Милюков, а другого Миша Гучков. Для смеху им эти фамилии дали.

— Нашли над чем смеяться,— укоризненно заметил командир взвода. — Может, они хорошие рабочие, а им самые буржуйские клички дали.

— Рабочие как рабочие — ничего, а только китайцы они...

— Ну, и что?

— Не нашей нации...

— Вот и поговори с дураком,— возмутился командир взвода. — За мировую революцию воевать пошел, а сам этакое говорит...

— Да я ведь ничего худого про них, — оправдывался сконфуженный красноармеец.

— Как это не говорил, коли ты свою нацию сверху поставил. Какой ты после этого коммунар? Если бы мы все так думали, то знаешь куда бы мы ушли.

Пока продолжалась эта своеобразная политбеседа о великодержавном шовинизме, китайцы подошли.

Вблизи это оказались рослые худощавые, длинноногие, и длиннорукие люди. Оба приветливо улыбались, у обоих за плечами было по небольшому узелку.

— Куда направились?— спросил командир взвода и сейчас же предупредил. — Дальше нельзя. Не пустим, стрелять будем.

— Кыласыная армия,— ответил один из китайцев на своем ломаном языке.

— К нам что ли? В Красную армию? — удивился командир взвода.

— Та-та-та — быстро ответил китаец, и оба усердно закачали головами, показывая в улыбке желтые от табаку зубы.

— Не знаю ребята, как вам сказать,— смущенно ответил командир.

— Других учишь, а сам не знаешь,— укорил командира красноармеец, который только что получил дурака за шовинизм. — Говорю же тебе, — рабочие. О чем думать. Принимай да и все.

Комсостав китайского батальона.

— Не про то я. А что они знают.

— Спроси.

— Ружье умеешь? Стрелять ружье умеешь?— начал коверкать язык командир взвода, думая, что так понятнее.

Китайцы опять закивали головами и оба показали, как стреляют с колена.

— Видать, бывало дело,— заключил один из красноармейцев. Воевал, ходя.

— Ходя, ни... тьфу, ходя,— сплюнул опрошенный, потом с силой ударил себя в грудь — Китайса... рабоча...

— Не любят, как их ходями зовут. Вроде ругани считают, — пояснил ирбитсковершинский.

Из дальнейших разговоров на таком языке, где больше объяснялись жестами, узнали, что оба воевали в Китае, бежали оттуда, три года работают в угольных копях „Клара и Лара". Один женат, имеет детей. Оставил семью, пришел бить буржуев. Не поняли только о машинке „шанго контрами", несмотря на самую усиленную жестикуляцию китайцев, несмотря даже на то, что они ложились и приседали.

— Не понимаю,— категорически объявил командир взвода.—Вот тов. Сенокосову потом объясните. Он у нас командир роты. Берет из всяких языков людей, лишь бы подходили, классу чтобы пролетарского.

Последние слова оказались хорошо известны пришедшим, и они оба повторили, указывая на себя:

— Пролеталя!

— Ну, вот и договорились. Пролеталя, так значит, дадим винтовку, и будем буржуев бить.

Вечером комроты Сенокосов долго расспрашивал китайцев и наконец, понял, что „машинка шанго контрами" означает пулемет.

— Пулеметом умеете? Вот и ладно,— закончил комроты. Только к этой машинке сразу не ставим. Посмотрим сперва.

С этой поры в 6-й роте полка Красных орлов стали бойцами первые два китайца — рабочих. Держались они плотной парой и в первых же боях показали себя стойкими и храбрыми людьми. Порой на них даже кричали: „Ложись, зря

убьют". А китайцы, пристроив винтовку на сук дерева у опушки, с неизменной улыбкой отвечали: „Шанго".

Пулеметчик роты выбыл из строя, Сенокосов уж без колебания передал „машинку шанго контрами" китайцам. В выдержке и хладнокровии этих бойцов к тому времени он уже убедился, и не ошибся в выборе.

Китаец Вася, как его звали в роте, оказался не только стойким и храбрым, но и умелым пулеметчиком. Он, как выяснилось из расспросов, учился в Мукденской военной школе и хорошо разбирался во всех системах пулеметов.

В 6-й роте он работал на „кольте".

В боях под Ирбитскими Вершинами роте пришлось отступать по открытому месту. Наступление противника сдерживал пулемет, и вот он замолк.

— Кончал Вася,— заключали в роте:— Погиб.

Через несколько минут пулемет опять зататакал.

Китайский батальон и комсостав полка Красных орлов.

— Жив еще,— прислушивались красноармейцы.

Опять смолк, и опять очередь. Как будто поближе уже слышно.

— Вытаскивают, видно. Ну, только не уйти. Пропали головы и пулемет с ними.

В это время из-за кустов на середине широкой поляны показалось что-то, вроде большой черепахи.

— Смотри, товарищи, что делают,— закричал кто-то из дальнозорких. Вытащили ведь пулемет. Молодцы! Ура!

— Подожди еще. Поддержать надо,— сказал командир и распорядился открыть огонь по наступающим цепям противника.

Задержалась и черепаха, выпуская очередь. Потом опять поползла к своим.

Теперь уже всем было видно, что пулемет был на спине одного из пулеметчиков, который пятился на карачках, другой тоже пятился перед ним. По временам они останавливались и посылали очередь.

Таковы были два первых бойца-китайца в полку Красных орлов. Дальше по пути отступления число китайцев-рабочих в войсках значительно увеличилось. Из них сначала была сформирована отдельная рота, а потом китайский батальон.

Не все из них так хорошо и сразу умели владеть оружием, но никто не мог пожаловаться на недостаток стойкости и беззаветного мужества китайских частей.

Недаром колчаковские газеты распускали о них столько злобной клеветы.

Тревожные дни

Разговоры о том, что во второй бригаде Чернобородова под Режевским заводом положение ненадежное, велись давно.

Брошенная туда рота из добровольцев Квашнинской и Кочневской волостей, Камышловского уезда, не раз сообщала: „Шибко плохо с мобилизованными. Рассупонились совсем. Того и гляди с фронта побегут“.

Командированный туда, как политработник, тов. Сысков

рисовал не менее мрачную картину. По его словам выходило, что из всей бригады надежными были рота петроградских рабочих, кочневско-квашнинская рота добровольцев, китайская рота и алапаевский батальон, составленный из рабочих Алапаевского завода. Но батальон был численно незначителен.

Основной боевой единицей Режевского участка был Волынский полк. Этот хорошо известный в истории революции полк, имевший потом не мало славных боевых страниц и в истории борьбы за Урал, был тогда только что укомплектован мобилизацией по Покровской и Режевской волостям. Мобилизация проводилась, как видно, без достаточно классовой бдительности, и в полк проникло не мало кулацкого элемента.

Кадровики Волынского полка оказались буквально в полном окружении мобилизованных и не смогли быстро обработать эту крестьянскую массу, находившуюся частично под влиянием пришедших в полк кулаков. Между тем кулаки, действуя в своих волостях, имели постоянную поддержку со стороны кулацкого элемента этих волостей. Начались разговоры „родных и знакомых".

— Хлебушко-то осыпается, а вы по окопам сидеть будете!

— За что хоть воюют-то? Кому надо? Не надоело видно?

— Чем зимой жить-то будем?

Под влиянием этой кулацкой агитации извне и внутри полка мобилизованные стали быстро разлагаться. Этому, безусловно, содействовало и то, что как раз здесь на територии Покровской и Режевской волостей, были расположены несколько наиболее зажиточных сел б. Ирбитского уезда. Кулак там имел гораздо больше влияния на середняцкие слои деревни, чем в промысловых деревнях под Егоршиной.

В результате и получился прорыв. Большинство мобилизованных пошло за кулаками. Врасплох окружили верные советской власти части и разоружили их, а сопротивлявшихся убили. Только двум ротам Волынского полка, где кадровики имели определенное влияние, удалось выбраться целиком из кольца восставших мобилизованных. Остальные кадровики-волынцы выбирались уже поодиночке. Сумели также выйти кочневцы и квашнинцы.

Фронт на протяжении 18 километров был открыт, а сами мобилизованные были направлены белогвардейцами в наступление на Покровское и Егоршино.

Это был очень тяжелый удар, который по существу опрокидывал весь план нашего наступления и развертывания диверсионных действий по магистрали, соединявшей чехов с Сибирью.

Необходимо было принять срочные меры по ликвидации этого прорыва. Эти срочные меры и были выполнены двумя ротами Крестьянского полка под прикрытием бронепоезда. Но это было лишь временной задержкой, которая не могла предупредить полной перегруппировки линии фронта.

Борису Швельнису и Филиппу Акулову, в связи их резким выступлением против командования дивизии и особенно военкома, был сделан выговор. Но в то же время было отмечено, что только благодаря их распорядительности, мужеству и беззаветной храбрости удалось своевременно ликвидировать прорыв на 18 километрах и вывести более или менее благополучно части к Алапаевску.

Синячиха — Алапаевск

9 сентября 7-й ротой Крестьянского полка под командой тов. Басова начато было наступление в сторону Ирбита, в обход противника под Ирбитским заводом. Наступление развивалось очень успешно. С боями были заняты деревни: Костромина, Лебедкина, Антоновская. В последней захватили 60 шестидюймовых снарядов, 4 ящика ручных гранат, кольтовский пулемет, винтовки, патроны. Здесь же захватили не мало продовольствия, нужда в котором тогда уже очень остро ощущалась в наших частях.

На следующий день выдвинулись на рубеж деревни. Неустроево — села Осинцево, здесь задержались на двое суток.

После сдачи мобилизованных под Режевским заводом, 7-я рота была поставлена в крайне тяжелое положение. Пришлось с боем отступать обратно к ст. Егоршино. Оттуда 21 сен-

тября рота была направлена уже на защиту подступов к Алапаевску с северной стороны.

Для характеристики боевой обстановки того времени приводим рассказ пулеметчика 7 роты тов. Берсенева З.

— Вечером подошли к Нижней Синячихе и окопались с западной стороны, не зная, есть или нет в селе противник.

Стали выяснять на следующий день. Пошел командир роты тов. Басов и с ним двое красноармейцев — Серебренников и один из интернационального батальона (фамилия его неизвестна).

Вошли в село и направились для разведки в разные стороны.

Красноармеец Серебренников набрел на дремавшего часового-белогвардейца и почему-то не просто приколол его штыком, а схватился врукопашную. Одолел, но потерял кончик уха, который ему белогвардеец откусил.

Интернационалиста постигла неудача. Его окружили, подстрелили, а потом раненого изрубили на куски.

Командир роты, между тем, спокойно дошел до центра села, но здесь его тоже окружили белые.

Делая вид, что это его ничуть не удивило, товарищ Басов сказал:

— Я ротный командир Крестьянского полка. Пришел договориться о сдаче своей роты. Надоело воевать, да и видим все, что с вами не сладить.

Басова, разумеется, сейчас же обезоружили, но выдумку о сдаче роты приняли за правду и направили с ним человек сорок, чтобы принять роту.

Утро было еще раннее. Большинство красноармейцев спали. Только у пулемета, установленного в сторону Синячихи, дежурил первый номер. Заметив вдали какую-то толпу, он разбудил красноармейцев. Только положение выяснить все-таки не могли. Отчетливо стало видно, что идет человек сорок с винтовками, а впереди их командир роты тов. Басов.

Красноармейцы раздумывают вслух: „Кого это он подцепил? Наши, видно, в Синячихе“.

Когда толпа была уже шагах в пятидесяти, Басов вдруг бросается вперед прямо на пулемет и кричит:

— Пулемет, огонь! Открывай огонь!

Первый номер начинает работать, но неудачно. После четырех выстрелов задержка. Басов уже кричит вне себя.

— Пулемет, огонь! Рота, огонь! Убью сволочей пулеметчиков! Ну и матерился, конечно. Наша растерянность помогла белым убежать без большого урона, а через час они, зная расположение нашей части, повели наступление так, что пришлось отступать в лес по направлению к Алапаевску.

Когда уже были на новых позициях, пришли 8-я, 9-я роты и весь батальон был введен в бой.

С поддержкой двух трехдюймовок повели под проливным дождем наступление на Синячиху. Бой был сильный, и к вечеру выбили белых, загнали в реку около моста. Раненых и убитых со стороны белых было не мало, но и у нас потери были тяжелые. Командир роты тов. Басов, так удачно выведший 40 белогвардейцев, был тоже убит.

Задержаться в Синячихе, однако, не удалось. Переночевали и отступили к Алапаевску, так как тогда происходила перегруппировка частей, и уже два полка бригады были переброшены в Тагил.

Смерть Жукова

В боях под Алапаевским заводом осколком снаряда был ранен командир батальона тов. Жуков В. Д.

Бой продолжался уже около 7 часов. Весть о ранении Жукова быстро прошла по окопам, и это подействовало угнетающе:

У пулемета разговор:

— Ты бы, Агафонов, сходил — узнал, как там... Насмерть убило или только ранило?

Агафонов направляется в ту сторону, где был любимый батальоном командир. Возвращается довольно скоро.

— Хорошего мало. Перевязали его, только навряд ли выживет. Уж очень здорово стукнуло. Без памяти лежит.

И тут же утешает: „Не время горевать! Вон новый командир идет".

Вдоль линии, не сгибаясь под пулями, идет новый комбат Григорьев. Это подборяет стрелков и они говорят:

— Боевой парень. С этим тоже можно воевать.

И тут же снова говорят о Жукове.

Жуков Василий Данилович, слесарь Камышловского депо. С начала Февральской революции он работал не покладая рук: разоружал и „садил" царскую полицию, работал в совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С первых же дней революции стал членом РСДРП(б), был членом думской фракции РСДРП(б), некоторое время был военным комиссаром.

Основная же работа Жукова была по формированию красногвардейских отрядов. С этими отрядами потом он ездил по уезду, как и Подпорин, на подавление кулацких восстаний.

Последний его выезд из Камышлова был 12 июля на подавление восстаний в Белой Елани и на защиту мостов и сооружений от наступавших со стороны Тюмени чехов. Отряд имел в своем распоряжении четыре пулемета системы „Максима", один „Кольт" и один „Льюис."

В Белой Елани тогда орудовал генерал Киселев, разогнавший совет. Тов. Жуков со своим отрядом ликвидировал восстание кулаков в Белой Елани, но возвратиться в Камышлов по железной дороге уже не мог, так как к этому времени город был занят чехами. От Талицкого завода Жукову пришлось отступать в направлении на Егоршино деревнями.

В своем обращении с крестьянами Жуков был крайне прост. Не растекался в словах, не обольщал широкими перспективами, а только рассказывал.

Его простой, серьезный разговор хорошо доходил не только до крестьянина-бедняка, но захватывал и середняка.

По пути отступления жуковский отряд настолько пополнился за счет крестьянства деревень и селений, что пришел в Егоршино уже ввиде целого батальона.

Не имея военной подготовки, товарищ Жуков как то сразу

сумел войти в курс военной жизни и сделаться одним из лучших командиров.

Секрет этого, вероятней всего, надо искать в его необычайной классовой чуткости. Еще в то время, когда он не состоял в партии, у него имелись все основные черты большевика.

Он как-то чутьем понимал интересы своего класса. Ненависть к классовому врагу у него была глубокой, сильной и действенной, но „без размена на медяки". Он умел выделить главное, не путаясь в мелочах.

Эти черты его характера и создали ему то положение, что почти все, вспоминающие о полке Красных орлов, неизменно говорят к командире 3-го батальона, товарище Жукове.

Росту этого сильного человека мешала его малограмотность. Он ненавидил ее почти как классового врага и решил во что бы то ни стало победить свою неграмотность, победить теперь же, не откладывая дела в долгий ящик.

До революции он читал такие книжки, которые, как потом установил, были только тратой времени, они не давали настоящего. Поэтому теперь Жуков хотел читать только „самих" Ленина, Маркса, Энгельса. Даже в тяжелой фронтовой обстановке его можно было видеть склонившимся над серенькой книжкой „Империализм как последний этап капитализма".

— Трудно,— жалуется Жуков,— но я все-таки пойму. Десять раз прочитаю, а добьюсь. Добьюсь своего!

С этой книжкой в кармане он и был ранен смертельно. Похоронили его в Бисере.

Когда отступили, белогвардейцы вырыли труп, издевались, насколько хватило поганой фантазии.

Сан-Донато

Северовосточная Уральская железная дорога через станцию Сан-Донато, километрах в 8 от Тагила, имеет выход на Горнозаводскую линию, по которой расположены заводы Н.-Тагил, Лая, Баранча, Кушва и другие.

Противник развивал в этом направлении усиленные действия и уже оттеснил занимавшие это направление части к Тагилу. Создалась угроза всей 1 бригаде со всеми ее грузами и подвижным составом дороги остаться отрезанной.

Чтобы выправить положение, были сняты из 1 бригады два полка и переброшены к Тагилу. Крестьянский коммунистический полк, оставшийся один в районе северовосточной дороги, вел здесь усиленные бои в разных направлениях по существу лишь для того, чтобы прикрыть переброску остальных полков, в то же время полк старался протолкнуть продовольственные и другие грузы на Горнозаводскую линию.

Здесь в районе от Алапаевска до Сан-Донато полк получил второе рабочее пополнение. На ст. Ясашная влился в Крестьянский полк отряд тов. Павлова из рабочих Алапаевского завода.

Бедняцкой крестьянской молодежи в полку было много, но организованной группой рабочая молодежь влилась только здесь. С павловским отрядом вступило до 300 членов алапаевского отдела социалистического союза рабочей молодежи. Эта группа при своей военной неподготовленности принесла с собой струю молодежной отваги, пылкого энтузиазма и некоторых организационных навыков, которые потом могли усилить и укрепить политико-просветительную работу среди остальной молодежи.

Героический путь этой рабочей молодежи, влившейся на пополнение сильно поредевшего после боев под Алапаевском и Синячихой 3-го батальона, заслуживает специального исследования.

Усвоив боевые навыки и стойкость закаленных боями фронтовиков-большевиков, рабочая молодежь не только боролась плечо к плечу с этими бойцами, но быстро росла, выходила в командный и политический состав. Вместе с 29-й дивизией рабочая молодежь прошла весь ее славный исторический путь. В рядах III бригады била Деникина, в рядах II дралась под Варшавой, с I бригадой брала Перекоп.

Смертью храбрых пали на фронте одни из первых организаторов алапаевского отряда рабочей молодежи: Петр Левин,

Кабаков, Щекотов, Гаврило Есин и др. Кипучий агитатор Иван Булычев настолько подорвал свои силы, что умер вскоре после возвращения в Алапаевск. Та же участь постигла Сергея Никонова. Но многие из этих ребят живы, политически и культурно высоко поднялись и теперь работают на фронте социалистического строительства.

Составителям истории уральского комсомола надо обратить особое внимание именно на этот участок. Он стоит самых кропотливых изысканий вплоть до истории каждого отдельного бойца.

Переброшенные полки: Камышловский и 4-й уральский вначале имели серьезный успех. Штыковой атакой 22 сентября они опрокинули противника, захватили бронепоезд, подбили другой и отбросили противника почти на 20 верст от Тагила, захватив не мало пулеметов и военного снаряжения.

Председатель ВЦИК тов. Свердлов, отмечая значение этой победы, послал в адрес сражавшихся под Тагилом частей специальную телеграмму:

„От имени ВЦИК советов, от имени всего трудового народа шлю горячий привет и пожелания полной победы над всеми белогвардейцами, над всеми наемниками англо-французского империализма. Вы доблестно сражаетесь за торжество социализма. Пусть же ваша доблесть послужит примером всем борющимся товарищами. Держите высоко свое Красное знамя. Вперед“.

Однако закрепить и развить эту победу нашим частям тагильского направления не удалось.

Оказался разрыв между высокими качествами преданных революции бойцов и очень низким уровнем их военно стратегических навыков. Начальник боевого участка, расположив свои части, меньше всего обратил внимание на основной участок — станцию Сан-Донато, которая охранялась лишь численно ничтожным отрядом железнодорожной охраны. Противник воспользовался этой оплошностью и в ночь на 4 октября захватил Сан-Донато обходным движением.

Дальше сказался второй недостаток неизжитой еще партизанщины — действия вразброд. Полки стали передвигаться как

им вздумается, и Горный полк, которому было поручено вести наступление на Сан-Донато, не смог выполнить приказ. Создалось очень тяжелое положение для 4-го уральского полка, остаткам которого едва удалось выбраться вдоль тракта Нижняя Лая — Кушва.

С захватом Сан-Донато Крестьянский полк оказался отрезанным. Противник сосредоточил на ст. Сан-Донато большой кулак и выдвинул на северовосточную ветку бронепоезд.

Положение отрезанного полка усложнялось еще тем, что он совершенно не имел сведений, где находятся наши части.

Дерзкая попытка комбата Григорьева заскочить на дрезине в расположение белых и захватить там „языка“ не удалась. Не удались и попытки разведчиков незаметно подобраться к заставам противника.

Что делать?

Решили все-таки прощупать хорошенько, насколько крепко защищена противником захваченная станция.

Командир полка Акулов дал распоряжение тов. Кобякову:

— Ты, Александр Иваныч, займи эту самую Сан-Донату и бузуй там, пока мы от Салки все составы не вытащим, а Ослоповский со вторым батальоном будет по дороге на Тагил наступать, чтобы беляков с толку сбить.

Но и эта попытка оказалась безуспешной. Бронеплощадка 1 батальона, встреченная артиллерийским огнем, не смогла заскочить даже на ближайший от Салки железнодорожный разъезд. Демонстрация по тагильской дороге вызвала лишь большой урон в китайской роте и показала, что противник сильно укрепился в этом направлении.

Оставалось одно — лесами отступать на Кушву, где предполагался штаб дивизии. Предварительно надо было уничтожить подвижной состав дороги и то имущество, которое невозможно было вывезти.

Тот же этапный комендант Истомин, который вырывал из рук у чехов составы и гнал их с Богдановича на северовосточную дорогу, теперь, с двумя подрывниками поехали готовить могилу для паровозов и вагонов. Подобравшись чуть не к самой заставе противника, подрывники заложили дина-

мит под середину трубы моста через речку Черную. Минут через 15 работы мост был взорван, и в этот провал с разгону стали направлять с Салки паровозы с составами.

Грохот, огонь и обломки, надолго задержавшие движение белогвардейцев по линии железной дороги на Салку-Алапаевск, вот все, что осталось от подвижного состава северо-восточной Уральской дороги.

Резерв мужества

В приказе по армии от 22 октября Крестьянский полк назван последним резервом дивизии. Это, конечно, название условное для полка, который без передышки был уже четыре месяца в боях. Бойцы не только оборвались, обросли, месяцами не бывали в бане, но и по целым неделям не раздевались.

Товарищ Ослоповский (тогда еще комбат) в своих воспоминаниях рассказывает, как он однажды явился на Егоршино в штаб бригады с предложением одной военной операции. Тов. Васильев, взглянув на комбата, сказал: „Если твой батальон так же устал, как ты, то лучше не затевать", и направил Ослоповского в санитарный вагон выспаться. Попутно приказал к вечеру сшить ему новые сапоги. Когда в санитарке Ослоповский стал снимать свои сапоги, то оказалось, что они совсем сгнили на ногах: головки оторвались от иструхших голенищ. Проведенный в постели отдых был столь необычным, что комбат, проснувшись поздно вечером, даже стал себя проверять: не ранен ли?

Таково было действительное положение полка, но все же он был неистощимым резервом мужества, стойкости и преданности советской власти.

Все эти качества, много раз доказанные, с особой выпуклостью выступили, когда полку пришлось отступать от Салки.

Густой дремучий лес и полная неизвестность впереди.

Старик-проводник обещает дня через 3—4 вывести лесными тропами к Кушве.

— А может быть и она занята белыми? — бросает кто-то робкий вопрос.

— Все-таки туда будем правиться, — отзываются на это замечание и поясняют: — Не может быть, чтоб большой завод сразу им сдался. Под Кушвой где-нибудь беляки сидят. Еще зубы там обломают.

— Мы вот выйдем, тоже пособим. Лишь бы боеприпасы вывезти все.

— Не оставлять же станем. В первую очередь вытащим. Лошади есть.

— А вон видишь, на лошадях-то что, — показывает красноармеец на какую-то подводу салкинского железнодорожника, загруженную домашним скарбом.

— Не порядок это. Мы это прекратим сейчас, — живо откликается один из красноармейцев и кричит женщине, шагающей рядом с телегой:

— Тетушка, ты это сбрось. Свое-то. Под другое лошадь пригодится. Живы будем, — наживешь и подушки, и кадушки, а теперь ни к чему они. Снаряды повезем, либо под орудию подпряжем твою лошадку. Дельнее так-то будет.

Женщине жаль расстаться с своими пожитками, и она пытается уговорить красноармейцев.

— Ребятишки у меня. Того-сего больше требуется. Нельзя же им без окутки в лесу спать.

— Верно это, тетка, только лошадка твоя все-таки под другое нужна, — отвечает красноармеец и советует: — Ты возьми ребятам-то сколько унести сможешь, а остатки сбрось. Ну одень их потеплее.

— Как это сбрось, — возмущается женщина: — Так белякам вот и оставить.

— Зачем оставлять? Сжечь можно. Не хитрое это дело.

Вскоре около воза — толпа женщин и мужчин из отступающих с полком салкинцев.

Сначала спор, уговоры, женские слезы, но потом дружное решение.

— Кому жаль с своим барахлом расставаться, тот пусть тут и сидит, белых дожидается, а мы пойдем.

И собирающиеся в путь с остервенением начинают уничтожать свое имущество.

Все лошади поступают под военные грузы. В числе их не только патроны и снаряды, но и орудия. В том числе две шестидюймовки.

Со всего поселка собирают топоры и пилы, собирают топоры и по ротам и передают все это головному 1 батальону, который должен расчищать дорогу для продвижения военных грузов.

Красноармейцы доотказу нагружены патронами, но все же еще много приходится уничтожать их на станции.

Каждый взрыв болью отзывается в сердце отступающих.

— Добавили, голов не жалели, а теперь взрывать.

Дорога невозможная. Верней ее совсем нет. Сразу запарившиеся лошаденки едва вытаскивают артиллерию. С первого же километра становится ясным — не довезут. Но подпрягаются люди, и артиллерия кое-как тащится по лесным трущобам и болотам.

В размытой длительным ненастьем глине взгорий пудовыми становятся ноги. Выше колен уходят они потом в холодную болотную воду, но тащится военный груз. С криком, с матерком по адресу белых гадов, богородицы и всех святых идет артиллерия. Напряженно строги лица у среднего возрастного состава, но молодежь и тут шутит.

Какой-то алапаевский комсомолец, с трудом выворачивая ноги из размятой глины, девичьим голосом распевает:

Я калоши наносила,
Пятый номер „Проводник".

И указывает на свои густо облепленные глиной сапоги. Шутка так неожиданна, что ближайшие смеются.

— Верно! Как раз на женскую ногу! Хо-хо-хо!

Парень, поощренный смехом, „собирошничает" дальше:

Из болота на угор,
А с угора в топи
Мужики тащат коней
Кони — батареи

Так и было. Людям приходилось вместе с военными грузами тащить и совсем измотанных лошаденок.

Временами, когда выбившаяся из сил лошадь начинала уже качаться, несмотря на усиленную помощь людей, вставал вопрос: что сбросить? Искали лишнего, но такого не находили и начинали разгружать по рукам.

— Эй, ты, певун! — кричали комсомольцу. — Возьми-ка снарядиков парочку. Леском-то за милую душу дотащишь в своих калошах.

Снаряды несут и члены семей отступающих с полком салкинских рабочих.

Кто-то предлагает сбросить ящик с варежками, но на него обрушиваются со всех сторон.

— Получил сам две пары! О других ему и заботушки нет, а время-то какое? Зима скоро. Варежки теперь первый военный груз, а он — сбросить надо!

Чтобы перетащить батарею через болото, наспех устраивали стлани из жердняка; через маленькие речушки набрасывали мосты. Все это делалось головным батальоном.

— К Кушве все саперами станем, — говорили по этому случаю красноармейцы.

— Саперами, не саперами, а лес валить натореем.

— Не рубливал что ли?

— Такого не рубливал. У нас под Катайском мутовник больше. Замахнешься, а ударить и не по чему. Не то, что здесь.

— Да, тут лесное место. Будто и заводов близко нет. Вроде тавдинских боров, — одобрительно говорит пожилой красноармеец из деревни Елкиной и начинает рассказывать, как ему до германской войны каждую зиму приходилось работать на тавдинских подрядчиков, плоты готовить.

— Плоты, значит, умеешь плотить? — спросил подъехавший в это время комбат и закричал роте:

— Товарищи! Кто на сплаве работал, выходи. Через Тагил батарею на плотах придется.

В роте нашлось человек десять, которые, бросив работу по настилу мостика, быстро ушли вперед.

Тагил — неширокая, но довольно глубокая речка. От длительного ненастья она сильно поднялась, и бродов нигде не

находили. Настилать упрощенный мост тоже было нельзя, и вопрос о переправе через Тагил орудий сильно беспокоил головной батальон.

Привал решили сделать до переправы.

Необычную картину представлял полк на этой свежепрорубленной дороге в лесной глуши.

Измученные тяжелым переходом красноармейцы располагались по пригоркам и, отдышавшись немного, запаливали костры, чтобы обсушиться. Мясо на этот раз было, так как пришлось приколоть несколько безнадежно обессилевших лошадей.

— Ешь мяско-то, не жалуйся, что за лошадь отвечать приходится,— шутит заросший до самых глаз дядя и хитро прищуривается в сторону молодежи, усердно работающей ложками.

Тем это кажется почему-то обидным, и вспыхивает одна из тех перебранок, какие бывают лишь среди сильно изнервничавшихся людей. На шум подходит Федоров и начинает обычным своим полувопросом.

— Не дошло, говоришь, до драки? А может дойти. Очень просто, если так без толку перекоряться будете.

— Да ведь вот он,— жалуется молодежь.

— А что я?

Когда начинают распутывать клубок, то оказывается в средине ничего нет, кроме безобидной шутки.

У другого костра Залман Лабкоз, хрупкий, маленький, рассказывает окружающим его красноармейцам о годах, проведенных им в Тобольской каторжной тюрьме.

Говорит негромко, не делает никаких выводов, просто рассказывает, но слушатели ловят каждое слово своего любимого „полкового агитатора". Выводы делают сами.

— За одну принадлежность к партии уконопатили на 9 лет... А? Понимали гады, в чем штука. Заранее раскусили.

— Хитры ведь.

— А все-таки мы их к ногтю возьмем.

— Ясно дело, возьмем. Сколь ни хорохорятся, тут будут,— и красноармеец сделал выразительный знак пальцами.

Веселый парень Булычев в своей роте действует гармошкой и балагурством.

Борис Мендельсон и неразлучный с ним петроградский рабочий Абрамов заводят хоровую песню.

Усталость, однако, берет свое. Около костров уж начинают похрапывать „скороспелики на сон". Рядом с ними сваливаются другие и, тесно прижавшись один к другому, засыпают. Спит лагерь, чтобы завтра с утра продолжать свой поход в неизвестность.

В лесной тишине слышится лишь всхрапывание да мирные звуки пасущихся по лесу лошадей.

Только командному и политическому составу нет даже этой короткой передышки. Они проверяют выставленные заставы, секреты. Не спят и плотовщики, готовя при свете костров на берегу Тагила плоты, чтобы завтра не вышло задержки с переправой военного имущества.

— Надежно ли, ребята?— спрашивает комбат Кобяков.

— Да кто его знает,— откровенно сознаются плотовщики,— не бывало у рук-то, не переваживали пушек.

С утра плоты-паромы работали, и переправа военных грузов была довольно успешной. С батареей, однако, вышла неудача. Две пушки затонули, и бревенчатый помост плота под ними лишь мешал вытянуть их с помощью веревок. Полезли в воду разбирать плот и подкладывать катки. Эту ванну октябрьской температуры берет вместе с красноармейцами и командир полка Акулов. В результате всех этих усилий пушки были вытянуты и потащились дальше.

Через три дня этой дорожной муки стали подходить к Кушве. Выяснилось, что там наши части и штаб дивизии. По рядам истомленных бойцов пронеслось веселое слово — отдых. Он уже давно был обещан полку, и Кушва была назначена местом отдыха.

Бойцы даже знали, что политработники полка и члены полкового бюро, делавшие с ними поход, теперь уехали вперед, чтобы организовать встречу бойцов с кушвинскими рабочими. Знали, что в Кушве считали полк погибшим. Поэтому встреча ожидалась особенно радостной, теплой и приятной.

Праздник в кушвинском клубе, однако, удался лишь наполовину. Не успели закончить взаимные приветствия, как стало известно, что наши части под Кушвой не выдержали натиска противника и начали отступать.

И тот же Лабков, который устраивал торжественную встречу, заговорил:

— Вы, товарищи рабочие и крестьяне-бедняки, в беспрерывных боях доказавшие свою преданность революции..

В рядах красноармейцев улыбка... Они уже знают, к чему ведет такое начало и подают реплики.

— Да говори прямо, товарищ Лабков.

— Без поклонов пиши, не стесняйся! Знаем друг друга. Попривыкли.

Лабков улыбается в ответ.

— Надо же похвалить-то хоть немножко. Вон какой поход выдержали. Разве это не проверка? Разве это можно сделать без преданности советской власти со стороны каждого отдельного бойца? Ведь этот поход надо большими буквами писать в истории полка. Верно?

— Сам тянул, сам знаешь, как его записывать: большими ли, малыми ли. Ты грамотный, и запиши, как надо .

— Препятствовать не станем, если и большими запишешь. Сладко ведь всем пришлось. Убитых нет, а наполовинку живых много.

— Вот я хочу и сказать,— продолжал Лабков,— хоть все мы устали, но наполовинку живы, как сказал товарищ, а наш боевой дух только закалился. С этой боевой закалкой мы и усталые сможем показать пример другим частям и свежему пополнению, как надо бороться с наймитами империализма.

Поднялся один из красноармейцев и заговорил горячо:

— Товарищ Лабков вроде как убеждал нас. Это не надо. Мы уже кой-что слышали о положении дела, и все как один...

— За других не говори!— крикнул кто-то из задних рядов.

На миг в многолюдном собрании стала жуткая тишина, потом послышалась возня и выкрики.

— Чего хвастаешься? Слово сказать нельзя!

— А вот увидим, можно ли. Откуда ворона залетела?

— Кто это?— спросил председатель.

— Да вот этот. Какой-то не нашей роты,— отозвались красноармейцы, крепко ухвативши крикуна за обе руки.

— И не нашей тоже,— отзывались из других рот.

— Ишь, чистяк. Шинель на нем с иголочки, шапка новехонька.

— Неохота, видно, по окопам портить их.

Оказалось, что это один из мобилизованных — писарь сформировавшегося в Кушве полка. Еще перед открытием собрания он пытался говорить с группой красноармейцев полка о силе белых, о нашей голодухе, о неумении наших командиров, но получил отпор.

— Мало, товарищи, отпор на словах дать,— говорил военком Юдин.— Надо таких супчиков сразу за жабры брать.

— Мы, вишь, и взяли,— отзываются красноармейцы, встряхивая для убедительности писаря. Тот, не видя ни одного сочувствующего взгляда, бормочет: „Товарищи... товарищи, так ведь я..."

— Заткни ему глотку варежкой, Степан. Какие мы ему товарищи,— шумит собрание.

— Сдать подгадыша в особый отдел. Разберут там ребята, кому он товарищ. Может их, таких-то несколько.

Председатель, улыбнувшись в сторону неокончившего своей горячей речи красноармейца, проговорил:

— Не придется, видно, Басаргин, говорить-то.— Потом обратился к собранию и пояснил:— Приказ есть о выступлении.

— Да знаем уж мы,— откликались из зала:— Ничего не поделаешь, приходится передышку отставить.

— Показать, какая у белых в пятках сила. Куда отлетят.

И полк в ту же ночь выступил на позиции.

Гребешки—гора высокая

— Птицей надо быть, так возьмешь ее. Засели, сволочи, и поливают из пулемета. Попробуй, сунься!

Такими словами объяснили наши отступавшие части свою неудачу под горой Гребешки.

Позиция белых тут была выбрана очень удачно. С отвесных скал, расположенных километрах в 10 от Кушвы, белым хорошо видно было передвижение наших частей, и они могли, как только им казалось нужно, направлять убийственный для наступающих орудийный и пулеметный огонь.

Положение наступающих было тяжелое, но не для красноорлянцев, которые выступили сюда в составе батальона, батареи из двух пушек и кавалерийского взвода.

Обругали отступающих всякими обидными именами: зайцы, лягушата, трусы.

Те в свою очередь пророчили:

— Посмотрим, как вы полетите. Вон их там сколько засело.

— Сотня поди?— язвительно спрашивали из наших рядов.

— Сосчитаешь потом, как бегом побежишь,— откликались отступавшие.

— Ну, вам виднее! Раз по-заячьи удираете, так вам невесть что кажется...

Расположились в лесу, примерно в двух километрах от Гребешков, и стали искать обхода. Первую ночь рота не могла найти путей и так измоталась, что когда вышла к своим, не могла дотащиться до кухни. Пришлось им ужин подвозить.

— Ишь, баре, чуть не в рот вам вливать приходится. Пошевелиться не могут,— шутили вокруг них.

На другую ночь опять пошли в обход. Начальник пулеметной команды Таланкин на этот раз обрядился в борчатку и шапку офицерского типа, прицепил, саблю с белым темляком и в таком виде вышел навстречу белым, которые спускались с горы. Белогвардейцы оказались простоваты и начали охотно отвечать на вопросы, где удобнее провести подкрепление. Указали и место заставы и кратчайший путь к позициям.

Вопрос был решен, и через связь было дано знать стоявшим против Гребешков: „Начинай“.

По Гребешкам был открыт орудийный и пулеметный огонь. Белые стали усердно отвечать, перегоняя нашу батарею с

места на место. В это время обходная рота сделала свое дело: без выстрела взяла заставу противника и ударила в тыл.

В беспорядочном отступлении белые не успели даже столкнуть со скал свои пулеметы, чтобы привести их в негодность.

Смотря сверху, как наш кавалерийский отряд гнал противника к деревне Лая, красноармейцы даже удивлялись.

— Как просто вышло. Вишь какого чесу задали белякам. А говорили — не подняться. Крылья, дескать, надо приростить. Ничего, без крыльев начешем.

Операции в направлении на Лаю развивались молниеносно.

Встречный бой, который был принят другими батальонами полка, развернулся в нашу пользу. Противник был разбит вдребезги. Бросал все, вплоть до ботинок и обмоток. Путь

Комбат Кобяков в разведке

отступления был завален винтовками, снарядами, обмундированием. Офицеры, прижатые к заводу Лая, не находили себе другого выхода, как бросаться в пруд. Некоторые поднимали руки, крестились, молили о пощаде.

По ходу наступления командиры батальона принимали свои решения, не предусмотренные планом.

Командир бригады тов. Акулов и сам был небольшой специалист в стратегии и тактике. Когда командир полка тов. Ослоповский показывал ему свой разработанный план наступления, он мог сказать только:

— Что ты своих красных петушков рисуешь. Бей белых гадов, и никаких.

Примерно этот же лозунг был и у командиров батальонов. Комбат Кобяков никак не соглашался прекратить наступление, хотя части с боем уже прошли около 20 верст.

Было даже специальное совещание, которое формулировалось очень кратко.

— Занять Тагил, а дальше видно будет.

Только специальным распоряжением по дивизии удалось приостановить этот заскок, который грозил создать отрыв от всей группы, так как по параллельной линии белогвардейцами был занят уже к тому времени Кыновской завод, находившийся в тылу по отношению к Тагилу.

Победные дни

В приказе по 3 армии от 22/X 1918 года № 334а четко записана славнейшая страница истории „полка Красных орлов“:

„В последних боях на тагильском направлении, когда яростные атаки противника, значительно превосходящего нас в силах, были направлены к прорыву нашего фронта, положение дивизии, защищавшей этот участок, становилось критическим. Части, ведшие уже до того жестокие бои с противником, лишенные смены, почти без поддержки, истекали кровью, а наседавший в превосходных силах противник не давал возможности привестись в порядок и перегруппироваться. Наши

части под влиянием этих причин надламывались морально, и уже имелись и признаки утраты боеспособности. В это критическое время начальником дивизии был брошен его последний резерв — 1 крестьянский коммунистический стрелковый полк. От стойкости и мужества этого полка зависела участь этой дивизии, а с нею и фронта. 1 крестьянский коммунистический стрелковый полк, получив боевую задачу, принял на свои плечи всю тяжесть боевой обстановки этого участка. Стремительным ударом он бросился на врага и, соединив разумное свое командование с храбростью истинных сынов революции, рядовых своих бойцов, разбил наголову противника и, не дав ему оправиться, энергично его преследовал.

Батарея полка

Днем и ночью полк не знал отдыха, не знал и остановки: он гнал врага, брал трофеи и восстановлял тактическое положение. Результатом беспримерной доблести 1 крестьянского коммунистического полка было то, что за полтора дня мы отвоевали у противника 20 верст, обильно залитых его кровью и в тактическом отношении дающих нам самое выгодное положение, мы взяли у врага 20 пулеметов, обоз, много амуниции и других трофеев, не считая пленных. Но главный результат, главная заслуга полка та, что примером своего сознательного долга, примером исключительного мужества и храбрости полк восстановил надломленные моральные силы своей дивизии, вселил в нее сознание своей непобедимости и вдохновил на соревнование, каковое уже и имеет место в частях этой дивизии, а противнику он показал, что молодая Красная армия, спаянная революционной дисциплиной и сознанием важности ответственного момента, не даст возможности торжествовать врагу народа и свободы.

В воздаяние воинских заслуг, мужества и храбрости, проявленных на поле сражения 1 крестьянским коммунистическим стрелковым полком, Центральный исполнительный комитет на заседании своем постановил — наградить этот полк красным знаменем — символом выдающихся заслуг перед пролетарской революцией.

„Объявляя о сем по войскам 3 армии, я счастлив тем, что в ее рядах, на поле боя, драгоценной своей кровью куются пролетарские силы, на долю которых выпала грозная и почетная задача — грудью измученного народа отстоять его свободу. Уверен, что славная история Крестьянского коммунистического стрелкового полка послужит ярким примером и соревнованием для других частей армии. Мир праху погибших товарищей, кровью своей заслуживших награду полку, слава живущим, защищающим дело народа под первым революционным знаменем — высшей боевой наградой“.

Отмечая исключительную значимость победы под Кушвой, ВЦИК послал на фронт специального уполномоченного для вручения полку почетного знамени.

Вручалось знамя при торжественной обстановке в Кушве

27 октября. Принял знамя командир 1 бригады Окулов Ф. Е. и передал командиру полка Ослоповскому И. А. Тот в свою очередь передал знамя выделенному полком за выдающуюся стойкость в знаменщики тов. Овсянникову Я. Е. После тяжелого ранения под Баранчей тов. Овсянникова знамя было передано его брату Овсянникову А. Е. Они с честью пронесли боевое знамя до конца исторической жизни полка, не раз обливая его своей кровью.

Боевое знамя полка

Командующий 3 армией в своей речи при вручении знамени отметил особое значение боевой награды:

— Всероссийский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, посылая почетное знамя, хочет подчеркнуть, что Первый коммунистический крестьянский полк — сверхгерой.

Политкомиссар 3 армии тов. Голощекин говорил:

— Товарищи! Областной комитет партии коммунистов шлет вам, герои, сражающиеся за освобождение человечества, привет и партийное спасибо. Мы горды тем, что вы получили знамя, которое никогда и никто не получал, ибо это знамя завоевывалось сотнями лет, и путь к нему усеян тысячами трупов борцов за освобождение трудящихся.

Военком полка матрос Юдин, отвечая на приветствие, дал такую оценку полка:

— Наш пол удостоился получить великую награду. Мы, бойцы Крестьянского коммунистического полка, знаем, что она заслужена. Этот наш орлиный полк совершил много славных и действительно героических подвигов. Этот наш полк своею кровью обильно полил поля сражений и не раз спасал положение всего фронта, грудью своей избавляя от гибели другие части.

1-й коммунистический крестьянский полк с первого дня вооруженной борьбы на Урале боролся с неослабевающим мужеством и храбростью и до сих пор не имеет ни единого темного пятна".

В этой оценке не было преувеличения. Полк, действительно, по тому времени являлся одной из самых крепких боевых единиц Уральского фронта.

Полк с самого начала не имел поражений. Отступление происходило лишь всилу тяжелого или невыгодного положения соседних частей.

В районе Егоршино полк не только прорвал фронт и разбил группу полковника Смолина, но и позволил на довольно значительный срок своими действиями подменить всю бригаду: два других полка были переброшены под Тагил и здесь решили участь дивизии генерал-майора Войцеховского.

В районе Баранчинского и Лайского заводов полк играл ведущую и решающую роль в разгроме 7 дивизии генерал-лейтенанта князя Голицына, а также 3-й и 4-й сибирских стрелковых дивизий.

Но это не все. Успешные операции полка Красных орлов на этот раз позволили командованию снять с участка Лая — Баранча два полка, которые были переброшены в направлении завода Кын. Здесь полки выяснили положение по линии Лысьва — Бердяуш и нанесли первый сильный удар корпусу генерала Пепеляева, который до того времени был совсем еще

Комсостав полка (справа налево). Лежат: Акулов, Григорьев; сидят: Окулов С., Ослоповский, Лашкевич, Юдин, Судаков, Полуяхтов; стоят: Баженов, Григорьев, Кобяков, Реутов, Телегин, Сенокосов, Стафеев, Турыгин, Маркелов (Кушва, октябрь, 1918 г).

нами не разведан. Задержка наступления корпуса Пепеляева в свою очередь создала более благоприятные условия для выхода в районе Кунгура отрядов тов. Блюхера.

Таким образом гордая фраза военкома, что полк не раз спасал положение всего фронта, ни в какой степени не была преувеличением. К этому надо добавить, что ни длительное вынужденное отступление, которое обычно деморализует части, ни тяжелое положение с продовольствием не смогли сломить боевой дух полка.

Показателен самый факт того, как Крестьянский полк отнесся к вручению ему почетного знамени.

Сознавая огромное значение этой боевой награды, полк, однако, хотел, чтобы торжество вручения знамени было использовано как вызов на социалистическое соревнование других частей армии.

Всилу этого при торжественном вручении знамени присутствовали в Кушве другие части армии, а полк оставался на занятых позициях, выделив для получения боевой награды 1-й батальон.

Это конечно, говорит, не только о сознательности бойцов, но и о крайней напряженности боевой обстановки. В этот кушвинский период, в целях укрепления руководства отдельных частей 3 армии, были произведены изменения в командовании армией.

Командир 1-й бригады тов. Васильев М. В. был назначен командиром 29 дивизии.

Командир Крестьянского полка Акулов Ф. Е. получил 1 бригаду; его помощник Окулов С. Т. был назначен командиром Волынского полка.

Командование полком Красных орлов было передано командиру 2 батальона Ослоповскому И. А., а на его место был назначен комроты — батрак Полуяхтов А. А.

Товарищ Федоров, бывший председатель камышловской уездной организации РКП(б), боец полка и организатор, говорил по этому поводу:

— Гляди, наши мужики-то в большие командиры выходят. Без обману тут. Не сдрейфят, не рассыропятся, не

качнутся. Головы свои за советскую власть заложили. Знаний вот только нехватка.

— Бьем генералов, конечно, а спорее бы пошло, кабы побольше знали. Этих самых военных-то наук хлебнули бы.

— Наживем, говоришь? Это верно. Только вот теперь бы это надо, на сегодняшний день.

Оценка была верна.

Коммунисты-фронтовики были самым крепким командным составом, который не только гарантировал от измены, но и мог обеспечить близость с крестьянскими массами, мог в самых тяжелых условиях увлечь эти массы на подвиг беспримерной храбрости.

В истории полка этого периода не было случаев ни „отставаний", ни измены.

Но там, где приходилось оперировать крупными соединениями, комсостав не всегда обеспечивал правильность и согласованность действий.

Зато примеров личной храбрости, необычной стойкости, беззаветной отваги, редкой изворотливости и рискованных выдумок было сколько угодно.

Рядовые бойцы полка в этом не отставали от своего командного состава.

Среди голода, холода, измены

На баранчинских позициях полк Красных орлов держался до 3 декабря.

Последний бой с большими потерями для нас все же имел благоприятный исход, и баранчинская позиция осталась за полком Красных орлов. Отступление, однако, было совершенно необходимо, так как противник с севера подходил уже от ст. Выя к ст. Кушва. Находившиеся тут части, тоже крайне усталые, были отброшены. С китайским батальоном погиб тов. Швельнис. Раненный в обе ноги и руку, он смог все-таки взорвать себя бомбой. Неудачей под Кушвой и определился отход полка Красных орлов от Баранчи, которая была южнее станции Кушва.

Этот путь полка был самым тяжелым. Его нельзя даже сравнить с той мукой, которую терпел полк, пробираясь по трущобам и болотам от Салки.

Здесь выступили против полка холод, голод и полная деморализованность многих отступавших частей.

Снег в ту зиму выпал наредкость глубокий, и сразу же начинались крепкие морозы. Дело доходило до того, что уставшие красноармейцы не могли дальше двигаться, садились на снег и засыпали навсегда.

Продовольственное положение было уже давно плохим. Ко дню первого праздника Октябрьской революции не смогли дать ничего, кроме одной четверти фунта овсяного колючего хлеба и какого-то ничтожного количества растительного масла. Но это был все-таки еще праздник. Дальше положение все больше ухудшалось. Бывали дни, когда красноармейцы вовсе не имели возможности поесть. Товарищ Берсенев в своих записках вспоминает, что в его роте был случай, когда в разбитом вагоне нашли два мешка отрубей.

— Разделили на роту, и вышло у нас большое пиршество. До того показалось хорошо это кушанье из заваренных кипятком отрубей!

К голодухе надо прибавить еще то, что среди отступающих соседних частей началось определенное разложение.

Потребовалось принять решительные меры против многочисленных агитаторов за сдачу в плен, появившихся в Лесновско-Выборгском полку. 69 человек таких агитаторов пришлось изъять, остальных здесь же расформировать по другим частям.

Централизованное управление операциями в этот период было почти совсем утрачено. Но Крестьянский коммунистический полк даже и в этих совершенно невозможных условиях не один раз сумел себя показать.

В приказе по армии от 18 декабря 1918 года № 537 говорится об успешных боях под станцией Селянка:

„13 декабря, когда противник прорвал фронт в лысьвенском направлении, с выходом на станцию Калино, положение стало критическим. Правая группа перешла к станции

Селянка. Противник поставил себе задачей окончательное уничтожение этих уставших частей.

В этих условиях комбриг Акулов, собрав Путиловский эскадрон и остатки полка, находившиеся в деревнях, произвел обход от деревни Кутамышской. Здесь он уничтожил почти полностью 3 барнаульский полк при двух 48-миллиметровых орудиях, захватил 3 исправных пулемета „Максима", оба орудия, 160 человек пленных и много снаряжения и оборудования.

Из захваченных орудий был открыт огонь в тыл частям, наступившим на Селянку, и по резервам, подходившим на выручку барнаульцам со стороны Лысьвенского завода.

Похороны бойцов полка вблизи баранчинских позиций в день первой годовщины Октябрьской революции.

Благодаря столь удачному бою, в частях противника, наступавшего на Селянку, произошла паника, и они в беспорядке стали отходить, бросая на своем пути винтовки и снаряжение.

Военный совет 3 армии приносит им (Акулову и Прокопьеву) сердечную благодарность за лихие действия и товарищескую выручку.

Начдиву Васильеву предлагает представить отличившихся к наградам".

Так описывается в приказе один из арьергардных боев.

Видны здесь главным образом фигуры комсостава: тов. Акулова и Прокопьева.

Вот другое описание этого же боя, уже с точки зрения рядового красноармейца:

„Гусев Никита, молодой доброволец из села Покровского, ложась спать, как всегда, положил возле себя бомбу и говорит:

— Это у меня на закуску. Только не белым, а себе. Живой в плен никогда не сдамся.

Так оно и вышло. Часов около 11, когда уже все начали засыпать, слышим выстрелы. Один, два, потом залп. Выскакиваем с винтовками, с пулеметом. Бежим по улице деревнешки Новоселки. Деревнешка небольшая. Стоит нас тут около трех рот.

Залегли в свои мало-мальские снежные окопишки около деревни у самой огородной изгороди. Слышим, у белых команда: „В атаку, ура!"

У нас на правом фланге встречная команда: „Даешь белую банду! Вперед!"

Все кидаемся вперед, но, отбежав шагов на 50, видим, что цепь сильно поредела. Белые косят вовсю из пулеметов и винтовок. Залегаем и мы. По цепи передают, что командный состав у нас выбит. Некому руководить. У нашего пулемета пуля попала в кожух. Ранены и убиты пулеметчики, ствол сильно разогрелся, и пулемет перестал работать.

Отступаем. Нет возможности взять с собой раненых. Не закончили еще отход до старых окопов, как слышим взрыв

бомбы в том месте, где стоял наш пулемет. Это раненый Гусев Никита взорвал себя. Не рассчитал парень, думал, что мы уж вовсе отступили и он оказался в плену.

Но бой опять завязался. Редеют наши ряды, но действует и наш огонь. Слышим, со стороны противника стрельба становится реже, потом вовсе перестает. Оказывается, белые отступили, оставив больше сотни убитых и раненых.

Особая смелость белых объяснялась тем, что многие шли в бой пьяными. На шапках у них были зеленые веточки.

Из нашей роты тогда выбыли из комсостава товарищи Стафеев, Рябов, Мошков, Нестеров, Гусев, Поторочин. Ранены: Брызгалов, Шумков, Филинков, Кунников, Дьячков, Брагин, Куклин, много рядовых красноамейцов убито и ранено.

После окончания боя собрали всех наших рененых и убитых и отправили на станцию Комариху, а часов около девяти нам сообщают, что она уж занята белыми; наши раненые и убитые оказались у них в руках. Оказывается, и мы сами почти в плену у белых.

Раздача подарков в день годовщины Октябрьской революции. (×) Мендельсон Б., (××) Басаргин И.

Отступаем непроходимым бором по глубокому снегу. Сначала идем все-таки на Комариху, но потом, выяснив действительное положение, плетемся снегами к станции Валежной.

Горы стали вовсе непроходимыми из-за снегов. Тащить по ним пулеметы совершенно невозможно. Сняли со станков и только стволы смогли дотащить до железной дороги. Там оказался наш броневик, в который мы и погрузились. Однако, сейчас же поднялся вопрос, а как станки? Не оставлять же их, когда броневик под боком. Пошли все-таки, вытащили и уж тогда отправились на станцию Валежную". (Из воспоминаний тов. Берсенева.)

Командир роты тов. Устюжанин рассказывает, как ему пришлось с остатками роты биться на этом же участке.

„Силы были вовсе неравны.

На каждого красноармейца приходилось может быть больше 20 белых.

На роту двигался белогвардейский батальон с пулеметом, который был поставлен на салазки.

Заняв очень выгодную позицию, батальон начал обстреливать остатки нашей роты из пулемета. Положение роты тяжелое. Пулемет у них с артиллерийским щитом. Снять пулеметчиков не так-то просто, да и поставлен пулемет очень ловко.

Красноармеец Отеческих (он длинный такой, выше всех) выручил. Благодаря своему росту он сумел выследить, где пулемет, и пополз снегом в обход. Когда пробрался во фланг так, что щит ему не мешал, Отеческих ссадил пулеметчиков и этим облегчил наше положение. Мы бросились на врага, и батальон был сбит.

Отеческих, конечно, был убит, но мы имели большой успех. Тогда было взято 38 пленных, около 7 возов набралось всякого военного имущества. У разбитой белогвардейской части были какие-то особые шинели — черные, немного сседа. Вроде морских. Какая это часть — так и не знаю.

Тогда же, в этом же бою, погиб и Рогачевский. Тот самый, которого выручали в Никитиной из рук взбудораженной попом толпы".

Таких рассказов об исключительном героизме отдельных бойцов в этих арьергардных боях можно привести много.

Все они показывают, что даже и в эти тяжелые дни бойцы полка не падали духом, не бежали, как многие другие части, а пытались организовать сопротивление.

Действовали разрозненно, но все же временами еще имели успех.

Акулов Ф. И., командир полка, потом комбриг.

В приказе по армии № 339 отмечалось:

„Передайте Крестьянскому коммунистическому полку глубокую благодарность за стойкость и доблесть, проявленную верными сынами революции в тяжелых боях. Истомленные измученные, голодные армейцы Коммунистического полка, не выпустив оружие из рук, отбивались и наносили удары наступающему врагу. С тревогой мы следили за боевой деятельностью полка и с гордостью читали в каждой сводке о славных подвигах".

К Перми полк подошел уже в то время, когда она чуть не полностью была захвачена местной буржуазией, сумевшей организовать восстание мобилизованных. И здесь полк принял деятельное участие, чтобы частично отбить грузы.

В приказе по войскам от 31 декабря 1918 года опять упоминаются имена комсостава полка, которые вместе с другими частями помогли задержать сдачу станции Пермь II почти до ночи и помогли вывезти около 15 эшелонов военного груза.

Эта стойкость и мужество полка Красных орлов была, разумеется, хорошо известна врагу.

Не раз командиру полка Ослоповскому по телефону передавались угрозы, что его повесят.

В случае захвата пленных, белогвардейцы первым же делом пытались узнать: коммунист? из полка Красных орлов? И для коммуниста и для рядового бойца Крестьянского коммунистического полка одинаково была мучительная смерть с издевкой и надругательством над трупом.

Знали об этом и бойцы полка, но в плен они не сдавались. Все же по лесам, в направлении от Левшино до Перми белогвардейцами было расставлено не мало раздетых догола трупов в самых диких положениях с надписями: „Вот как летят красные орлы".

Не все, конечно, из этих расстрелянных и замученных принадлежали к этому полку. И другие части имели вполне достаточно стойких и преданных делу революции людей, которые шли до конца. Тем не менее, враг ставил знак равенства: коммунист-красноармеец полка Красных орлов.

В армейской газете „Красный набат“ от 22 октября 1918 года имеется коротенькая корреспонденция.

„Незаметные герои“.

„В 3 батальоне Н-ского крестьянского полка есть сестра милосердия тов. Быстрова, пользующаяся большой любовью и уважением в среде красноармейцев. Во всех наступлениях тов. Быстрова бывает в передовой цепи, ободряя солдат словами и своим примером. Несмотря на ожесточенный бой, она не прерывает работы — перевязывает раненых красноармейцев. То же самое можно сказать о тов. Даниловой — сестре Волынского полка“.

Примерно такие же коротенькие заметки изредка можно найти во фронтовой печати о сестре Орловой и об „Анне Ивановне“. Фамилию последней (Касла) редко кто знает и обычно в конце заметок поясняется:

— Латышка она. Все ее хорошо у нас знают. Сухощавая такая. Высокая. Уже пожилая.

„Мститель“ — бронепоезд 29 дивизии.

Этот пример пропуска фамилии показывает, что по печатным источникам не всегда можно установить даже имена тех женщин, которые вместе с полком участвовали в вооруженной борьбе за Урал. Редко упоминаются женщины и в воспоминаниях участников полка. Это большой пробел, требующий дополнительной разработки, так как многие женщины — работницы и крестьянки-беднячки боролись против колчаковцев с неменьшим упорством, чем все остальные бойцы.

Тов. Истомин упоминает, что при отступлении первых отрядов женщины села Троицкого шли вместе с бойцами. Особенно запоминались ему крестьянка Рогачевских, которая участвовала в боях вместе со своей взрослой дочерью Мариной и сыном. Таких женщин-бойцов было не мало, особенно в первой стадии формирования полка, но имена их остались забытыми.

Заметки, вроде приведенной вначале, тоже ни в какой степени не отражают ту самоотверженную работу, которую вела женщина на фронте в качестве красной сестры.

Попытаемся здесь, на примере тов. Быстровой, несколько развернуть приведенную о ней заметку:

Быстрова М. И. — дочь рабочего железнодорожника. С 9 лет осталась сиротой и с этого возраста вынуждена была работать по найму. С 14-летнего возраста Быстрова уже сиделка в больнице, а с 1914 г. — сестра госпиталя Красного креста.

Рабочее происхождение и тяжелая школа жизни сразу дали возможность тов. Быстровой определить свой путь с партией. С октября 1917 года она уже член камышловской организации РСП(б), одна из первых женщин, вступивших в красногвардейский отряд тов. Жукова.

При отряде она организует околоток и с 12 июня 1918 года с жуковским отрядом отправляется на Тюмень для подавления кулацкого восстания в селе Белой Елани.

С этого времени сестра Быстрова работала на фронте до 1920 года. Она была назначена сестрой 3 батальона и с ним делала весь поход, став хорошо известной красноармейцам не только батальона, но и всего полка.

В бою под селом Покровским, когда сестра Быстрова перевязывала раненых, ее ранило в ногу навылет. Артиллеристы батареи тов. Лашкевича привезли сестру Быстрову на лафете, и она, едва оправившись от ранения, уже снова была на фронте.

Во время боев под Синячихой тов. Быстрова проявила исключительное мужество. Когда наши части, в результате успешного наступления, заняли Синячиху, тов. Быстрова осталась одна с ранеными в этом бою. Несмотря на опасность положения и надвигающийся вечер, она не ушла с места боя,

Белогвардейцы перед своим отступлением увели из Камышловской тюрьмы партию большевиков-крестьян, дети или члены семей которых были в Красной армии. Группа крестьян—87 человек была зверски убита около с. Черемыш. Никольской волости.

пока не осмотрела всех раненых и не оказала помощь кому сколько могла. Только после она отправилась в Синячиху...

Было уж совсем темно и налицо была опасность попасть под пули заставы, так как никакого пропуска Быстрова не знала. Оставаться до света она все же не стала, так как положение раненых требовало немедленной помощи из завода. Помогло лишь то, что Быстрову хорошо знали даже по голосу. В заставе нашлись люди, недавно бывшие в околотке, и Быстрова беспрепятственно прошла в Синячиху. Там она сейчас же подняла большой шум по поводу оставленных раненых. Спешно организовала транспорт, реквизировала из поповского дома матрацы, перины, половики и ночью с 8-ю подводами поехала за ранеными.

В алапаевском бою сестру Быстрову вновь ранило осколком снаряда в ногу, но Быстрова не покинула своего боевого поста. Передвигаясь ползком, она оказывала помощь раненым, пока сама окончательно не свалилась.

Под Баранчей эта деятельная сестра ухитрилась устроить даже свой бронированный... шесточными плитами из Баранчинского завода околоток. Эта самодельная броня, может быть, и не была особенно надежно укреплена, но позволяла тов. Быстровой оперировать своим бронированным шестками околотком чуть не на самой линии огня.

В тяжелых условиях зимнего похода работала тов. Быстрова во время отступления за Пермью. В одном из переходов обморозила себе ноги. Оправилась от болезни лишь через два месяца и снова приняла участие в работе Красной армии.

Вот какую иногда длинную цепь неисчерпаемого героизма, несгибаемой стойкости и самоотверженной преданности революции содержит пятистрочная заметка о незаметных героях.

А сколько таких незаметных было во время всей боевой жизни полка.

Переломное время

После захвата белыми Перми положение наших частей стало совсем тяжелым, так как кроме огромных потерь в арьер-

гардных боях, в Перми и по Горнозаводской линии, до станции Левшино, было оставлено огромное количество грузов.

Колчаковцы торжествовали. Кричали в своих газетах о полном разгроме Красной армии, о близком падении советской власти.

Остатки полка Красных орлов время от времени еще отбивались в мелких стычках, отступая на Глазов.

Положение 3-й армии т. Ворошиловым изображается так:

„В конце 1918 года создалось катастрофическое положение на восточном фронте и особенно на участке 3 армии, вынужденной сдать Пермь. Охваченная противником полу олмцом, эта армия к концу ноября была окончательно деморализована. В результате шестимесячных бессменных боев, при отсутствии сколько-нибудь надежных резервов, при необеспеченности тыла, отвратительно налаженном продовольствии (29 дивизия пять суток отбивалась буквально без куска хлеба), при 35° мороза, полном бездорожьи, огромной растянутости фронта (около 400 км), при слабом штабе 3 армия оказалась не в состоянии устоять против натиска превосходных сил противника.

Для полноты безотрадной картины надо прибавить массовые измены командного состава из бывших офицеров, сдачу в плен целых полков, как результат плохого классового отбора пополнений и никуда негодного командования. В такой обстановке 3 армия окончательно развалилась, беспорядочно отступала, проделав за 20 дней 300 километров и потеряв за эти дни 18 000 бойцов, десятки орудий, сотни пулеметов и т. д. (Сборник статей о тов. Сталине, к 50-летию, Гиз, 1929, стр. 68.)

ЦК партии было принято решение назначить партийно-следственную комиссию в составе тт. Сталина и Дзержинского „для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на Уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления".

По статье тов. Ворошилова эти причины в кратком предварительном отчете тт. Сталина и Дзержинского от 13 января сведены в основном к следующему:

„Усталость и измотанность армии к моменту наступления противника, отсутствие у нас резервов к этому моменту, оторванность штаба от армии, бесхозяйственность командарма, недопустимо преступный способ управления фронтом со стороны Реввоенсовета республики, парализовавшего фронт своими противоречивыми директивами и отнявшего у фронта всякую возможность придти на скорую помощь 3 армии, ненадежность присланных из тыла подкреплений, объясняемая старыми способами комплектования, абсолютная непрочность тыла, объясняемая полной беспомощностью и неспособностью советских и партийных организаций"[1].

Но еще до посылки этого отчета тов. Сталин наметил ряд срочных мер по восстановлению положения армии и укреплению фронта. 5 января посылается такая телеграмма:

„Председателю Совета обороны тов. Ленину.

Расследование начато. О ходе расследования будем сообщать попутно. Пока считаем нужным заявить вам об одной нетерпящей отлагательства нужде 3 армии. Дело в том, что от 3-й армии (более 30 000 человек) осталось лишь 11 000 усталых, истрепанных солдат, еле сдерживающих напор противника. Посланные главкомом части ненадежны, частью даже враждебны к нам и нуждаются в серьезной фильтровке. Для спасения остатков 3 армии и предотвращения быстрого продвижения противника до Вятки (по всем данным, полученным от командного состава фронта и 3 армии, эта опасность совершенно реальна) абсолютно необходимо срочно перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере 3 совершенно надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующее военное учреждение. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми, таково общее мнение причастных к делу товарищей, к которым мы присоединяемся на основании всех имеющихся у нас данных. Сталин. Дзержинский. 5/I-19 г. Вятка"[2].

---

[1] Сборник статей к 50-летию со дня рождения тов. Сталина, ГИЗ, 1930 год стр. 44. Статья К. Ворошилова — Сталин и Красная армия.

[2] Сборник статей к 50-летию со дня рождения тов. Сталина, ГИЗ 1929 год, стр. 70. Статья К. Ворошилова — Сталин и Красная армия.

Как быстро, решительно и широко проводились эти меры, можно видеть из следующего отчета Совету обороны:

„К 15 января послано на фронт 1200 надежных штыков и сабель; через день — 2 эскадрона кавалерии. 20-го отправлен 62-й полк III бригады (предварительно профильтрован тщательно). Эти части дали возможность приостановить наступление противника, переломили настроение 3 армии и открыли наступление на Пермь, пока что успешное. В тылу армии происходит серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и в уездных городах организованы революционные комитеты. Начато и продолжается насаждение крепких революционных организаций в деревне. Перестраивается на новый лад вся партийная и советская работа. Очищен и переобразован военный контроль. Очищена и пополнена новыми партийными работниками губчрезвычайная комиссия. Налажена разгрузка Вятского узла“.

Эти меры, принятые комиссией тов. Сталина по усилению армии надежным пополнением, а также по укреплению тыла, сказались в ближайшем же времени.

Не только было приостановлено движение противника, но в январе уже начались наступительные действия 3 армии.

Полк Красных орлов за это время имел возможность получить передышку в Глазове на 11 дней. Снова был брошен на линию боев, но уже с значительным пополнением.

Задачей оставшихся бойцов полка было в первую очередь теперь воспитать ту стойкость и мужество, которое приобрел полк в непрерывных боях за Урал. И это боевое воспитание шло успешно. В приказах по армии опять появилось имя полка Красных орлов.

„Доблестные волынцы и красные орлы, перейдя в решительное наступление, заняли деревни Соснята, Нижние и Верхние Купеты и Федулино. Благодарю комбрига Акулова и вверенные ему славные полки за их отличную работу. Приказываю полк Красных орлов во что бы то ни стало выдвинуть до разъезда 31 и, заняв таковой и установив тесную связь с Камским полком, охранять прорыв между вами и второй бригадой“.

Дальше в приказе идет вызов на соревнование.

„Надеюсь, что II бригада выполнит так же успешно ее боевую задачу, как и I“.

„Доношу, что на участке 2 батальона моего полка (деревни Ларионова и Четкова, Петрунята, Анютята) противник большими силами ведет наступление. Роты геройски отражают противника, несмотря на то, что несут поражение. Противник неоднократно бросался на-ура, но каждый раз с потерями был отбит“.

„Доношу, что приказ ваш № 0819 выполнен в точности. Полк занял следующие пункты: 1-й батальон — деревню Палом двумя ротами, резервная рота — деревню Каваляр“ и т. д.

После перечня пунктов нового расположения полка командир тов. Ослоповский добавляет:

„По пути следования производили мобилизацию. Результаты таковы: 184 человека, которые отправлены в бригаду к коменданту. Затем собраны всех полков отсталые люди, которые направлены по своим частям“.

В этом добавлении явственно выступает роль полка как организатора пополнений.

Бойцы принимали все усилия к обработке новых кадров. Можно привести огромное количество случаев, с каким старанием и энтузиазмом проводилась эта обработка.

В воспоминаниях об этом периоде жизни полка имеется не мало красочных эпизодов учебы в боевой обстановке. Ввиде примера ниже приводим лишь один случай из жизни команды лыжников полка.

Под прикрытием метели

В глубоких снегах рассыпанных вятских деревень-починков дорожка — большое дело. Перерезал ее или захватил высоту над нею, — и противник, превосходящий тебя силами, — в твоих руках.

В этих условиях лыжные команды могут сделать очень многое, особенно когда они состоят из беззаветно преданных делу людей.

Молодой красивый парень Коля Садчиков из рабочих Лысьвенского завода — начальник лыжной команды полка. Команда невелика — всего 7 человек, но подобрана. Туда взяты храбрые из храбрых, которые не боятся страшных слов: „отрезаны“, „обойдены“, „окружены“.

И уже не раз лыжная команда себя показала отважными бойцами.

В районе севернее станции Верещагино командир одной роты оплошал — выбрал крайне неудачную позицию в деревне, расположенной в котловине. Колчаковцы воспользовались ошибкой. Они заняли возвышенность с восточной стороны деревни и установили тут пулеметы. Получилось гиблое дело для роты. Пулеметы противника снимали всех, кто пытался выбраться из деревни. По телефону командиру полка тов. Ослоповскому категорическое сообщение: „Погибли“.

Посланный на выручку взвод ничего не смог сделать, так как дорожки в деревню были под обстрелом противника.

— А если лыжников пустить в обход,— мелькнуло у Ослоповского.— Но ведь там, по сообщению комроты, целый батальон, а лыжников семеро. Слишком неравные силы,— потушил командир свою мысль. Но другого выхода нет. — Рискнуть? Взять на пушку?

Коля Садчиков сейчас же ухватился за предложение.

— Место удобное — лес. Да еще вон как метет по дорогам. Свету не видно. Обойти можно совсем незаметно и такого шуму наделать, что ох-ти мне. Не поздоровится на горке сидеть, вниз запросятся...

С лыжниками пошел и командир полка. Захватили пулемет „Льюис“. Забросали себя снегом и незамеченные противником зарылись в снегу вблизи дорожки, которая связывала нападающих с их тылом. Ложную тревогу поднимать не пришлось, так как в это время как раз в тыл шла разведка противника — 14 человек. Пропустили — и в затылок дали несколько залпов. 4 убитых, остальные ранены.

Противник, как и ожидали, забеспокоился и стал посылать в тыл связных, которых не трудно было снимать или забирать в плен.

От пленных узнали, что на гребне батальон 7 кузнецкого полка.

Не установив связи, противник еще более забеспокоился и стал направлять в тыл пулеметы. Уничтожая обслуживающий состав пулеметов, лыжники не дали возможности открыть пулеметный огонь. Два пулемета были брошены противником. Началось паническое бегство, но уже тут лыжники стрелять не стали, так как патроны подходили к концу и была опасность, что противник, опомнившись, может залечь в снегу вдоль дорожки, тогда перевес будет на его стороне.

Дело, однако, не обошлось без тяжелой потери.

Когда уже была уверенность в том, что противник очистил свои окопы, лыжники поднялись из своих гнезд и через окопы прошли к деревне. Там наши слышали стрельбу в тылу и не понимали, что делается, но были в полной боевой готовности. Узнав еще издали по высокому росту командира полка Ослоповского, рота высыпала из окопов с криком „ура".

В это время сзади, из окопов врага, раздался одинокий четкий выстрел.

Коля Садчиков как-то странно подпрыгнул и упал навзничь.

Вторая пуля шлепнулась в плетень...

— Побереги себя, товарищ командир,— ослабевшим как будто от большой усталости голосом проговорил Садчиков.

— Тяжело... не бросай меня, — чуть слышно добавил он.

Командир, склонившись над ним, начал утешать.

— Пустяки... не видал, что ли, раненых... Мало ли бывает... Не все умирают... Большинство живут...

На глазах юного начальника лыжной команды крупные слезы.

— Нет уж, чувствую... ноги отнялись... чужие.

Потом, как бы утешая себя, прибавил:

— Ты еще им покажешь...

Пуля пробила позвоночник и прошла в полость живота, задев мочевой пузырь.

Инвалидом стал красивый, стройный парень Коля Садчиков, рабочий Лысьвенского завода.

Дальнейший путь полка

Все эти Тюхнята, Афонята, Анютята, Васечата и т. д., около которых в снегах погибло не мало наших бойцов, отодвинулись.

Красная армия, окрепнув и пополнившись свежими кадрами, укрепив себя технически и перейдя на плановое снабжение, развертывала наступательное движение на Урал и Сибирь. Полку Красных орлов, теперь уже неумеренному — 253, пришлось сделать обратный путь по местам прежних боев или близко от этих точек.

С 13 июня 1919 года после разгрома белых на участке Юмская начинается движение на Пермь. Бой под станцией Шабуничи, занятие Перми; дальше Лысьва, Верхний Тагил, Нейво-Рудянка, Шайтанка, опять Режевский завод, опять Егоршино. Еще дальше Камышлов, Долматов. Потом направление на Ялуторовск, оттуда на Ишим. Это все — далеко не прогулка. Чуть не в каждой сводке, которые уже теперь стали регулярны, отмечаются потери в комсоставе и рядовых бойцах.

В деревне Смирновой, около Шадринска, один из батальонов полка оказался окруженным противником и чуть не погиб совсем, но был отбит другим батальоном. Под Ишимом тоже были напряженные бои и тяжелые минуты, когда колчаковским карательным отрядам удалось захватить штаб, и военком полка, который теперь был военкомом бригады. тов. Юдин был повешен. От Ишима полк получал направление на юг.

Преодолеть путь из Сибири на юг в условиях того времени — трудность не малая. Надо сказать, что она еще усиливалась тем, что приходилось проезжать мимо родных сел, деревень.

Путь до Москвы еще был сносен. Только через Каму пришлось перебираться с трудом. Но дальше от Москвы ехать пришлось уже по совсем разрушенной дороге. Тут еще тиф. Заболел почти весь состав. Так и отсиживались от

тифа в походе. Умер комбат Сурнин, умирали красноармейцы. В результате, будучи в пути с 20 декабря 1919 года, до ст. Синельниковой добрались лишь во второй половине апреля. Там пришлось бороться с махновщиной при противодействии населения, распевавшего по дудочке своих кулаков.

— От, бисовы москали, в Москве хлеб пожрали, к нам идуть.

И тут же пренебрежительное восклицание:

— Ну, яки ви вояки. Тай ще удумали до батьки Махно гоняться. Тай вин вам усив башки порубает.

Порубать башки, однако, оказалось не так просто. Правда, несли потери, но и Махно не поздоровилось. После одной серьезной взбучки он даже вызвал к аппарату комиссара полка Красных орлов и с Гуляй-поля передал: „Привет-красноармейцам вашего полка за храбрость и геройство от Махно".

Что хотел этим показать демагог Махно, не разбирались, а над приветом посмеялись здорово.

— Вот, видно, его как зачубучили, что вежливый стал.

Дальше — врангелевский фронт. Когда подъезжали, не знали положения дела и даже простодушно мечтали.

— Ну, ребята, теперь отдыхать будем на юге. Врангель в Крыму, махновцев тут нет, лафа житьишко-то!

Но вскоре над Перекопом загремели пушки, зататакали пулеметы.

Волынский полк нашей бригады, опередив нас в пути, уже в бою, и очень успешном, захватил у врангелевцев целых два полка. Мы в восторге. С рассветом двинулись всей бригадой вдоль Сиваша на Перекоп. Тут оказались в ловушке. С правого фланга пулеметы, пули вдоль цепи, аэропланы сверху и артиллерия кроет ураганным. Кончилось тем, что из бригады не могли свести полного полка. В этом бою у Сиваша и кончается славная история 253 крестьянского коммунистического Красных орлов полка.

Знамя, добытое кровью, не раз окрозавленное в боях, последний военком полка тов. Тарских П. М. передал комиссару штаба 4 армии Конконову и расписку сдал в штаб Приурво.

Слово Коммунистический в названии полка было не украсительной прибавкой, а выражало действительное положение дела.

Это можно проследить с самого начала комплектования полка.

Как известно, с половины июля 1918 года уже действовал декрет Совнаркома от 12/VI 1918 года о мобилизации. На основе этого декрета, в порядке мобилизационных приказов, и производилось комплектование полков, например Четвертого в Шадринске, Пятого — в Камышлове.

Подобного мобилизационного приказа по полку Красных

Первая партконференция 29 дивизии 20 октября 1918 г. в Кушве.

орлов не имеется. В документах сохранилась лишь коротенькая телеграмма военного комиссара тов. Лацис в ответ на запрос Подпорина:

„Приступайте окрестных деревнях формированию отрядов сочувствующих советской власти".

По этому документу видно, что руководство области согласилось поддержать инициативу уезда в комплектовании военной части чисто добровольческого типа.

Основанием этой части явились те боевые дружины, которые имелись на местах, куда, конечно, в первую очередь входили „советчики", т. е. та группа населения, которая работала по укреплению советской власти в деревнях.

В Камышловском уезде разрыв с эсерами наметился с апреля 1918 года, а в мае уже объявлялось в „Известиях совдепа" о роспуске организации левых эсеров.

Если к этому прибавить влияние большевистски настроенного Каменска, то станет ясным, что деревенские вооруженные отряды в районе западной части уезда могли быть только большевистскими.

С фронта в 1918 году в деревню возвращались чуть не поголовно большевиками, но далеко не каждый оставался большевиком, добравшись до своего хозяйства. Стойкими носителями большевизма оказались лишь деревенские бедняки и часть середняков. Они-то и включились первым делом в работу по установлению советской власти в деревне и по освобождению ее от земско-эсеровского засилья.

Деревенская беднота из тех возрастов, которые оставались дома, принимала не менее деятельное участие в проведении мероприятий советской власти, так как все эти меры были жизненно необходимы для бедноты. Кулацкая часть деревни со своей стороны пыталась всячески противодействовать этому, и чем дальше, тем сильнее. Особенно обострилась классовая борьба в деревне, когда дело дошло до передела земли, правильного распределения семенного материала, а также классового распределения ставок налога. Чтобы сломить противодействие кулацкой верхушки деревни, беднота, под руководством партии и рабочих, стала органи-

зовывать боевые дружины. Оружие и инструктаж получала она из уездного центра и Каменского завода, откуда на помощь деревенской бедноте нередко приезжал вооруженный отряд рабочих.

При комплектовании полка, главным образом из этих деревенских боевых дружин и рабочих отрядов получился довольно однообразный классовый состав.

Не все, конечно, входили в партию, но подавляющее большинство было крепко связано с нею.

Недаром в Катайске, когда шел спор о названиях полка, Подпорин, ударив по столу, крикнул:

— Крестьянским коммунистическим назовем, и кончен разговор! С нашей партией идет беднота и, значит, может она называться коммунистической!

Низший и средний комсостав полка состоял преимущественно из фронтовиков крестьян и рабочих, причем большинство командиров были большевиками.

В архиве Красной армии сохранился интересный документ о состоянии командования полка в период боев под Баранчей. Этот список в приложении приводится полностью. Там видно, что из 36 человек комсостава был лишь один анархист, один с.-д. интернационалист и один — беспартийный (врач). Все отальные — большевики.

В графе, где отмечалась прежняя служба, только в одном месте сказано — „не солдат".

Разумеется, в числе „советчиков" в полк вступила какая-то часть и шкурного элемента, но она быстро отсеялась. Эти предпочитали, по пословице того времени, смазывать пятки сразу до Вятки". В глубоком тылу они отыскивали себе всякие нужные, малонужные и вовсе ненужные занятия. Так, в Вятке из этой трухи была организована одно время художественная студия, в которую записалось свыше 500 человек. Так много оказалось художников в Вятке как раз в ту пору, когда на Уральском фронте был на счету каждый боец!

Эта тыловая гниль, однако, ни в какой мере не характеризует того подлинного советчика, который был в кадрах полка.

Хотя основными организаторами полка, как уже не раз отмечалось, были рабочие Камышлова и Каменска, название полка Крестьянский было вполне оправдано. Крестьян в полку все-таки было большинство. По преимуществу это были бедняки, прошедшие тяжелую школу империалистической войны и не мало поработавшие в деревне в условиях классовой борьбы, особо обострившейся перед началом гражданской войны.

Эта работа, проводившаяся по директивам партии, под руководством приезжавших из рабочих центров инструкторов-большевиков, крепко спаяла деревенских „советчиков" с партией.

Естественно, что в полку, составленном таким образом, партийная работа должна быть основным звеном с самого начала жизни полка.

Так и было.

Со 2 октября в полку уже действует постоянный, избранный на конференции в Салде полковой партийный комитет. Председателем его был тов. Стриганов Ф. И., тов. председателя — военком Юдин А. И. и членами: Цеховский А. М., Ковригин М. Д., Басаргин И. И., Тарских П. М.

Полковой комитет в первую очередь развертывает работу по укреплению дисциплины полка.

В архиве Красной армии нередки документы такого порядка: „Полковое бюро РКП просит отдать в приказе по полку нижеследующее постановление:

„Шеломенцев Егор за пьянство и нарушение товарищеской дисциплины подвергается наряду вне очереди на 10 суток".

„Усольцев Егор за клевету и оскорбление товарища по команде подвергается наряду вне очереди на 5 суток и выговору перед общим собранием с отдачей в приказе по полку".

Иногда эти меры доводились до последнего предела.

„18 августа был расстрелян красноармеец 8 роты 1 крестьянского полка Хацкевич, как самовольно покинувший пост. Считаю своим долгом отметить сознание революционного долга тт. красноармейцами 8 роты, которые сами не желают иметь в своих рядах трусов, изменников революции".

Наряду с этим очень по-серьезному ставился вопрос и по отношению к „мелочам".

„Объявляю список товарищей, покинувших ротное партийное собрание 1918 года 10 октября", и дальше идет перечень фамилий 21 человека 3 взвода 9 роты.

Это говорит, что даже в напряженной боевой обстановке в полку Красных орлов не забывалась необходимость регулярной связи между членами партии.

Полковое бюро имело в своем распоряжении кроме того специальных партработников-бойцов. Наиболее заметны из них уже не раз назывались. Это Залман Лабков, работник омского крайсовета, и Антип Федоров, бывший председатель

Командир полка Ослоповский И. А. председатель полкового бюро РКП(б) Стриганов Ф. И., военком Юдин А. И., члены бюро РКП(б): Басаргин И. И., Ковригин М.

камышловской партийной организации. Тот и другой не просто являлись в полк время от времени, а жили с полком, проделывая с ним его тяжелые переходы, участвуя в непрерывных боях.

Дивизионная партийная конференция, собравшаяся 20 октября в Кушве, сочла необходимым даже послать специальную телеграмму Крестьянскому полку, как лучшему в дивизии, причем имелись ввиду не столько его боевые подвиги, уже отмеченные в приказе по армии, сколько хорошо налаженная партийно-массовая работа, результатом которой по существу и являлись высокие боевые качества полка.

Военком полка Юдин, когда ему пришлось прощаться с полком вследствие назначения его военкомом бригады, так говорил по этому поводу:

„Наш славный полк запечатлел себя не только боеспособностью, но и организованностью. Классовое самосознание всегда стояло выше всякой похвалы, и я должен отдать справедливость тт. коммунистам, которые, не покладая рук, все время работали в наших коммунистических ячейках".

В дополнение к мерам агитации и пропаганды через печать красноармейцы сами печатали на машинках и просто писали письма к белым, обрисовывая в них настоящее положение дела. В результате этой совместной работы политотдела и рядовых красноармейцев большевиков началось заметное действие нашей пропаганды в рядах противника. В половине ноября к нам пришла первая рота противника (8-я, Бийского полка) с пулеметами. Только то положение, которое тогда создалось в 3 армии, помешало развернуть этот первый успех пропаганды.

В районе от Глазова к Перми красноармейцы полка сумели организовать постоянную передачу нашей литературы и писем частям противника.

Какую-нибудь „немудрящую" лошаденку нагружали мешками с газетами, письмами и отправляли в район расположения противника. Сначала таких лошадей допускали, но потом офицерство открывало по ним огонь, так как достаточно убедилось в действенности этих красноармейских посылок.

Бюро РКП полка Красных орлов даже издавало свою полковую газету „Боевой клич".

Подводя итоги работы полка за первый год, командир полка Ослоповский совершенно правильно поставил вопрос.

„Сегодня (12 июля 1919 г.) исполнился год, как сознательные рабочие и крестьяне Камышловского и Шадринского уездов, видя надвигающуюся грозу с востока, бросив мирный труд, свои дома и семьи, потянулись для соединения своих сил в село Катайское, где и положена была основа Первого крестьянского коммунистического полка тов. Подпориным.

Год существования полка — год великих испытаний. Полк все время бился с превосходными силами противника. Десятки и сотни раз разбивалась волна белых о могучую грудь полка. Много пало и наших героев в неравных боях, но никогда не падал дух славных орлов. Они, твердо веря в победу, боролись, не считаясь ни с чем. Ни голод, ни холод, ни неудачи не могли поколебать их веру в пролетарскую силу и окончательную победу труда над капиталом".

Сломить эту уверенность в конечной победе пролетариата действительно было нельзя. Полк представлял собой монолитный состав из рабочих и деревенской бедноты, для которых вопрос победы пролетарской революции был вопросом личной жизни или смерти.

Повседневная работа коммунистов полка, выдержка и стойкость при всевозможных лишениях и энтузиазм борьбы не могли не действовать даже на самых отсталых и несознательных красноармейцев, превращая их в преданных бойцов революции, о которых дети могли бы без лишних пояснений сказать:

Отец мой был солдатом-коммунаром
В великом восемнадцатом году.

Самоотверженная работа коммунистов в этом классово отобранном полку и была той главной силой, которая сделала Крестьянскому коммунистическому Красных орлов полку его славное боевое имя.

Список командного состава Первого крестьянского Красных орлов советского полка [1]

Фамилия, имя и отчество	Должность	Бывший чин и должность, в какой служил	Партийн. принадл.
Ослоповский, Иосиф Андреевич	Командир полка	Прапорщик, моряк крейсера „Олег", заведующий школой юнгов	Коммун.
Акулов Сергей Тимофеевич	Его помощник	Прапорщик, начальник учебной команды 29 сибирского полка	„
Юдин, Александр Алексеевич	Комиссар	Моторный унтерофицер 1-й статьи. Отряд средств высадки войск Черного моря	„
Судаков, Георгий Александрович	Заведующий хозяйственной частью	Вольноопределяющийся 303 сенского пехотного полка	„
Дудин, Леонид Афанасьевич	Делопроизвод. по стрелковой части	Поручик, начальник учебной команды 104 устюжинского князя Багратиона полка	„
Кузнецов, Калистрат Алексеевич	Делопроизвод. по хозяйствен. части	Рядовой 27 витебского полка	„
Лещев, Димитрий Иванович	Казначей	Старший писарь с.-петербургского отделения корпуса пограничной стражи	„
Зуев, Иван Тихонович	Квартирмейстер	Не солдат	„
Таланкин, Афанасий Семенович	Начальник пулеметной команды	Младший унтерофицер 299 дубенского полка	

[1] Архив Красной армии, дело № 4, лист 23.

Фамилия, имя и отчество	Должность	Бывший чин и должность, в какой служил	Партийн. принадл.
Антропов, Иван Сергеевич	Его помощник	186 аландукского полка младший унтерофицер, взводный командир	Коммун.
Брылин, Константин Васильевич	Начальник команды связи	Команды связи, младший унтерофицер 183 пултинского полка	"
Грехов, Александр Алексеевич	Его помощник	Рядовой команды связи 84-й дивизии	"
Шипачев, Степан Васильевич	Начальн. команды конной разведки	Фельдфебель 26 сибирского стрелков. полка	"
Нет	Начальник саперной команды		
Аристов, Сергей Александрович	Старший врач	Коллежский советник. Главный врач 49 пехотной дивизии, 24 корпуса перевязочного отряда	Беспарт.
Нет	Младший врач		
Нет	Начальник бомбометной команды		
Кобяков, Александр Иванович	Командир I батал.	24 сибирского стрелкового полка, взводный командир, старший унтерофицер	Коммун.
Полуяхтов, Андрей Афанасьевич	Командир II батал.	Старший унтерофицер, взводный командир 96 омского полка	"
Григорьев, Федор Васильевич	Командир III батал.	Рядовой лейбгвардии финляндского полка	"

Фамилия, имя и отчество	Должность	Бывший чин и должность, в какой служил	Партийн. принадл.
Баженов, Никифор Артемьевич	Командир 1-й роты	Лейбгвардии московского полка взводный командир, младший унтерофицер	Коммун.
Плотников, Ефим Исакович	Его помощник	Младший унтерофицер, командир взвода 85 выборгского полка	„
Сарафанов, Никита Михайлович	Командир 2-й роты	Подпрапорщик, фельдфебель 333 глазовского пехотного полка	„
Шульжик, Павел Феоктистович	Его помощник	Младший унтерофицер, взводный командир 5 амурского полка	„
Телегин, Борис Кузьмич	Командир 3-й роты	Прапорщик, полуротный командир 2 сибирского стрелкового полка	С.-д. интернац.
Ватагин, Константин Никитич	Его помощник	Старший унтерофицер, взводный командир 1 российского стрелкового полка	Коммун.
Плотников, Павел Андреевич	Командир 4-й роты	2 отделения полевой тяжелой артиллерии дивизии, 3 батальонный младший фейерверкер	„
Титов, Тарас Евгеньевич	Его помощник	Старший унтерофицер, командир взвода 8 сибирского полка	„
Коробицин, Михаил Димитриевич	Командир 5-й роты	6 сибирского стрелкового полка, артиллерийской бригады, 2 взводный командир, фельдфебель	„

Фамилия, имя и отчество	Должность	Бывший чин и должность, в какой служил	Партийн. принадл.
Бычков, Николай Степанович	Его помощник	Старший унтерофицер, взводный командир 183 пултуского пехотного полка	Коммун.
Ляпин, Павел Степанович	Командир 6-й роты	Подпрапорщик 31 алексеевского полка, фельдфебель	„
Халямин, Иван Тимофеевич	Его помощник	Подпрапорщик, фельдфебель черноморской дивизии	„
Стафеев, Степан Яковлевич	Командир 7-й роты	36 восточного сибирского стрелкового полка, фельдфебель	„
Брызгалов, Михаил Ильич	Его помощник	Младший унтерофицер, взводный командир 556 пешей самарской дружины	„
Турыгин, Максим Васильевич	Командир 8-й роты	1 гусарского сумского полка унтерофицер, наездник	„
Третьяков, Петр Николаевич	Его помощник	25 артиллерийской бригады, старший фейерверкер	Анархист
Маркелов, Иван Данилович	Командир 9-й роты	Фельдфебель 731 комаровского полка	Коммун.
Исаков, Димитрий Иванович	Его помощник	24 саперного батальона, младший унтерофицер инструктор	„

Библиотека ... Ленина

Оглавление